A 229/135

Н 135

СВЯТѢЙШІЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ,—

ЕГО ЖИЗНЬ, ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАТОЧЕНІЕ И КОНЧИНА,

ОПИСАНІЕ, ОСНОВАННАГО ПАТРІАРХОМЪ НИКОНОМЪ,

ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ,

ИМЕНУЕМАГО

„НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ“,

ЕГО СВЯТЫНЬ И ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ.

Составилъ *Н. Сергіевскій.*

МОСКВА.
Типографія И. Я. Полякова, Покровка, д. Азанчевской.
1894.

А 229/135
801-95
4622-9

СВЯТѢЙШІЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ,—

ЕГО ЖИЗНЬ, ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАТОЧЕНІЕ И КОНЧИНА.

ОПИСАНІЕ, ОСНОВАННАГО ПАТРІАРХОМЪ НИКОНОМЪ,

ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ,

ИМЕНУЕМАГО

„НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ",

ЕГО СВЯТЫНЬ И ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

Составилъ *Н. С — ій.*

МОСКВА.
Изданіе Московскаго книгопродавца
Алексѣя Дмитріевича САЗОНОВА.
1894.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, августа 5-го дня 1893 года.

Цензоръ священникъ ***Григорій Дьяченко.***

Типографія И. Я. Полякова, Покровка, д. Азанчевской.

НИКОНЪ.

Патріархъ Московскій и всея Россіи.

О. РЕНАРЪ

Гр. Ф. Жиловидовъ

Сверхъ

Нїконъ Бж҃їего мл҃стїю архїеп҃пъ Ц҃рствующа
Гра Москвы и всеѧ великїѧ и малыѧ
и бѣлыѧ росїи Патрархъ

Отъ составителя.

Ежегодно множество богомольцевъ стекается въ Воскресенскій монастырь, именуемый также Новымъ Іерусалимомъ. Обыкновенно богомольцы, посѣщая монастыри, интересуются личностями и исторіей жизни ихъ основателей. Такъ и здѣсь, они, въ числѣ прочихъ святынь, съ благоговѣніемъ преклоняются передъ гробницей великаго основателя Воскресенскаго монастыря—святѣйшаго патріарха всероссійскаго Никона, и при этомъ, конечно, интересуются познакомиться съ этою замѣчательною личностью, которой такъ много обязана Воскресенская обитель, и съ подробностями его жизни. Къ тому же личность патріарха Никона и сама по себѣ въ высшей степени замѣчательна и достойна глубокаго вниманія. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ популярныхъ о немъ сочиненій: есть много статей посвященныхъ его памяти, но одинъ изъ нихъ уже

устарѣли, другія—большинство—слишкомъ спеціальны и чисто-научнаго содержанія. Въ виду этого, мы и предприняли это популярное изданіе, посвященное исторіи жизни и дѣятельности Никона, въ формѣ простого разсказа, не преслѣдуя при этомъ никакихъ ученыхъ цѣлей. При этомъ, чтобы полнѣе и рельефнѣе очертить величавую личность патріарха Никона, чтобы ближе ознакомить съ подробностями его жизни всѣхъ желающихъ,—мы пользовались почти всѣми существующими въ русской литературѣ матеріалами.

Изъ первоисточниковъ у насъ подъ руками были: Шушерина „Извѣстіе о рожденіи, житіи, святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Россіи“, изд. 1871 г.

Нѣкоторыя статьи изъ собранія государственныхъ грамотъ.

Нѣкоторыя подлинныя письма Никона и царя Алексѣя Михайловича, напечатанныя въ приложеніи къ сочиненію архимандрита Аполлоса о Никонѣ и нѣкоторые другіе документы.

Кромѣ того мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

Исторіями русской церкви преосвященныхъ Макарія, Филарета, Иннокентія, Платона. Гри-

горія, исторіей Россіи Соловьева и Костомарова, сочиненіемъ архимандрита Аполлоса „Начертаніе житія и дѣла Никона, патріарха московскаго и всея Россіи“, статьей г. Субботина „Дѣло патріарха Никона“, статьей о Никонѣ, помѣщенной въ Прибавленіяхъ къ твор. Св. От. за 1860 г., руководствомъ къ русской церковной исторіи Знаменскаго и нѣкоторыми другими статьями и сочиненіями.

Мы могли бы всю статью испестрить цитатами, но не считали этого нужнымъ, такъ какъ она не научнаго характера, а популярнаго. Лишь тамъ, гдѣ мы дѣлали выдержки изъ чьихъ либо писемъ и грамотъ, мы находили необходимымъ дѣлать ссылки, или же въ изложеніи событій не ясныхъ для перваго взгляда. Встрѣчающіяся же у насъ нерѣдко рѣчи Никона и другихъ лицъ, въ разговорной формѣ,—мы не нашли возможнымъ иллюстрировать цитатами; но при изложеніи ихъ мы пользовались лучшими существующими матеріалами и сочиненіями о Никонѣ, провѣряя ихъ между собою.

Составитель **Н. С.**—**скій.**

ГЛАВА I.

Дѣтство Никона, въ мірѣ Никиты.—Обученіе грамотѣ.—Желтоводскій монастырь.—Никита—священникъ.—Принятіе иноческаго сана; Анзерскій скитъ.—Кожеозерская пустынь. — Никонъ—архимадритъ Новоспасскаго монастыря; любовь къ нему царя.

Знаменитѣйшій патріархъ Всероссійскій Никонъ родился въ маѣ мѣсяцѣ 1605 года, въ селѣ Вельдемановѣ, княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, отъ крестьянина именемъ Мины, и нареченъ при св. крещеніи Никитою. Мать умерла вскорѣ послѣ его рожденія. Тогда одна посторонняя женщина того села, именемъ Ксенія, изъ состраданія о сиротствѣ и безпомощности Никиты, взяла малютку къ себѣ на воспитаніе; у ней онъ и жилъ до отроческихъ лѣтъ. Между тѣмъ, отецъ Никиты женился на другой женѣ, которая ввела къ нему въ домъ дѣтей отъ перваго мужа. Вторая жена Мины была женщина особенно злого нрава; сурово и непривѣтливо встрѣтила она воротившагося въ родительскій домъ Никиту. Стараясь кормить своихъ дѣтей какъ можно лучше, она ничего не давала своему бѣдному пасынку, кромѣ черстваго хлѣба, безпрестанно бранила его, нерѣд-

ко колачивала до крови, и однажды, когда голодный Никита хотѣлъ было забраться въ погребъ, чтобы достать себѣ пищи, мачиха, поймавши его, такъ сильно ударила въ спину, что онъ упалъ въ погребъ и чуть не умеръ. За такое обращеніе отецъ Никиты нерѣдко бранился съ женою, а когда слова не дѣйствовали, то и билъ ее. Но это не помогало несчастному: мачиха отмщала мужнины побои на пасынкѣ, и даже, какъ говорятъ, замышляла извести его. Однажды бѣдный мальчикъ, плохо одѣтый, отъ зимняго холода залѣзъ въ печь и тамъ заснулъ. Мачиха наложила туда дровъ и затопила печь, съ злодѣйскимъ умысломъ сжечь Никиту. Проснувшійся мальчикъ началъ отчаянно кричать; на его счастіе крикъ услыхала его бабка (вышеупомянутая Ксенія), которая вытащила дрова изъ печи и, такимъ образомъ, спасла его отъ смерти. Въ другой разъ, злая мачиха пыталась отравить пасынка, но Никита счастливо избавился отъ этой бѣды: пища, въ которую для него вложенъ былъ мышьякъ, ему почему-то не понравилась, и онъ не сталъ ѣсть ее.

Такъ печально текли дѣтскіе годы, богато-одареннаго отъ природы Никиты, въ грубой, суровой обстановкѣ, среди постоянныхъ опасностей, огорченій и утѣсненій разнаго рода. Но Богъ хранилъ ребенка, а несчастія лишь закаляли его

душу и вырабатывали въ немъ ту твердость характера, ту энергію и силу воли, которыя впослѣдствіи такъ нужны были ему для исполненія его великаго дѣла и для неустанной борьбы съ многочисленными врагами и недоброжелателями. Никита отъ природы не былъ рожденъ для той удушливой, невѣжественной, узкой среды, въ которой онъ родился. Ему и помимо личныхъ матеріальныхъ огорченій, тяжело въ ней жилось: его богато-одаренная природа требовала простора для развитія своихъ духовныхъ силъ. И быть можетъ ребенокъ преждевременно заглохнулъ бы въ этой средѣ и отъ этой жизни, если бы не имѣлъ счастливаго случая выучиться грамотѣ. Когда Никита подросъ, отецъ его, самъ неграмотный и вопреки обычаямъ своихъ односельцевъ, отдалъ его почему-то для наученія грамотѣ. Въ короткое время юноша сдѣлалъ быстрые успѣхи въ чтеніи и письмѣ славянорусскаго языка. Книги увлекли Никиту. Выучившись читать, онъ захотѣлъ извѣдать всю мудрость божественнаго Писанія, которое такъ привлекало его любознательную натуру. Между тѣмъ, воротившись домой отъ учителя, онъ не имѣлъ никакой возможности удовлетворять своей любознательности. Обиліе нравственныхъ силъ, энергія не могли позволить Никитѣ долго оставаться въ той средѣ, гдѣ онъ родился; грамот-

ность влекла пытливаго юношу къ книгамъ, а въ то-же время аскетическіе подвиги, о которыхъ онъ читалъ въ житіяхъ святыхъ, пришлись ему, человѣку уже закаленному житейскою борьбою и суровою жизнью, по сердцу, и въ немъ явилась искренняя любовь къ иночеству. Нужно замѣтить, что книги тогда были исключительно духовныя и сосредоточивались онѣ въ монастырскихъ библіотекахъ. Поэтому, понуждаемый любовью къ книжному ученію и аскетическимъ подвигамъ, Никита рѣшился тайно удалиться изъ родительскаго дома, и на зарѣ жизни своей началъ искусъ иноческій, вступивъ въ монастырь преп. Макарія Желтоводскаго.

Въ Макарьевскомъ Желтоводскомъ монастырѣ, Никита нашелъ ученаго и благочестиваго старца—іерея Апанію, въ иночествѣ Антонія и подъ его руководствомъ прилежно упражнялся въ церковныхъ и монастырскихъ службахъ и, особенно, въ чтеніи священныхъ книгъ. Ему въ это время было немногимъ болѣе 12 лѣтъ, и еще въ этомъ раннемъ возрастѣ онъ удивлялъ братію силой своего характера въ монастырскихъ подвигахъ. Ко всѣмъ церковнымъ богослуженіямъ онъ приходилъ до начала, первымъ, и въ лѣтнее время, опасаясь какъ бы не проспать начала утрени, ложился спать у благовѣстнаго колокола.

Между тѣмъ, отецъ Никиты прослышалъ, гдѣ находится его сынъ, и подъ разными предлогами вызывалъ къ себѣ въ домъ юношу изъ монастыря, но никакъ не могъ отвратить его отъ иноческой жизни. Въ это время Никитѣ пришлось слышать неоднократно предсказанія о своей дивной судьбѣ. Однажды Никита отправился съ монастырскими служками гулять и зашелъ съ ними къ какому то татарину, который во всемъ околоткѣ славился тѣмъ, что искусно гадалъ и предсказывалъ будущее. Гадатель, посмотрѣвши на Никиту, спросилъ: „какого ты роду?“ „Я—простолюдинъ,“ отвѣчалъ Никита. „Ты будешь великимъ государемъ надъ русскимъ царствомъ,“ сказалъ ему татаринъ [1]). Впрочемъ, предсказаніе это было, повидимому, такъ странно и несбыточно, что Никита не далъ никакой вѣры его словамъ. Разсказываютъ, что въ тоже время и благочестивый наставникъ Никиты Ананія предвѣщалъ ему патріаршество [2]).

Черезъ нѣсколько времени отецъ Никиты послалъ къ сыну своего пріятеля звать его домой и сказать ему, что, если онъ не поспѣшитъ, то не застанетъ въ живыхъ ни отца, ни бабки, такъ какъ они при смерти. Не хотѣлось Никитѣ разставаться съ монастыремъ, съ которымъ онъ такъ сроднился, но сыновній долгъ побудилъ его поспѣшить домой. Извѣстіе о болѣзни отца

и бабки было лишь предлогомъ вызвать Никиту домой, и юноша нашелъ здоровыми и отца, и бабку. Впрочемъ, оба они дѣйствительно вскорѣ скончались.

Исполнивъ свой послѣдній долгъ по отношенію къ отцу и бабкѣ, Никита хотѣлъ покинуть домъ и воротиться въ свое излюбленное уединеніе, въ которомъ онъ находилъ столько покоя и отрады для души своей. Казалось, были порваны послѣднія узы, привязывавшія его къ міру. Однако, убѣжденный неотступными просьбами и совѣтами родственниковъ, онъ женился на предложенной ему невѣстѣ. Но его попрежнему неудержимо влекли къ себѣ церковь и богослуженіе. Будучи человѣкомъ грамотнымъ и начитаннымъ, онъ началъ искать себѣ мѣста и вскорѣ посвященъ былъ въ приходскіе священники одного села. Ему было тогда только 20 лѣтъ отъ роду.

Но по своимъ достоинствамъ Никита недолго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Черезъ 2 года о немъ и о его начитанности узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, познакомились съ нимъ, полюбили его и перезвали съ собой въ Москву, гдѣ онъ и прослужилъ около 10 лѣтъ. Отъ жены Никита Миничъ имѣлъ троихъ дѣтей, но всѣ они померли въ малолѣтствѣ одинъ за другимъ. Это обстоя-

тельство сильно потрясло впечатлительнаго Никиту. Смерть дѣтей онъ принялъ за небесное указаніе, повелѣвающее ему отрѣшиться отъ міра, и рѣшился удалиться въ монастырь. Никита уговорилъ жену постричься въ московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, далъ за нею вкладъ, оставилъ ей денегъ на содержаніе, а самъ ушелъ на Бѣлое море, и постригся въ Анзерскомъ скиту, подъ именемъ Никона. Ему было тогда 30 лѣтъ.

Анзерскій скитъ находится на крайнемъ сѣверѣ, въ открытомъ морѣ, на анзерскомъ островѣ, верстахъ въ 20 отъ Соловецкаго монастыря и въ 200 отъ Архангельска. Природа тамъ скудная и суровая. Жизнь въ Анзерскомъ скиту была трудная. Братія, которой было не болѣе двѣнадцати человѣкъ, жила въ отдѣльныхъ хижинахъ, раскинутыхъ по острову и не обнесенныхъ оградою. Монахи тамъ не видались другъ съ другомъ, и только въ субботу вечеромъ сходились въ церковь. Богослуженіе продолжалось цѣлую ночь; сидя въ церкви братія выслушивала весь псалтирь; съ наступленіемъ дня совершалась литургія; потомъ всѣ расходились по своимъ избамъ. Средства къ жизни тамъ были скудныя. Впрочемъ, царь ежегодно давалъ въ Анзерскій скитъ „руги“ (царское жалованье хлѣбомъ и деньгами) по три четверти

хлѣба на брата, а сосѣдніе рыбаки снабжали братію рыбою, въ видѣ подаянія.

Основателемъ и настоятелемъ скита былъ преп. Елеазаръ, старецъ, отличавшійся святостью жизни и прозорливостью. Подъ его духовнымъ руководствомъ и подвизался Никонъ и былъ въ числѣ близкихъ и любимыхъ учениковъ Елеазара. Здѣсь Никонъ всей душой отдался иноческимъ подвигамъ: онъ проводилъ дни въ великомъ постѣ и воздержаніи, спалъ очень мало и на каждомъ правилѣ прочитывалъ цѣлый псалтырь, полагая по тысячѣ поклоновъ. Ученикъ патріарха Никона клирикъ Шушеринъ передаетъ, что нерѣдко при этихъ почныхъ подвигахъ онъ подвергался и діавольскимъ искушеніямъ [3]). Отношенія между Никономъ и его наставникомъ—старцемъ были добрыя и близкія. Старецъ видѣлъ его подвиги и отличалъ его отъ другихъ иноковъ. По повелѣнію преп. Елеазара, Никонъ занимался иконописаніемъ и исполнялъ другія его порученія. Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ спискахъ житія преп. Елеазара повѣствуется, что этотъ прозорливый старецъ, въ одно время, когда Никонъ совершалъ литургію, увидѣлъ омофоръ на его плечахъ и тогда же предсказалъ ему назначеніе къ святительскому сану [4]). Вообще суровая жизнь въ скиту была по душѣ Никону. Поэтому, впослѣдствіи, когда Никонъ

былъ уже патріархомъ, онъ особенно покровительствовалъ анзерскому скиту, какъ мѣсту, съ которымъ были соединены утѣшительныя для него воспоминанія о его первыхъ иноческихъ подвигахъ, и оказывалъ особенное вниманіе къ преп. Елеазару—своему бывшему наставнику *).

Однако между наставникомъ и ученикомъ скоро возникли неудовольствія. На островѣ была лишь небольшая деревянная церковь, и въ зимнюю пору совершать въ ней богослуженіе было весьма затруднительно. Вслѣдствіе этого, преп. Елеазаръ отправился въ Москву, для сбора милостыни на построеніе въ скиту каменной церкви, и взялъ съ собою Никона. Изъ Москвы они возвратились съ значительною милостынею; принесенныя деньги—около пятисотъ рублей—по распоряженію Елеазара были положены въ ризницу и болѣе двухъ лѣтъ находились тамъ безъ употребленія. Никону, какъ человѣку дѣятельному, который при томъ самъ принималъ участіе въ сборѣ, казалась неумѣстною такая медленность касательно употребленія собранной суммы по ея назначенію, тѣмъ болѣе, что онъ опасался, какъ бы слухи о деньгахъ, распространившись, не привлекли на ихъ пустынный островъ лихихъ людей, которые могли не только расхитить казну, но и много вреда причинить монастырю и братіи: онъ желалъ, чтобы деньги

по крайней мѣрѣ отданы были на сохраненіе въ Соловецкій монастырь. Свои опасенія и желанія Никонъ откровенно высказалъ преп. Елеазару, который принялъ ихъ съ неудовольствіемъ, и съ того времени началъ гнѣваться на Никона. Никонъ съ своей стороны, послѣ напрасныхъ усилій возвратить любовь старца, далъ мѣсто гнѣву и рѣшился удалиться въ другой монастырь.

Въ то время монашествующіе могли переходить изъ монастыря въ монастырь по своей волѣ, могли жить, гдѣ хотѣли. Этимъ воспользовался Никонъ и, сойдясь съ какимъ-то богомольцемъ, посѣщавшимъ Анзерскій скитъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ на утлой ладьѣ для избранія себѣ болѣе удобнаго мѣста для иноческихъ подвиговъ. На пути онъ едва не погибъ отъ сильной бури, и только упованіемъ на силу животворящаго креста Господня спасся отъ потопленія предъ Онежскимъ устьемъ; его выкинуло на островъ Кій. Здѣсь, въ память своего спасенія, Никонъ водрузилъ тогда крестъ, съ намѣреніемъ построить впослѣдствіи на томъ мѣстѣ монастырь, или храмъ. Затѣмъ онъ продолжалъ путь, и послѣ тяжелаго странствія достигъ, наконецъ, Кожеозерской пустыни, находящейся на островѣ Кожѣ (Новгородской епархіи, каргопольскаго уѣзда).

Уединенное положеніе этой обители понравилось Никону, и онъ рѣшился здѣсь продолжать свои аскетическіе подвиги и упражненія въ священномъ писаніи. И такъ какъ въ монастырь никого не принимали безъ вклада, то Никонъ принужденъ былъ, по своей бѣдности, отдать монастырю свои послѣднія богослужебныя двѣ книги, послѣ чего былъ принятъ въ число братіи. Но по своему характеру, Никонъ не любилъ жить съ братіею и предпочиталъ свободное уединеніе. Онъ удалился на ближайшій островокъ, построилъ себѣ тамъ келлію, питался рыбою своей ловли, въ монастырь ходилъ лишь къ церковнымъ службамъ, а все прочее время проводилъ въ уединеніи и богомысліи.

Строгая жизнь, выдающіяся способности и твердый характеръ Никона, внушили къ нему уваженіе кожеезерскихъ иноковъ, и, спустя немного времени, по кончинѣ тамошняго игумена, братія пригласила Никона быть игуменомъ. Это было въ 1643 году. Новый игуменъ Никонъ также скоро выдался впередъ, какъ прежде священникъ Никита; слава о немъ пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никонъ въ 1646 году явился въ столицѣ по дѣламъ монастырскимъ, то молодой царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ на него особенное вниманіе и, по впечатлительности и религіозности своей, скоро под-

чинился вліянію знаменитаго подвижника. Никонъ остался въ Москвѣ и вскорѣ, по царскому желанію, былъ посвященъ патріархомъ Іосифомъ въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря. Мѣсто это было особенно важно, и архимандритъ этого монастыря скорѣе, чѣмъ многіе другіе, могъ приблизиться къ государю: въ Новоспасскомъ монастырѣ была родовая усыпальница Романовыхъ; набожный царь часто ѣзжалъ туда молиться за упокой своихъ предковъ и давалъ на монастырь щедрое жалованье. Чѣмъ болѣе бесѣдовалъ царь съ Никономъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нему расположеніе, тѣмъ болѣе бесѣды эти западали въ душу царя. Никонъ былъ выдающейся, могучей личностію своего времени, да и краснорѣчіе его было незаурядное, среди повсемѣстнаго невѣжества. По желанію Алексѣя Михайловича, Никонъ долженъ былъ каждую пятницу являться къ нему во дворецъ для духовной бесѣды. Но Никонъ не могъ ограничиться одними душеспасительными разговорами: пользуясь расположеніемъ государя, онъ сталъ просить его за утѣсненныхъ и обиженныхъ, вдовъ и сиротъ. Добросердечному царю пришлось это по душѣ, и онъ поручилъ Никону печалованіе, уже какъ должность, поручилъ принимать просьбы отъ всѣхъ тѣхъ, которые искали царскаго милосердія и управы на

неправду судей. И вотъ множество челобитчиковъ стало вездѣ окружать Никона: одни шли къ нему въ монастырь, другіе встрѣчали его на дорогѣ во дворецъ и подавали просьбы. Всякая правая просьба скоро исполнялась. Никонъ пріобрѣлъ славу добраго защитника, ходатая и всеобщую любовь въ Москвѣ.

ГЛАВА II.

Посвященіе въ санъ Новгородскаго митрополита.—Свиданіе съ Аѳоніемъ.—Нищелюбіе Никона.—Партія недовольныхъ.—Благоустроеніе церковнаго богослуженія.—Бунтъ въ Новгородѣ.

Три года пробылъ Никонъ Новоспасскимъ архимандритомъ. Въ 1648 году новгородскій митрополитъ Аѳоній, по своей глубокой старости и болѣзненности, пожелалъ удалиться на безмолвіе въ Спасскій Хутынскій монастырь. Царь всѣмъ предпочелъ своего любимца, и бывшій тогда въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Паисій, по царскому желанію, рукоположилъ Никона въ санъ новгородскаго митрополита. Этотъ санъ былъ вторымъ по значенію въ русской іерархіи. Посвящая Никона въ митрополиты, патріархъ обратилъ вниманіе на его выдающіяся нравственныя достоинства, на его умъ и начитанность, которыми онъ выдавался изъ всего

русскаго духовенства того времени. Поэтому, Паисій далъ ему грамоту, въ которой восхвалялъ его достоинства и предоставилъ ему въ знакъ отличія право носить мантію съ красными „источниками“.

Прибывши въ Новгородъ, въ санѣ митрополита, Никонъ поставилъ первымъ долгомъ посѣтить прежняго митрополита въ его уединеніи, желая испросить у старца благословеніе на подвигъ новаго служенія, которое тотъ уже окончилъ. Свиданіе между обоими митрополитами,— какъ передаетъ его жизнеописатель патріарха Никона,—было весьма трогательно. Прося другъ у друга благословенія, каждый изъ нихъ отказывался дать первый благословеніе; во время этого спора Аѳоній назвалъ Никона патріархомъ, какъ-бы высказывая внутреннее побужденіе, по которому самъ прежде просилъ благословенія отъ него; и когда Никонъ замѣтилъ ему его ошибку, Аѳоній отвѣчалъ, что онъ справедливо назвалъ его этимъ именемъ, такъ какъ со временемъ оно дѣйствительно будетъ принадлежать ему. Тогда Никонъ, чтобы положить конецъ спору, благословилъ Аѳонія и взаимно принялъ отъ него благословеніе... [6]).

Въ Новгородѣ Никонъ проявилъ обширную общественную дѣятельность. Теперь для его богатыхъ дарованій и духовныхъ силъ открылось

громадное поприще. Въ Новгородѣ въ то время было много нестроеній и въ церкви, и въ духовенствѣ, а также въ общественной и гражданской жизни; было надъ чѣмъ поработать. Никонъ дѣятельно и энергично принялся исправлять нестроенія, пользуясь тѣмъ, что царь далъ ему при этомъ такія права, какихъ не имѣлъ самъ патріархъ; онъ возложилъ на Никона обязанность наблюдать не только надъ церковными дѣлами, но и надъ мірскимъ управленіемъ, доносить ему обо всемъ и давать совѣты. Подвиги нищелюбія, совершаемые Никономъ въ Новгородѣ, увеличивали любовь и уваженіе къ нему государя. Когда въ Новгородской землѣ начался голодъ, Никонъ отвелъ у себя на владычномъ дворѣ особую палату, такъ называемую „погребную“, и приказалъ ежедневно кормить въ ней нищихъ, сколько-бы ни пришло. Дѣло это было возложено на одного блаженнаго, ходившаго босикомъ лѣтомъ и зимою; кромѣ того, этотъ блаженный каждое утро раздавалъ нищимъ по куску хлѣба, и каждое воскресенье отъ имени митрополита раздавалъ старымъ по 2 деньгѣ, взрослымъ по деньгѣ, а малымъ по полденьгѣ. Митрополитъ устраивалъ также богадѣльни для постояннаго призрѣнія убогихъ и испросилъ у царя средства на ихъ пропитаніе.

Кромѣ того, митрополитъ Никонъ, по цар-

скому приказанію, имѣлъ надзоръ за воеводою и судьями, чтобы они право творили судъ, и никому отъ нихъ не было бы утѣсненія, посѣщалъ темницы, распрашивалъ обвиненныхъ, принималъ жалобы, освобождалъ невинно заточенныхъ и обо всемъ этомъ доносилъ государю. Простой народъ за эти дѣла милосердія христіанскаго и правосудія любилъ и уважалъ митрополита. Также и царь охотно слушалъ Никона, безгранично довѣрялъ ему, исполнялъ его совѣты. Въ письмахъ къ Никону царь называлъ его „великимъ солнцемъ сіяющимъ“, „избраннымъ крѣпко-стоятельнымъ пастыремъ“, „наставникомъ душъ и тѣлесъ“, „милостивымъ, кроткимъ, милосердымъ“, „возлюбленникомъ своимъ и содружебникомъ“ [7]) и т. п.

Но если Никонъ снискалъ себѣ любовь народную и все болѣе пріобрѣталъ благоволенія у царя,—то съ другой стороны уже въ это время явилась сильная партія, враждебная ему. Не любили его воеводы, судьи и служилые люди новгородскіе за то, что онъ вмѣшивался и въ гражданскія дѣла, если видѣлъ гдѣ неправду, злоупотребленія, утѣсненія бѣдныхъ и невинныхъ. Не терпѣли его уже въ это время многіе московскіе бояре, какъ царскаго любимца, и нѣкоторые говорили, что лучше имъ погибать въ Новой Землѣ за Сибирью, чѣмъ быть съ новго-

родскимъ митрополитомъ. Имъ не нравилось, что царь повѣрялъ ему тайное свое мнѣніе о томъ или другомъ бояринѣ, что и Никонъ, по своему прямодушію, не щадилъ ихъ въ своихъ обличеніяхъ, когда замѣчалъ за ними злоупотребленія. Не любили его и многіе изъ духовенства за его строгость и взыскательность. Но эти черты характера Никона объясняются его заботливостью о благоустроеніи церкви Божіей. Въ то время среди духовныхъ было много лицъ недостойныхъ, неучительныхъ и безграмотныхъ; Никонъ, какъ истинный пастырь церкви Христовой, не могъ переносить этого, и виновныхъ часто подвергалъ наказанію, памятуя, что пастыри въ своей жизни и ученіи должны служить образомъ для своего стада.

Въ то-же время, глубоко любя христіанское богослуженіе, Никонъ понималъ, какъ важно въ духовно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа благоустроенное, благолѣпное церковное богослуженіе, и обратилъ особенное вниманіе на исправленіе тѣхъ страшныхъ безпорядковъ, какіе вкрались въ это время въ церковныя богослуженія вслѣдствіе небреженія и невѣжества духовенства. Не смотря на наружную набожность, въ тѣ времена, по старому заведенному обычаю, богослуженіе отправлялось безчинно: боялись грѣха пропустить что-нибудь изъ службы,

но въ то же время, чтобы богослуженіе не было слишкомъ продолжительно, для сокращенія его придумали такое средство: одинъ пѣлъ, другой въ это самое время читалъ, третій говорилъ эктенію, такъ что вслѣдствіе этого многогласія слушающимъ ничего нельзя было понять. Никонъ запретилъ многогласіе и строго наказывалъ тѣхъ, которые не исполняли его распоряженій; но эти распоряженія не нравились ни духовнымъ, ни міряпамъ, потому что чрезъ это удлинялось богослуженіе, а многіе русскіе того вѣка хотя и считали необходимостью бывать въ церкви, но не любили оставаться тамъ долго. Тѣмъ не менѣе, по примѣру Новгорода и въ Москвѣ было уничтожено безчинное многогласіе. Самъ Никонъ совершалъ богослуженіе съ большою точностью, правильностью и торжественностью. Чтобы показать образецъ церковнаго благолѣпія, онъ ввелъ въ своей соборной церкви стройное хоровое пѣніе греческаго и кіевскаго распѣвовъ, а въ воскресные и праздничные дни произносилъ свои собственныя поученія, отличавшіяся силою и увлекательностью слова, чѣмъ привлекалъ къ богослуженію много народа. Каждую зиму ѣзжалъ митрополитъ изъ Новгорода въ Москву со своими пѣвчими и служилъ съ ними въ придворной церкви; царь былъ въ во-

сторгѣ отъ партеснаго пѣнія и одобрялъ благочиніе въ отправленіи богослуженія.

Въ 1650 году вспыхнулъ въ Новгородѣ страшный бунтъ. Это бѣдствіе вызвало Никона на новый подвигъ самоотверженія; бунтъ былъ усмиренъ лишь благодаря твердости характера и нравственному авторитету Новгородскаго митрополита. Одинъ изъ посадскихъ людей возмутилъ чернь противъ нѣмецкихъ купцовъ, какъ друзей и лазутчиковъ ненавистнаго народу боярина Морозова, свояка царскаго: народъ напалъ на нихъ и разграбилъ ихъ имущества. Воевода новгородскій князь Хилковъ тщетно старался успокоить мятежниковъ; они не только не послушали, но и хотѣли убить его, какъ измѣнника. Хилковъ принужденъ былъ скрыться на митрополичій дворъ. Озлобленные бунтовщики, вооружившись камнями и дубинами, устремились къ архіерейскому дому, и стали силою ломиться туда, требуя выдачи воеводы. Тогда Никонъ вышелъ къ мятежникамъ и началъ увѣщевать ихъ сначала кротко, а потомъ грозить гнѣвомъ Божьимъ. Но разсвирѣпѣвшіе мятежники бросились на Владыку, ударили его въ грудь, били безъ пощады кулаками, дубьемъ и каменьями и избили до полусмерти; но потомъ сами ужаснулись тому, что сдѣлали и поспѣшно разошлись по домамъ. Пришедши въ

себя, Никонъ не смотря на крайнюю слабость свою, ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только объ усмиреніи мятежнаго народа, о возстановленіи законнаго порядка и объ избавленіи невинныхъ отъ напрасной погибели. Онъ исповѣдывался и, такимъ образомъ приготовившись къ смерти, велѣлъ благовѣстить и едва добрелъ съ нѣсколькими священниками до соборной церкви, съ великою нуждою отслужилъ литургію, предалъ анаѳемѣ главныхъ зачинщиковъ мятежа, и потомъ, не смотря на крайнее изнеможеніе, отправился съ крестнымъ ходомъ къ мятежникамъ. Самъ онъ не могъ уже итти; его везли на саняхъ, при чемъ кровь текла у него изъ рта и ушей. Приказавъ поднять себя и собравшись съ силами, Никонъ обратился къ мятежникамъ снова съ увѣщаніемъ... Твердость Никона и сила слова подѣйствовали на народъ. Мятежъ началъ мало по малу утихать. Пораженные твердостью митрополита и вѣстью о приближающемся царскомъ войскѣ, мятежники толпами приходили къ Никону, просили у него прощенія и ходатайства предъ царемъ. Въ это время пришли двѣ грамоты отъ государя: одна Никону, гдѣ царь за его ревностныя и доблестныя услуги отечества во время новгородскаго бунта называлъ его „новымъ страстотерпцемъ и мученикомъ“; другая ко всему народу новго-

родскому, гдѣ повелѣвалось немедленно выдать Никону всѣхъ зачинщиковъ мятежа. Никонъ поступилъ въ этомъ случаѣ великодушно: онъ забылъ свои обиды, принялъ незлобиво раскаявшихся мятежниковъ, а когда пришла изъ Москвы въ Новгородъ царская рать, онъ уговорилъ начальника ея князя Хованскаго не предпринимать противъ виновныхъ крутыхъ мѣръ, самъ ходатайствовалъ за нихъ передъ царемъ и всѣмъ испросилъ помилованье, кромѣ двухъ главныхъ зачинщиковъ мятежа. Такимъ образомъ, своимъ самопожертвованіемъ и великодушіемъ Никонъ возстановилъ въ Новгородѣ миръ и спокойствіе. Почти одновременно съ этимъ возникъ подобный же бунтъ во Псковѣ, но и тамъ онъ вскорѣ прекратился, благодаря вмѣшательству Никона. И мятежныхъ псковичей, послѣ того какъ они принесли свои вины, царь простилъ, по ходатайству новгородскаго владыки.

Послѣ этихъ большихъ услугъ Никона, царь сталъ питать еще больше расположенія къ новгородскому митрополиту. Государь позвалъ его въ Москву, желая лично изъявить ему монаршую признательность за усмиреніе новгородскаго бунта.

ГЛАВА III.

Открытіе мощей преп. Саввы Звенигородскаго.—Перенесеніе мощей патріарховъ Іова и Гермогена.—Путешествіе Никона въ Соловки за мощами св. Филиппа. — Письма къ нему царя.—Перенесеніе мощей св. Филиппа. — Избраніе Никона въ патріархи.

Въ это время, въ Саввинскомъ звенигородскомъ монастырѣ назначено было торжественное открытіе мощей преп. Саввы. Государь пожелалъ, чтобы Никонъ непремѣнно участвовалъ въ этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ патріархомъ Іосифомъ. 19-го января 1652 года открытіе мощей въ присутствіи царя и многихъ вельможъ, съ великимъ торжествомъ по церковному обряду, совершено было патріархомъ Іосифомъ и митрополитомъ Никономъ съ прочимъ духовенствомъ.

Пользуясь этимъ случаемъ и благоволеніемъ царя Алексѣя Михайловича, Никонъ уговорилъ его перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Іова изъ Старицкаго монастыря и мощи святителя Филиппа митрополита московскаго изъ Соловокъ. Царь изъявилъ готовность сдѣлать все по его совѣту, и возложилъ на Никона порученіе перевезти сперва мощи патріарховъ Іова и Гермогена, что и было испол-

нено 5-го Апрѣля 1652 года, при громадномъ стеченіи народа, а затѣмъ ѣхать въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа. Съ нимъ были отпущены бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій и Василій Отяевъ. Предпринимая эту поѣздку, Никонъ напомнилъ царю, что митрополитъ Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія духовной власти со свѣтскою, но что Богъ прославилъ его послѣ кончины, какъ святаго мученика; поэтому свѣтская власть должна принести покаяніе въ своихъ дѣйствіяхъ относительно св. отца. При этомъ Никонъ представлялъ ему примѣръ греческаго царя Ѳеодосія, который перенесъ мощи св. Іоанна Златоустаго, изгнаннаго матерію царя Евдоксіею; Ѳеодосій этимъ поступкомъ исходатайствовалъ для грѣшной матери прощеніе у Бога. Царь во всемъ согласился съ Никономъ; онъ прибавилъ при этомъ, что ему во снѣ являлся св. Филиппъ и велѣлъ перенести свои мощи туда, гдѣ почиваютъ прочіе митрополиты, и далъ Никону отъ себя молитвенную грамоту къ Филиппу, въ которой было написано: „Молю тебя, святой отецъ, и желаю пришествія твоего сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя Ивана, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и неповиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда по-

стоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе твоего изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Поэтому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставивши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, и пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ! Онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію, приди къ намъ, св. владыка! Оправдался Евангельскій глаголъ, за который ты пострадалъ: „всяко царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ“, и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекословящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ паствѣ твоей изобилуетъ; нѣтъ уже болѣе никакого раздѣленія; всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй себя желающимъ тебя, приди съ миромъ во свояси, и свои тебя съ миромъ примутъ“. Подъ этой грамотой царь своею рукою приписалъ: „О, священная глава, святый владыка Филиппъ, пастырь, молимъ тебя, не презри нашего грѣшнаго моленія и приди къ намъ съ миромъ! Царь Алексѣй. Желаю видѣть тебя и поклониться св. мощамъ твоимъ!“ [a] [b]). Никонъ долженъ былъ прочесть эту грамоту передъ ракою Святителя Фи-

липпа, прежде чѣмъ поднять ее для перенесенія въ Москву.

Во время отсутствія Никона, въ Москвѣ умеръ патріархъ Іосифъ. Это было вскорѣ послѣ перенесенія праха Іова, въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ извѣщалъ объ этомъ Никона въ очень пространномъ письмѣ, въ которомъ подробно описывалъ послѣднія минуты умершаго патріарха, и просилъ Никона поспѣшить возвращеніемъ въ Москву для избранія новаго патріарха, имѣя въ виду возвести его на мѣсто покойнаго Іосифа. Между тѣмъ до царя дошли вѣсти, что Никонъ очень сурово обращается съ бояриномъ Хованскимъ и Отяевымъ, своими спутниками, требуя отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія въ исполненіи различныхъ церковныхъ правилъ, постовъ, молитвъ и т. п. Дѣло въ томъ, что везя съ собой покаянную грамоту предъ Святителемъ Филиппомъ отъ царя за его прадѣда царя Ивана, Никонъ считалъ себя въ полномъ правѣ требовать отъ сопровождавшихъ его вельможъ, чтобы они безпрекословно исполняли его распоряженія относительно дисциплины церковной, а по своему энергичному, властному и слишкомъ прямодушному характеру не умѣлъ, да и не могъ иначе выражать свои требованія, какъ круто, настойчиво, повелительно. Въ свою очередь самолюбивые,

заносчивые вельможи оскорблялись на такое обхожденіе и стали поднимать сильный ропотъ, который достигъ Москвы и тамъ нашелъ много сочувствующихъ изъ бояръ, которымъ не нравилось, что митрополитъ уже какъ бы хочетъ привести ихъ въ свою волю. „Никогда такого безчестья не было,—шептали они,—выдалъ насъ царь митрополитамъ“. Алексѣй Михайловичъ былъ человѣкомъ слишкомъ мягкосердечнымъ и недостаточно энергичнымъ; онъ не могъ выносить около себя недовольныхъ лицъ и, вслѣдствіе своей доброты, дѣлался зависимымъ отъ окружающихъ его. Поэтому царь былъ въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, онъ слишкомъ былъ привязанъ къ Никону и желалъ непремѣнно видѣть его патріархомъ; съ другой—боялся бояръ, среди которыхъ новгородскій владыка возбудилъ такое сильное неудовольствіе. Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ написать Никону письмо, въ которомъ уговаривалъ его быть снисходительнѣе съ своими спутниками, не заставлялъ-бы ихъ каждый день съ собой у правила стоять и усиленно говѣть, но въ тоже время царю не хотѣлось, чтобы бояре узнали, какъ онъ преданъ Никону, что онъ заодно съ нимъ противъ нихъ, и потому просилъ Никона не выдавать его, царя, Хованскому и другимъ боярамъ и не говорить имъ ничего объ этомъ письмѣ.

Письма царя Алексѣя Михайловича, посланныя Никону за это время, всѣ дышутъ сердечною любовью государя къ новгородскому митрополиту, глубочайшимъ къ нему уваженіемъ, доходящимъ до благоговѣнія. Видно, что Алексѣй Михайловичъ всецѣло находился подъ вліяніемъ этого великаго человѣка, считалъ его величайшимъ святителемъ Русской церкви, питалъ къ нему безграничное довѣріе, во всемъ искалъ его совѣта и указанія и за радость считалъ подчинить свою царскую волю волѣ этого святаго архипастыря. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ простосердечныхъ писемъ царя, чтобы лучше охарактеризовать его отношенія къ Никону. „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси,—такъ начинается одно изъ его писемъ,—великому солнцу сіяющему, пресвѣтлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому отъ насъ, земнаго царя, поклонъ. Радуйся архіерей великій, во всякихъ добродѣтеляхъ подвизающійся! Какъ тебя, великаго святителя, Богъ милуетъ. А я грѣшный твоими молитвами далъ Богъ здоровъ... Да пожаловать бы тебѣ, великому святителю, помолиться, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобъ, ради твоихъ молитвъ,

разнесъ Богъ съ робеночкомъ; уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасть съ кручины; Бога ради, молись за нее"... Затѣмъ царь спрашиваетъ Никона, кому, за смертію патріарха, пѣть многолѣтіе, и проситъ у него смиренно прощенія въ томъ, что не писалъ ему про какое-то Савинское дѣло, клянется, что сдѣлалъ это безъ хитрости, за недосугомъ [2]). Значитъ, что о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ царь считалъ своею обязанностью увѣдомлять новгородскаго митрополита.

Другое, еще болѣе любопытное, письмо начинается такъ: „избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О крѣпкій воинъ и страдалецъ Царя Небеснаго, и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ; надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу такъ свѣтлосіяющему въ архіереяхъ, какъ солнцу свѣтящему по всей вселенной, такъ и тебѣ сіяющему по всему нашему государству благими правами и дѣлами добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному

и пресвѣтлому митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному. Спрашиваемъ о твоемъ святительскомъ спасеніи, какъ тебя, свѣта душевнаго нашего, Богъ сохраняетъ; а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіей и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіанскій царицаюсь, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не только въ царя, да еще и грѣшенъ, а называюсь Его же Свѣтовъ рабъ, отъ кого созданъ; и вашими святыми молитвами, мы и съ царицею, и съ сестрами, и съ дочерью, и со всѣмъ государствомъ далъ Богъ здорово“.[10]) Описывая далѣе смерть патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ, что онъ „надсѣлся, плачучи“ по патріархѣ Іосифѣ, хотя онъ въ то же время не могъ не чувствовать и не оскорбляться недостоинствомъ, мелочностью, корыстолюбіемъ, недуховнымъ поведеніемъ этого патріарха: но онъ гналъ отъ себя мысль о недостоинствахъ Іосифа, какъ грѣховную. Тѣмъ съ большею силою религіозный государь обращалъ свою любовь къ достойному пастырю; тутъ онъ уже не щадилъ словъ для выраженія этой любви, чтобы возвысить Никона и унизить передъ нимъ самого себя. Такимъ образомъ, Алексѣй Михайловичъ, по

характеру своему, поставилъ Никона такъ высоко, какъ не стоялъ ни одинъ патріархъ, ни одинъ митрополитъ ни при одномъ царѣ и великомъ князѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ царь Никона въ Москву. „Мать наша, соборная и апостольская церковь, — писалъ онъ новгородскому митрополиту,—вдовствуетъ и слезно сѣтуетъ по женихѣ своемъ, а какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мать наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющая подружія: такъ и она, не имѣя жениха свого, печалится; и все перемѣнилось не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ дѣламъ разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтямъ жить... И тебѣ потому великому господину челомъ бью: возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, выбирать на патріаршество, именемъ Ѳеогноста (извѣстнаго Богу), а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся“... [11]) Въ другомъ письмѣ, царь пишетъ Никону: „помолись, владыка святый, съ Васильемъ юродивымъ, иначе Вавилою (тѣмъ самымъ блаженнымъ, который у Никона распоряжался питаніемъ нищихъ), чтобы Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное (Ѳеогностъ), а ожидаемъ тебя, великаго святителя къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣ-

дають: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, и сказывають святъ мужъ“.[12])

Никонъ могъ понимать намеки царя, кого онъ разумѣетъ подъ этимъ „извѣстнымъ Богу“ преемникомъ патріарха Іосифа. Но онъ не спѣшилъ въ Москву, какъ потому, что такое великое дѣло, какъ перенесеніе мощей святителя Филиппа, требовало много времени, такъ и потому, что, зная результаты будущаго избранія, онъ колебался, хорошо понимая всю важность патріаршаго служенія и предстоявшія ему трудности. Послѣ того, какъ покаянная грамота царя Алексѣя Михайловича была прочитана у гроба святителя Филиппа, мощи страдальца были подняты. Перенесеніе мощей, когда онѣ благополучно были перевезены черезъ море, совершалось съ большимъ благолѣпіемъ и торжественностью. Въ продолженіе всего пути къ Москвѣ, на встрѣчу св. мощамъ выходило изъ городовъ и селъ множество народа съ предшествіемъ духовенства съ крестнымъ ходомъ. И по свидѣтельству современниковъ очевидцевъ, въ это время совершалось отъ св. мощей множество исцѣленій.

6-го іюля св. мощи были принесены въ Сергіеву Троицкую лавру, гдѣ ихъ встрѣтило множество духовенства во главѣ съ Корниліемъ, митрополитомъ казанскимъ. Отсюда 9-го іюля

Никонъ привезъ мощи въ Москву, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были встрѣчены горожанами, былъ поставленъ крестъ, который теперь стоитъ въ каменной часовнѣ у Троицкой заставы, получившей отъ этого названіе Крестовской. Въ Воскресенскихъ воротахъ, въ старину называвшихся Неглинненскими, св. мощи были встрѣчены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ многочисленнымъ духовенствомъ и дворомъ. Народу было такъ много при этомъ, какъ писалъ Алексѣй Михайловичъ, „что не вмѣстился отъ Тверскихъ воротъ до Неглинненскихъ, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть; нельзя ни пройдти, ни проѣхать.“[13]) Мощи святителя были пропесены на лобное мѣсто, гдѣ подлѣ нихъ получила исцѣленіе одна дѣвица, потомъ на площадь, противъ Грановитой палаты, гдѣ опять было исцѣленіе, и въ Успенскій соборъ, гдѣ онѣ стояли 10 дней среди церкви, для поклоненія молящихся. Множество больныхъ получило при этомъ исцѣленіе. Всѣ десять дней звонили въ колокола съ утра до вечера, какъ на святой недѣлѣ. Религіозный царь съ этого времени сталъ еще болѣе оказывать свое расположеніе и любовь къ Никону, благодаря которому совершилось это святое и великое дѣло.

По окончаніи торжества перенесенія мощей,

приступили къ избранію новаго патріарха. Всѣ видѣли и ясно понимали, что патріархомъ будетъ Никонъ; никто не смѣлъ противиться явному и рѣшительному желанію государя, хотя многимъ изъ бояръ очень не хотѣлось видѣть его на патріаршемъ престолѣ. Однако для соблюденія устава, на соборѣ выбрали двухъ кандидатовъ на патріаршество: Никона, какъ старѣйшаго изъ русскихъ іерарховъ, занимавшаго самый видный духовный постъ, и извѣстнаго своею добродѣтельною жизнью іеромонаха Антонія—того самаго, который нѣкогда былъ учителемъ Никона въ Макарьевскомъ монастырѣ. Жребій палъ на Антонія; но онъ, будучи слишкомъ дряхлымъ, больнымъ старцемъ, не могъ принять на себя тяжелаго бремени патріаршаго престола, и потому рѣшительно отъ него отказался. Тогда всѣ члены собора стали просить Никона принять жезлъ патріаршій. Никонъ долго и твердо отказывался принять его; но едва ли это былъ разсчитанный и притворный отказъ съ его стороны, съ цѣлію тверже укрѣпить свою силу и власть, какъ многіе это видятъ. Нѣтъ! Никонъ въ это время уже какъ бы предчувствовалъ свое будущее несчастіе и паденіе. Это былъ человѣкъ, слишкомъ свято относившійся къ своему долгу, слишкомъ честный для того, чтобы безъ колебанія принять на себя

многотрудныя обязанности патріаршества. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему. прежде всего, заставили его отказаться отъ выбора. Никонъ хотѣлъ поднять значеніе и авторитетъ церковнаго правительства и духовенства, а бояре, напротивъ, желали господства надъ духовенствомъ. Патріарху именно тогда нужно было усиленіе духовной власти въ ущербъ свѣтской; нужно было скорѣйшее исправленіе различныхъ церковныхъ и богослужебныхъ безпорядковъ, исправленіе церковныхъ книгъ, скорѣйшее уничтоженіе раскольничьяго зла, которое до такой степени укоренилось и при дворѣ. и въ духовенствѣ, и въ народѣ, что нуженъ былъ крутой поворотъ дѣла, необходимы были рѣшительныя мѣры. А между тѣмъ среди этой будущей борьбы Никонъ ясно провидѣлъ вокругъ себя лишь однихъ враговъ, и въ боярахъ, и среди сильной партіи въ духовенствѣ, приверженной патріарху Іосифу, и въ суевѣрномъ народѣ. Поддержки искать было негдѣ, кромѣ царя и немногихъ благомыслящихъ пастырей русской церкви; но царь былъ мягокъ и слабохарактеренъ и легко подчинялся вліянію окружающихъ его лицъ... Сознавая все это, Никонъ не могъ безъ колебаній и смущенія помыслить о патріаршествѣ, не могъ сразу рѣшиться принять на себя его многотрудныя обязанности и

вступить, ради блага церкви, въ ту неравную борьбу. жертвой которой онъ долженъ былъ пасть. Этимъ именно и должно объяснять первоначальный отказъ Никона отъ патріаршества.

По когда, 22 іюля, царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами и безчисленнымъ народомъ, въ Успенскомъ соборѣ, передъ мощами св. Филиппа, сталъ кланяться Никону въ ноги и со слезами умолялъ принять патріаршій санъ и не оставлять церковь сиротствующею,— тогда Никонъ, наконецъ уступилъ волѣ царя. Но прежде этого согласія, онъ взялъ торжественное обѣщаніе, что всѣ будутъ содержать евангельскіе догматы, соблюдать правила св. апостоловъ и св. отецъ, будутъ слушать его, какъ главнаго архипастыря и отца, и дадутъ ему устроить церковь. Царь, а за нимъ власти духовныя и бояре поклялись въ этомъ.

Черезъ два дня послѣ этого, 25 іюля 1652 г., Никонъ былъ посвященъ въ патріархи въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ.

ГЛАВА IV.

Построеніе валдайскаго Иверскаго монастыря.—Устройство благолѣпнаго церковнаго служенія.—Заботы о нравственности духовенства.—Искорененіе суевѣрій.—Типографія.—Начитанность Никона.—Составленіе и изданіе различныхъ книгъ.—Заботы о неповрежденности православной вѣры отъ чуждыхъ вліяній.

Первымъ дѣломъ Никона, по возведеніи его въ санъ патріарха было основать для себя монастырь и прославить его новою святынею. То было давнимъ церковнымъ, благочестивымъ обычаемъ. Никонъ выбралъ для этого мѣсто близъ Валдайскаго озера и назвалъ свой монастырь Иверскимъ, въ честь Иверской иконы Божіей Матери, находящейся на Аѳонѣ. Мѣсто это Никонъ облюбовалъ еще во время путешествія своего за мощами св. Филиппа. Оно напоминало ему ту пустыню, гдѣ провелъ онъ въ юности лучшіе свои годы, въ богомысліи и аскетическихъ подвигахъ; ему нравилось, что Валдай отличался пустынностью и малолюдствомъ, понравилось ему и Валдайское озеро, покрытое островками, и напоминавшее озеро Кожу, гдѣ онъ нѣкогда подвизался въ Кожеезерскомъ монастырѣ. Что же касается названія монастыря Иверскимъ, то нужно замѣтить, что Никонъ всегда чувствовалъ особое благоговѣніе къ чудо-

творной Иверской иконѣ Богородицы, и еще въ 1648 г., когда Никонъ только что былъ поставленъ новгородскимъ митрополитомъ, Москва была обязана его стараніямъ тѣмъ, что прислана была въ нее изъ Константинополя св. икона Иверской Божіей Матери, точная копія съ той, которая была на Аѳонѣ. Въ построеніи новаго монастыря, Никонъ подражалъ расположенію Лавры Аѳонской горы, и особенно тамошнему Иверскому монастырю. Достойно вниманія, что построеніе новой обители было ознаменовано чудеснымъ видѣніемъ: многіе изъ окрестныхъ жителей видѣли ночью надъ монастыремъ громадный огненный столпъ, свѣтъ отъ котораго расходился на нѣсколько верстъ вокругъ; это чудесное явленіе тогда же было провѣрено достовѣрными показаніями, и о немъ было немедленно доведено до свѣдѣнія государя [1]). Въ новопостроенный монастырь патріархъ самъ привезъ въ серебряномъ золоченомъ ковчежцѣ части мощей четырехъ Московскихъ святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Въ то же время онъ отправилъ на Аѳонъ сдѣлать списокъ Иверской чудотворной иконы, и когда каменная церковь была построена, поставилъ въ ней эту икону, украсивши ее золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перенесъ туда мощи преп. Іакова Боровицкаго. Совершающіяся

въ новомъ монастырѣ отъ святынь чудеса и исцѣленія привлекали туда массу богомольцевъ. Въ короткое время монастырь расширился и благоукрасился. Самъ патріархъ часто туда наѣзжалъ, любилъ тамъ отдохнуть послѣ своихъ непомѣрныхъ, тяжелыхъ трудовъ патріаршаго служенія, и любилъ тамъ совершать богослуженія съ своей обычною торжественностью и благолѣпіемъ. Царь также покровительствовалъ Иверскому монастырю, какъ созданію своего любимца, и въ угоду Никону, приписалъ къ нему пригородъ Холмъ. съ крестьянами, деревнями и угодьями.

Вообще самая тѣсная дружба соединяла государя съ патріархомъ первые шесть лѣтъ, и Никонъ воспользовался своимъ вліяніемъ и властію для исправленія различныхъ церковныхъ нестроеній и безпорядковъ. За это время имъ было совершено много весьма важныхъ церковныхъ преобразованій. Еще болѣе, чѣмъ прежде, заботился онъ о благолѣпности и благообразіи въ богослуженіяхъ; нерадивыхъ въ этомъ отношеніи онъ строго наказывалъ. Что касается до служенія самаго патріарха, то оно совершалось съ необычайнымъ благолѣпіемъ и торжественностью. Пріѣзжавшіе въ Москву греческіе и сирійскіе пастыри и духовные удивлялись полнотѣ, правильности и точности нашихъ богослу-

жебныхъ обрядовъ, и служба патріарха Никона производила на нихъ сильное впечатлѣніе. Патріархъ Никонъ съ неутомимымъ рвеніемъ истиннаго пастыря старался ввести въ церкви русской внятное и благоговѣйное чтеніе при богослуженіяхъ, чего до него не было; онъ же окончательно утвердилъ въ Московскихъ соборахъ и во многихъ церквахъ стройное партесное пѣніе и распространялъ въ Москвѣ греческій и кіевскій распѣвы. Стараясь поставить въ уваженіе Священный чинъ, Святѣйшій Никонъ, собственнымъ примѣромъ строгой жизни внушалъ всему бѣлому духовенству имѣть бдительный надзоръ надъ нравственностью; а для нерадивыхъ былъ взыскателенъ, и всякое нарушеніе церковнаго чина обуздывалъ силою своей власти. Онъ выслушивалъ и безпристрастно удовлетворялъ жалобы челобитчиковъ на духовныхъ, принималъ доносы отъ областныхъ управителей о худыхъ поступкахъ духовенства и порочныхъ протопоповъ, поповъ и другихъ священно-служителей строго смирялъ, посылалъ на черныя работы въ монастыри, заключалъ въ темницы. Особенное, строгое вниманіе обратилъ онъ на выборъ ставленниковъ, потому что среди тогдашняго духовенства было много совершенно безграмотныхъ и недостойныхъ пастырей.

Сверхъ того, неутомимый патріархъ издавалъ

различные церковные и духовные уставы, искоренялъ предразсудки и суевѣріе въ народѣ, усердно изыскивалъ и умножалъ способы для распространенія духовнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ школы, перевелъ изъ Хутынскаго монастыря въ свой любимый Иверскій монастырь типографію, (которая заведена была имъ еще во времена пребыванія въ Новгородѣ), и здѣсь печаталъ для распространенія въ духовенствѣ и народѣ много духовныхъ и душеспасительныхъ книгъ, частію имъ самимъ составленныхъ. Какъ истинный просвѣщенный пастырь, Никонъ не могъ равнодушно видѣть, что многіе неразумно, даже и не по христіански почитали св. иконы, молились въ церквахъ всякъ своей, изъ дома принесенной, иконѣ, называя ихъ своими богами. Никонъ строго запретилъ этотъ суевѣрный обычай. Съ силою и властію вооружался онъ въ своихъ обличеніяхъ противъ вѣры въ сновидцевъ, колдуновъ, гадателей, которая господствовала въ его время въ невѣжественномъ народѣ. Онъ писалъ посланія, говорилъ при богослуженіяхъ большія поученія, въ которыхъ громко и смѣло, краснорѣчиво и убѣдительно возставалъ противъ всѣхъ этихъ недостатковъ современнаго ему общества. Таково его прекрасное поученіе по поводу мороваго по-

вѣтріи. свирѣпствовавшаго въ Москвѣ и ея окрестностяхъ въ 1653 и 1654 годахъ.

Кромѣ того, обладая громадною по тому времени начитанностью и большими свѣдѣніями, патріархъ Никонъ продолжалъ составлять и издавать различныя книги. Онъ самъ перевелъ, напр., съ греческаго языка на славянскій св. Евангеліе, Апостолъ, частію правила св. Апостоловъ, семи вселенскихъ, девяти помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ; участвовалъ въ переводѣ греческихъ хронографовъ, приступилъ даже къ переводу съ европейскихъ языковъ извѣстныхъ тогда историческихъ и географическихъ книгъ. Кромѣ того, онъ занимался составленіемъ и изданіемъ книги кормчей, лѣтописи русской, подъ именемъ Никоновой, въ 8 частяхъ, которая есть полнѣйшій сводъ древнихъ русскихъ лѣтописей; благодаря Никону, онѣ дошли до насъ въ такомъ точномъ и неповрежденномъ видѣ. По желанію царя Алексѣя Михайловича, онъ составилъ толкованіе на Божественную литургію, подъ именемъ „Скрижали“; написалъ историческое сказаніе объ Иверской иконѣ Богоматери и работалъ надъ составленіемъ и изданіемъ многихъ другихъ полезныхъ книгъ.

Заботясь съ такою ревностію о сохраненіи православной вѣры въ русской церкви во всей ея чистотѣ и неповрежденности, распространяя

истинное ученіе и очищая его отъ суевѣрія и предразсудковъ, патріархъ Никонъ предусмотрительно старался оградить его и отъ другихъ опасныхъ и вредныхъ вліяній. Въ это время католичество усиленно вездѣ искало себѣ новыхъ приверженцевъ, а хитрые, пронырливые іезуиты умѣли для того всюду проникнуть и многихъ опутать своими сѣтями. Черезъ Польшу, съ которой въ то время у Россіи шла борьба, это вліяніе стало понемногу проникать и въ Россію. Но Никонъ тщательно берегъ неповрежденность православія и не допускалъ этому тлетворному вліянію распространиться. Поэтому онъ строго воспрещалъ все, что имѣло какое-либо отношеніе къ католичеству. Когда нѣкоторые бояре изъ польскаго похода привезли съ собою иконы латинскаго письма и завели въ домахъ органы, — патріархъ велѣлъ отобрать у нихъ то и другое, и самъ громко обличалъ въ соборѣ этихъ бояръ.—Напротивъ того, Никонъ заботливо поддерживалъ сношенія съ православнымъ востокомъ, съ греческою, іерусалимскою, антіохійскою церквами, переписывался съ восточными патріархами, спрашивалъ у нихъ совѣта по различнымъ вопросамъ вѣры и благочестія.

ГЛАВА V.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ.—Искаженія и ошибки, вкравшіяся въ наши богослужебныя книги.—Дѣло исправленія книгъ до Никона.—Что побудило Никона скорѣе и рѣшительнѣе приняться за это дѣло; его заслуга въ этомъ дѣлѣ.—Кіевскіе ученые справщики. — Арсеній Сухановъ; собраніе древнихъ рукописей.—Соборъ московскій 1654.—Соборъ константинопольскій 1654.—Московскіе соборы 1655 и 56 гг.—Изданіе и распространеніе новоисправленныхъ книгъ. — Расколъ и мѣры противъ него. — Нѣсколько словъ въ защиту Никона.

Но главнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ всей жизни и дѣятельности великаго патріарха было исправленіе церковно-богослужебныхъ дѣлъ. Въ этомъ заключается его безсмертная, великая заслуга русской церкви. Это великое дѣло, которое онъ съумѣлъ довести до успѣшнаго конца. не смотря на ожесточенную борьбу своихъ противниковъ, но жертвою котораго онъ въ то же время палъ, было въ высшей степени благовременно по своимъ послѣдствіямъ для русской церкви.

Въ это время, на Руси давно уже появилось. какъ въ богослуженіи, такъ и въ нѣкоторыхъ священныхъ обрядахъ, много разностей. Одни, напр., крестное знаменіе на себѣ во время молитвы изображали, прикасаясь къ челу, персямъ и плечамъ двумя перстами (указательнымъ и

среднимъ); другіе—тремя перстами (большимъ, указательнымъ и среднимъ, которые соединялись вмѣстѣ). Въ однихъ монастыряхъ и церквахъ употреблялись для осѣненія народа кресты четырехъ-конечные, въ другихъ — шестиконечные, осьмиконечные. Въ однихъ монастыряхъ пѣли „аллилуіа“ дважды и затѣмъ прибавляли „слава Тебѣ Боже“, а въ другихъ — трижды и потомъ „слава Тебѣ Боже.“ Въ однихъ совершали хожденіе (крестные ходы кругомъ храмовъ, великіе и малые выходы) по солнцу, а въ другихъ противъ солнца. Въ разныхъ церквахъ проскомидію совершали не на одинаковомъ числѣ просфоръ. Имя Іисусъ писалось въ нѣкоторыхъ священныхъ книгахъ „Іесусъ.“ Осьмой членъ символа вѣры въ нѣкоторыхъ книгахъ неправильно писался съ привнесеніемъ слова „истиннаго“: „и въ Духа св. Господа истиннаго“... Много было и другихъ разногласій, неправильностей, искаженій. Они произошли отъ того, что до времени Ивана Грознаго у насъ книги не печатались, а писались. Переписчики могли ошибаться; притомъ многіе изъ нихъ бывали настолько невѣжественны, что прямо не понимали нѣкоторыхъ выраженій и сами замѣняли ихъ невѣрными и неточными словами, которыя давали рѣчи совсѣмъ другой смыслъ, несогласный съ истиннымъ ученіемъ Христо-

вымъ. Когда введено было у насъ книгопечатаніе эти ошибки и искаженія, по недостатку образованныхъ справщиковъ и печатниковъ, вошли и въ печатныя богослужебныя книги.—По недостатку просвѣщенія, долго всего этого не замѣчали; но потомъ стали обращать вниманіе, и при патріархѣ Филаретѣ, а затѣмъ при Іосифѣ, предшественникѣ Никона, рѣшились приняться за исправленіе ошибокъ въ священныхъ богослужебныхъ книгахъ. При патріархѣ Іосифѣ справщиками, которымъ было поручено это дѣло, были: царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, протопопъ Казанскаго собора Иванъ Неронов, дьяконъ благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ, юрьевскій протопопъ Аввакумъ, Муромскій Логгинъ, попы Лазарь, Никита, Даніилъ. Представлялось, что это были болѣе надежные люди для такого важнаго дѣла, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ. Но оказалось, что они были люди невѣжественные; имъ недоставало самаго существеннаго требованія при этомъ дѣлѣ, - знанія греческаго языка; потому что испорченныя русскія богослужебныя книги было необходимо провѣрить съ греческими рукописями и печатными. По незнанію греческаго языка, они исправляли книги по собственному мудрованію, и вмѣсто исправленія только еще прибавляли ошибки. Особенная бѣда была въ

томъ, что, полагаясь на свою начитанность, справщики думали, что исполнили свое дѣло въ совершенствѣ, поэтому напечатали въ такомъ искаженномъ видѣ богослужебныя книги для всеобщаго употребленія въ большомъ количествѣ, и въ эти книги спорныя мнѣнія о сугубой аллилуія, о хожденіи посолонь, о крестномъ знаменіи и многія другія возвели на степень неприкосновеннаго и неизмѣннаго ученія церкви.

Но вотъ, въ 1649 году пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ замѣтилъ, что въ московской церкви есть разныя нововведенія, которыхъ нѣтъ въ греческой церкви, и особенно сталъ порицать двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи. Царь Алексѣй Михайловичъ очень встревожился этими замѣчаніями и отправилъ троицкаго келаря Арсенія Суханова на Востокъ за свѣдѣніями. Но пока Арсеній странствовалъ на Востокѣ, Москву успѣли посѣтить другія греческія духовныя особы и также дѣлали замѣчанія о несходствѣ русскихъ церковныхъ обрядовъ съ греческими, а на Аѳонѣ монахи даже сожгли богослужебныя книги московской печати, какъ противныя православному чину богослуженія. Патріархъ Іосифъ былъ сильно озабоченъ и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Смерть избавила его отъ дальнѣйшихъ хлопотъ...

Въ такомъ положеніи находилось дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ до вступленія Никона на патріаршество. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ, прежде всего, долженъ былъ обратить на него особенное вниманіе, какъ на дѣло исключительной важности и не терпящее отлагательства. Многіе упрекаютъ Никона, что онъ велъ дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ слишкомъ быстро, круто, насильственно, и что его излишняя поспѣшность въ этомъ дѣлѣ произвела раскольниковъ. Эти тяжелыя обвиненія совершенно несправедливы. Конечно, такой образъ дѣйствій Никона объясняется самимъ его характеромъ. Чрезмѣрно сильная воля и жажда дѣятельности этого великаго человѣка требовала себѣ пищи, горячая, сердечная любовь къ церкви побуждала его скорѣе устранить церковныя нестроенія. а по природѣ своей онъ никогда ничего не умѣлъ дѣлать постепенно, исподволь, не способенъ былъ къ полумѣрамъ, не способенъ былъ ни на какія сдѣлки и уступки тому, что онъ считалъ неправымъ и вреднымъ; онъ для того былъ слишкомъ энергиченъ, слишкомъ прямодушенъ, честенъ и горячъ. Но съ другой стороны и самое положеніе дѣлъ было таково, что медлить исправленіемъ богослужебныхъ книгъ было опасно. Слишкомъ уже много было вообще въ русской церкви тогда нестроеній,

слишкомъ много разногласій, которыя могли произвести опасные для церкви мятежи и волненія. Отсутствіе единообразія и благообразія въ богослуженіяхъ, безпорядочная жизнь духовенства,—все это, при невѣжествѣ, грубости и суевѣріи русскаго народа, порождали много въ немъ фанатичныхъ отщепенцевъ отъ русской церкви, потерявшихъ къ ней всякое уваженіе и грозившихъ произвести расколъ въ русской церкви. Духовенство было не лучше. Никто не зналъ евангельскихъ вѣчныхъ истинъ, никто не зналъ сущности христіанскаго вѣроученія; всѣ придавали значеніе лишь внѣшней обрядности, всѣ думали, что отъ такого или инаго совершенія обряда можетъ зависѣть вѣчное спасеніе, что въ томъ и заключается сущность Христовой вѣры, чтобы знать, какъ слагать персты для крестнаго знаменія, сугубить или троить аллилуія, ходить по-солонь, или противъ солнца, какъ произносить слово Исусъ или Іисусъ и т. д. Лучшіе люди изъ духовенства также не были выше всегоэтого: когда іосифовскіе справщики, по своему невѣжеству, внесли въ богослужебныя книги ошибочныя мнѣнія о двуперстномъ перстосложеніи, о сугубой аллилуія, о хожденіи по-солонь, они возвели ихъ на степень неприкосновеннаго, неизмѣннаго ученія церкви, на степень догматовъ, малѣйшее искаженіе кото-

рыхъ есть величайшій грѣхъ. Теперь всякое дальнѣйшее исправленіе одной напечатанной буквы считалось ересью, нарушеніемъ и оскорбленіемъ самой вѣры Христовой. Невѣжественные фанатики съ убѣжденіемъ говорили: „намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ умирать даже за одинъ *азъ*, который окаянный врагъ выбросилъ изъ Символа гамъ, гдѣ говорится о Сынѣ Божіемъ Іисусѣ Христѣ: „рожденна, *а* не сотворенна; весьма велика въ этомъ *азѣ* сила сокровенная". [12]) Явились, къ довершенію зла, лжеучители, которые говорили, что наступаетъ антихристово послѣднее время, что всѣ эти исправленія, — а по ихнему искаженія, — суть дѣйствія антихриста, которыми онъ хочетъ заставить отпасть христіанъ отъ Христа, что нужно бороться или пострадать, хотя бы за одинъ обрядъ, за одну букву, потому что это нужно для торжества вѣры Христовой. Среди всеобщаго мрака, невѣжества, суевѣрія, — къ чему бы могло повести дальше это волненіе умовъ, если бы противъ него не были предприняты тотчасъ же рѣшительныя мѣры? Это, конечно, вѣдаетъ одинъ Богъ. Но ясно было, что изъ-за этихъ обрядовыхъ искаженій, поставленныхъ за непреложныя истины, готовъ былъ вспыхнуть страшный мятежъ противъ церкви. Зло раскольничье слишкомъ сильно укоренилось и

при дворѣ, и въ духовенствѣ, и въ народѣ. Патріархъ Никонъ понялъ, что онъ долженъ былъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, и положилъ пресѣчь раскольническое направленіе въ самомъ его источникѣ и возстановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь въ ихъ первоначальной чистотѣ. Можетъ быть, отчасти и справедливо, что въ этомъ случаѣ Никонъ придавалъ слишкомъ большое значеніе обрядности и буквѣ богослуженія: какъ сынъ своего вѣка, онъ не могъ совсѣмъ освободиться отъ этого взгляда, господствовавшаго у насъ нѣсколько вѣковъ, хотя его богатая свѣтлая натура все же сознавала односторонность этого направленія, и онъ самъ дѣлалъ впослѣдствіи присоединившимся къ церкви раскольникамъ уступки, позволяя имъ креститься двумя перстами и сугубить аллилуія. Но нужно замѣтить и то, что тогда было бы вовсе не благовременно объяснять невѣжественному духовенству, фанатичнымъ расколоучителямъ и суевѣрному народу, что въ дѣлѣ вѣры Христовой не важно, какъ изображать крестное знаменіе, сугубить или трогь аллилуію, ходить въ крестныхъ ходахъ по-солонь, или противъ солнца, что все это еще не приводитъ ко спасенію, что это лишь обряды, а не сущность христіанской религіи. Они, по своему невѣжеству и ожесто-

ченію, этого не поняли-бы, а между тѣмъ медлить было нельзя: страшный мятежъ готовъ былъ вспыхнуть въ русской церкви. Теперь благовременно было именно приняться за исправленіе богослужебныхъ книгъ, возстановить церковно-богослужебный чинъ въ его первоначальной чистотѣ. Черезъ это расколоучители должны были уразумѣть, что тѣ ихъ ошибочныя мнѣнія о двуперствіи, сугубой аллилуіи и т. д., которыя они выставляютъ за непреложныя истины, безъ которыхъ нельзя спастись, на самомъ дѣлѣ суть лишь искаженія древнихъ обрядовъ, неправильности, которыхъ не имѣла древняя церковь. Такимъ образомъ, имъ наносился прямой, рѣшительный ударъ. А объяснять имъ разницу между догматомъ и обрядомъ, показывать, что всѣ эти богослужебныя разности не имѣютъ существеннаго значенія въ дѣлѣ спасенія и исповѣданія вѣры Христовой,—все это было дѣломъ дальнѣйшихъ временъ и дальнѣйшихъ поколѣній пастырей. Никонъ въ своемъ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ явился безкорыстнѣйшимъ попечителемъ о благѣ церкви и народа. Никонъ положилъ самый животъ свой за благо церкви и спасенія народа, потому что онъ видѣлъ больше всѣхъ всю бездну зла, видѣлъ всю злокозненность лжеучителей, ополчившихся на пагубу душъ ему ввѣренныхъ и не могъ не дѣй-

ствовать такъ, какъ дѣйствовалъ, по зрѣлому убѣжденію, что съ русскимъ народомъ того времени полумѣры все погубятъ, и крутой поворотъ дѣла необходимъ.

При всемъ томъ, Никонъ, сдерживая свою горячую натуру, началъ дѣло книжнаго исправленія съ осторожностью и благоразумiемъ. Около двухъ лѣтъ медлилъ онъ приступать къ этому трудному дѣлу, позволяя даже печатать книги въ прежнемъ неисправленномъ видѣ. Когда же рѣшился наконецъ приступить къ полному исправленію ихъ, чтобы во всѣхъ церквахъ русскихъ ввести единообразіе и правильность богослуженія: то, сознавая всю важность и трудность такого предпріятія, онъ не хотѣлъ и не могъ принять на одного себя всю его отвѣтственность; напротивъ призвалъ къ участію въ столь важномъ церковномъ дѣлѣ и верховную власть государя, покровителя вѣры, и церкви, и соборную власть пастырей церкви не только русской, но и греческой, отъ которой русская приняла вѣру и богослуженіе.

Приступивъ къ провѣркѣ напечатанныхъ іосифовскими справщиками богослужебныхъ книгъ, Никонъ скоро замѣтилъ, что онѣ испорчены. На это указывало сравненіе ихъ съ греческими церковными книгами, на это же ранѣе указывали восточные патріархи и греческіе духовные,

на это же обратилъ вниманіе Никона кіевскій ученый старецъ Епифаній Славинецкій. Въ то же время онъ обратилъ вниманіе на вышизанный жемчугомъ на саккосѣ митрополита Фотія символъ вѣры и удивился несходству его съ напечатаннымъ въ новыхъ печатныхъ книгахъ. Тогда Никонъ, прежде всего, рѣшился собрать какъ можно болѣе древнѣйшихъ списковъ богослужебныхъ книгъ, и для этого послалъ на востокъ троицкаго келаря Арсенія Суханова для пріобрѣтенія древнѣйшихъ греческихъ рукописей. Въ то же время патріархъ удалилъ съ книгодвора прежнихъ невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ справщиковъ и на мѣсто ихъ вызвалъ кіевскихъ ученыхъ монаховъ, умѣющихъ и образованнѣйшихъ людей того времени, знатоковъ греческаго языка, Епифанія Славинецкаго, Дамаскина Птицкаго, Іакова, по прозванію философа и др. Къ этому же дѣлу былъ приставленъ и одинъ ученый грекъ, монахъ Арсеній, обладавшій рѣдкимъ знаніемъ славянскаго и греческаго языковъ. Для нихъ устроили особый монастырь Андреевскій, гдѣ составилось ученое общество, преподававшее латинскій и греческій языки. Такимъ образомъ, ученые кіевскіе справщики пріобрѣтали себѣ черезъ школьное ученіе новыхъ помощниковъ и учениковъ. Изъ Андреевскаго монастыря это общество было пе-

реведено въ Чудовъ монастырь и Епифаній сдѣланъ былъ начальникомъ его; въ распоряженіе ихъ Никонъ отдалъ свою типографію, находившуюся въ этомъ монастырѣ.

Въ то время, какъ ученые кіевскіе справщики успѣшно вели свое дѣло, Арсеній Сухановъ объѣздилъ востокъ, былъ на Аѳонѣ, въ Константинополѣ, въ Іерусалимѣ и т. д., вездѣ наблюдалъ, какъ совершаются богослуженіе и и церковные обряды тамъ. Въ Александріи онъ получилъ отъ патріарха Іоаникія разрѣшеніе на многіе вопросы, а въ Іерусалимѣ списалъ подробно весь чинъ богослуженія. Арсеній Сухановъ привезъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, гдѣ описываетъ все, что видѣлъ и слышалъ, какъ тамъ живетъ духовенство, и какъ совершается богослуженіе; между прочимъ о крестномъ знаменіи онъ писалъ, что оно совершается на востокѣ тремя перстами. Сверхъ того, Арсеній привезъ съ собою отъ восточныхъ патріарховъ и другихъ архіереевъ до 200 рукописей, да самъ не жалѣя издержекъ, собралъ около пятисотъ древнихъ греческихъ рукописей (преимущественно изъ аѳонскихъ монастырей), изъ которыхъ иныя были писаны за 500, 600 и даже 700 лѣтъ до тогдашняго времени, а одно Евангеліе—за 1050 лѣтъ.

Не довольствуясь этимъ, патріархъ Никонъ

собралъ еще въ самой Россіи много древнихъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго языка за 800 лѣтъ; съ ними вмѣстѣ были вытребованы описи древнѣйшимъ рукописямъ, хранившимся въ 39 монастыряхъ, въ особенности изъ Троицкаго Сергіева монастыря, Кирилло-Бѣлозерскаго и Волоколамскаго.

Когда, такимъ образомъ, столько было собрано древнѣйшихъ рукописей, сообразно съ которыми нужно было вести исправленіе богослужебныхъ книгъ, и онѣ отданы были на разсмотрѣніе ученыхъ справщиковъ,—Никонъ убѣдилъ царя созвать соборъ изъ русскихъ пастырей, чтобы съ ихъ согласія рѣшить дѣло исправленія книгъ. Въ 1654 году, во дворцѣ, состоялся, въ присутствіи царя соборъ русскихъ іерарховъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. Никонъ произнесъ рѣчь, въ которой ясно показалъ несогласіе бывшихъ тогда въ употребленіи церковно-богослужебныхъ книгъ и предложилъ на соборное рѣшеніе вопросъ: „новымъ-ли печатнымъ служебникамъ слѣдовать, или же руководствоваться древнимъ греческимъ и славянскимъ текстомъ?“ За исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ членовъ, соборъ отвѣчалъ утвердительно: „достойно и праведно исправлять, сообразно старымъ харатейнымъ и греческимъ спискамъ“.

Такъ было начато дѣло исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ. Соборное опредѣленіе немедленно отправили въ Константинополь. Въ томъ же году собравшійся въ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ патріарха Паисія соборъ греческихъ архіереевъ подтвердилъ рѣшеніе московскаго собора. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ отъ константинопольскаго патріарха Паисія. Паисій извѣщалъ, что онъ созывалъ соборъ въ Константинополѣ, гдѣ и были составлены отвѣты на представленные Никономъ 26 вопросовъ, касавшихся разныхъ вопросовъ богослуженія. Паисій во всемъ одобрялъ Никона и затѣянное имъ дѣло исправленія богуслужебныхъ книгъ путемъ сличенія съ древними греческими и славянскими книгами признавалъ необходимымъ. „Вижу, - писалъ между прочимъ Паисій,— въ грамотахъ преблаженства твоего, что ты жалѣешь о несогласіяхъ, возникшихъ по поводу нѣкоторыхъ церковныхъ чиновъ, и думаешь, что это различіе чиновъ растлѣваетъ вѣру нашу. Хвалимъ твою мысль: кто бережется малаго преступленія, тотъ соблюдается отъ великаго. Еретиковъ и раздорниковъ слѣдуетъ убѣгать, если они соглашаются въ самыхъ важныхъ предметахъ, но не вполнѣ согласны съ православіемъ и придерживаются чего нибудь своего, чуждаго церковной и соборной мысли“... Изло-

живши далѣе подробное объясненіе литургіи, константинопольскій патріархъ продолжаетъ: „именемъ Іисуса Христа молимъ твое преблаженство, утоли эти распри твоимъ разумомъ; не подобаетъ ссориться рабамъ Господнимъ, а паипаче въ вещахъ неважныхъ и несущественныхъ; увѣщевай ихъ принять сей чинъ, который мы пишемъ тебѣ, котораго держится вся восточная церковь. Изначала у насъ, по преданію, онъ сохраняется; ни въ единой вещи не было измѣненія: за это намъ хвала, потому что прочія церкви, отдѣлившись отъ насъ приняли многія нововведенія, а мы—ничѣмъ не растлѣваемся“. Впрочемъ онъ просилъ Никона быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которые заблуждаются не въ существенныхъ догматахъ вѣры, а въ нѣкоторыхъ лишь предметахъ внѣшнихъ, чтобы черезъ это легче привлечь ихъ въ союзъ церковный; такихъ же, какъ епископъ коломенскій Павелъ и другіе ослушники московскаго собора 1654 г. совѣтовалъ отлучить, если они не примутъ нелицемѣрно все такъ, какъ держитъ церковь [16]).

Получивъ одобрительный отвѣтъ отъ константинопольскаго патріарха, Никонъ собралъ снова соборъ, на которомъ, кромѣ русскихъ архіереевъ, присутствовали антіохійскій патріархъ Макарій, сербскій Гавріилъ и митрополиты никей-

скій и молдавскій. На этомъ соборѣ, по прочтеніи грамоты константинопольскаго патріарха, положили держаться того, что рѣшено было на предшествовавшемъ московскомъ соборѣ и какъ велитъ константинопольскій патріархъ, т. е. исправлять богослужебныя книги согласно съ древними греческими и славянскими. При этомъ въ примѣръ отступленій отъ православной древности въ новопечатныхъ при Іосифѣ книгахъ, патріархъ Никонъ представилъ ученіе о сугубой аллилуіи и особенно двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія. Никонъ ранѣе и самъ крестился двумя перстами, въ бытность новгородскимъ митрополитомъ; но его упрекали за это бывшіе въ Москвѣ ранѣе патріархи константинопольскій Аѳанасій и іерусалимскій Паисій, и въ справедливости этихъ упрековъ онъ впослѣдствіи убѣдился лично. Указавъ эти отступленія отъ православной древности, Никонъ предложилъ на соборное разсмотрѣніе вновь исправленный служебникъ. Соборъ разсматривалъ его внимательно, въ подробности,—и призналъ служебникъ исправленнымъ вѣрно и достойнымъ напечатанія. При этомъ патріархъ Макарій торжественно возвысилъ голосъ въ защиту троеперстія, какъ принятаго по преданію изначала вѣры отъ св. апостолъ, св. отецъ и семи соборовъ, и провозгласилъ еретиками тѣхъ, кто этого

не принимаетъ. Соборъ и это принялъ. Не дали согласія только немногіе, въ томъ числѣ непокорный Павелъ епископъ Коломенскій.

Послѣ этого, дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ пошло еще успѣшнѣе. Новоисправленные служебники были разосланы по епархіямъ. Кипучая дѣятельность началась между учеными справщиками —каждый годъ выходила или справленная, или вновь переведенная книга. Весьма важнымъ изданіемъ переводчиковъ была Скрижаль, которая объясняла богослуженіе и давала истинное направленіе внѣшнимъ подвигамъ благочестія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ служебника и скрижали, изданы были слѣдующія книги: тріодь постная, сборникъ молитвъ и часословъ, прмологъ, требникъ и слѣдованная псалтирь. Въ этихъ книгахъ были тщательно и добросовѣстно исправлены всѣ тѣ искаженія и ошибочныя мнѣнія, которыя были внесены въ прежнія книги и возведены въ нихъ на степень неприкосновеннаго и непзмѣннаго ученія церкви.

Въ апрѣлѣ 1656 года, святѣйшій патріархъ Никонъ созвалъ новый соборъ для разсмотрѣнія исправленныхъ книгъ. Соборъ одобрилъ представленныя ему книги и велѣлъ вводить ихъ по всѣмъ церквамъ вмѣсто старыхъ, наполненныхъ ошибками.

Ободренный этимъ рѣшеніемъ московскаго со-

бора, Никонъ приказалъ новоисправленныя книги разослать по всѣмъ церквамъ, а прежнія велѣлъ тотчасъ же вездѣ отбирать. Эти крутыя мѣры вызвали противодѣйствіе со стороны духовенства и народа. Противодѣйствіе доходило иногда до грубаго упорства, которое поддерживалось въ народѣ слѣпою приверженностью къ старинѣ. „Что старо,—то свято“, такъ тогда разсуждалъ народъ. Хотя книги печатныя у насъ не имѣли за собой значенія древности (книгопечатаніе началось на Руси въ половинѣ XVI в.); но тѣмъ не менѣе онѣ замѣняли собою употреблявшіяся тогда рукописи, которыя считались ошибочно древними и священными. То значеніе священной старины, которое соединялось съ старыми рукописями, перенесено было и на печатныя книги. Теперь же, когда патріархъ Никонъ сталъ ихъ уничтожать, народу показалось, что онъ уничтожаетъ самое благочестіе, въ которомъ спасались святые отцы. Этимъ воспользовались люди неблагонамѣренные, ненавидѣвшіе Никона. Употребляя во зло невѣжество народа, они называли книги Никона новыми, по времени ихъ явленія, и коварно скрывали ихъ совершенное сходство съ древними греческими и славянскими рукописями, отъ которыхъ, напротивъ, отступали такъ называемыя старыя книги предшествовавшихъ временъ. Этими первыми виновни-

ками, возбудившими неудовольствіе новопечатными книгами, были извѣстные невѣжественные справщики іосифовскаго времени и личные враги Никона. Стефанъ Вонифатьевъ и Иванъ Нероновъ, какъ люди, имѣвшіе больше вѣса въ обществѣ, возстали противъ Никона открыто въ столицѣ; протопопы муромскій Логгинъ, юрьевскій Аввакумъ, костромской Даніилъ, попы Никита (пустосвятъ) и Лазарь романовскій тоже стали смущать народъ въ своихъ городахъ. Вездѣ открылись страшные мятежи, явились фанатичные, озлобленные отщепенцы отъ православной церкви, мнимые ревнители старины. По своимъ ограниченнымъ понятіямъ о вѣрѣ, они подняли безумный вопль, что отъ исправленія книгъ поколебалась самая вѣра, что Никонъ съ своими справщиками не книги правитъ, а вѣру портитъ, что греки подъ турецкимъ владычествомъ измѣнили православной вѣрѣ. Въ своемъ ослѣпленіи они говорили, что наступили послѣднія времена, что духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ на погибель, началъ возмущать церковь Христову, называли Никона антихристомъ и произносили хулы даже на святую церковь русскую и греческую. Такія волненія почти сразу начались повсемѣстно, особенно сильны они были въ Новгородѣ и въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ почти всѣ иноки, во

главѣ съ архимандритомъ Пліею, согласились скорѣе претерпѣть лютую смерть, чѣмъ принять новоисправленныя церковно-богослужебныя книги.

Противъ такого опаснаго волненія, охватившаго всю Россію, грознаго и для церкви, и для государства, должны были быть предприняты немедленно же мѣры крутыя и рѣшительныя. Такъ и было. Строгій и настойчивый Никонъ не могъ равнодушно относиться къ такимъ противникамъ, и, по совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ, началъ поступать съ ними рѣшительно: Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ, Нероновъ сосланъ въ вологодскій монастырь, Аввакумъ, самый задорнѣйшій изъ расколоучителей, былъ сосланъ въ Сибирь, Логгинъ и Данилъ были посажены въ тюрьму и по однимъ сказаніямъ тамъ умерли, а по другимъ, болѣе достовѣрнымъ, умерли въ ссылкѣ: первый въ Муромѣ отъ моровой язвы, второй въ Астрахани, отъ чего—неизвѣстно. Стефанъ Вонифатьевъ раскаялся и былъ прощенъ. Онъ ходатайствовалъ за Неронова, и тотъ также былъ прощенъ и постригся въ монахи подъ именемъ Григорія. Были наказаны и нѣкоторые другіе мятежники и расколоучители; иные изъ нихъ были подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ въ

защиту святѣйшаго патріарха Никона отъ тѣхъ злостныхъ клеветъ и нареканій, которыя возводятъ на него не только раскольники, но и нѣкоторые изъ православныхъ писателей. Никона упрекаютъ, что онъ слишкомъ круто, жестоко, безчеловѣчно отнесся къ своимъ противникамъ, и его насильственныя мѣры еще болѣе способствовали появленію раскола, что онъ подвергалъ своихъ противниковъ такимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, отъ которыхъ они вскорѣ умерли и т. д. Послѣдняя клевета ничѣмъ не подтверждается, а что касается до Павла коломенскаго и Логгина, на которыхъ ссылаются расколоучители, то они умерли своею смертію [17]). Упрекаютъ святѣйшаго патріарха въ томъ, что онъ не дѣйствовалъ путемъ убѣжденія; но и это неправда. Дѣйствительно по своему энергичному, настойчивому характеру онъ не былъ способенъ къ полумѣрамъ, и видѣлъ, что одними убѣжденіями не вразумишь озлобленныхъ фанатиковъ и не остановишь опаснаго волненія: строгія мѣры были тогда необходимы. Не смотря на это, онъ пытался дѣйствовать посредствомъ увѣщанія и наставленія, и наказывалъ противниковъ уже тогда, когда мѣры эти оставались безуспѣшными. Павелъ Коломенскій и Иванъ Нероновъ были наказаны лишь послѣ безполезныхъ увѣщаній со стороны Никона [18]). Логгина Никонъ

нѣсколько разъ увѣщевалъ и пытался склонить къ раскаянію, но тотъ не только упорствовалъ въ своихъ заблужденіяхъ, но и осмѣлился въ лицо злословить патріарха, во время совершенія имъ литургіи, и дозволилъ себѣ по отношенію къ нему крайнія безчинства и дерзости [19]). Аввакума Никонъ въ продолженіе долгаго времени старался склонить къ послушанію св. церкви; но на его кроткія, исполненныя достоинства, увѣщанія Аввакумъ отвѣчалъ дерзкими ругательствами. Не смотря на это, при Никонѣ онъ былъ только сосланъ, но не лишенъ священства [20]). Упрекаютъ Никона въ тѣлесныхъ наказаніяхъ и объясняютъ ихъ жестокостью его характера. Нѣтъ, они объясняются не столько суровостію Никонова характера, сколько грубостью времени, въ которое жилъ Никонъ и когда вообще къ подобнымъ наказаніямъ и гораздо болѣе мучительнымъ пыткамъ и казнямъ прибѣгали весьма часто, не исключая и такихъ случаевъ, гдѣ надлежало бы дѣйствовать болѣе убѣжденіемъ и мѣрами духовнаго вразумленія. Можно ли обвинять патріарха Никона за то, что онъ не сталъ выше своего времени, не отвергъ столь обычныхъ тогда тѣлесныхъ наказаній, въ отношеніи къ возмутителямъ церковнаго и гражданскаго спокойствія? Притомъ святѣйшій патріархъ рѣдко прибѣгалъ къ подоб-

наго рода наказаніямъ, вообще былъ гуманнѣе въ этомъ отношеніи своихъ современниковъ и нерѣдко жаловался на жестокость казней, употреблявшихся въ его время: „нынѣ,—писалъ онъ,—за единое слово языки рѣжутъ, руки и ноги отсѣкаютъ, въ заточеніе невозвратное ссылаютъ“ [21]). Если же Никонъ и подвергалъ виновныхъ строгимъ наказаніямъ, то не по личному чувству вражды къ нимъ или оскорбленной гордости, не по гнѣву и властолюбію, но по духу ревности къ святой вѣрѣ и церкви православной: къ нимъ питалъ онъ столь горячую любовь, столько заботился о чистотѣ вѣры и неприкосновенности уставовъ церкви, что всякое неуваженіе къ нимъ и всякій противъ нихъ проступокъ, въ его глазахъ заслуживалъ строгаго обличенія и наказанія. Въ этомъ случаѣ, онъ былъ далекъ отъ чувства личной вражды и мщенія; забывая, какъ злословили и оскорбляли его расколоучители, онъ старался и самъ непосредственно, и чрезъ другихъ, склонить ихъ къ раскаянію, обѣщая притомъ полное прощеніе. Великодушіе патріарха Никона особенно ясно сказалось въ его отношеніяхъ къ Неронову. Когда онъ изъявилъ согласіе присоединиться къ церкви, патріархъ Никонъ, забывъ всѣ оскорбленія, какія перенесъ отъ Неронова, такъ утѣшенъ былъ его обращеніемъ, что плакалъ, при-

нимая его въ церковь; и когда Нероновъ, по своей грубости, не преминулъ укорить Никона за его строгость къ духовенству, патріархъ смиренно просилъ прощенія: „по грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ я,—говорилъ онъ,—прости Господа ради“. По просьбѣ Неронова, освобождены были и другіе узники за расколъ, и, въ знакъ забвенія прошлаго, Никонъ отдалъ Неронову всѣ тѣ письма, которыя они писали на него царю и Вонифатьеву. Мало этого, Никонъ такъ снисходителенъ былъ къ раскаявшимся раскольникамъ, не возстававшимъ противъ церкви, что даже позволялъ имъ служить по старымъ служебникамъ, и не обращалъ вниманія на то, что въ самомъ Успенскомъ соборѣ, по увѣщаніямъ Неронова, говорили аллилуіа по дважды [22]). Онъ видѣлъ, что иногда слѣдуетъ дѣлать уступки и послабленія для возвращенія отщепенцевъ на лоно св. церкви. Но эти уступки, которыя показывали, какъ неизмѣримо возвышался Никонъ по своимъ воззрѣніямъ надъ всѣми своими современниками, не были поняты большинствомъ, и Никонъ подвергся несправедливымъ нареканіямъ.

Наконецъ нужно замѣтить, что во всѣхъ суровыхъ наказаніяхъ, постигшихъ расколоучителей, дѣйствовала не одна духовная, но еще болѣе гражданская, правительственная власть.

Можно даже съ увѣренностью сказать, что патріархъ Никонъ сдерживалъ своимъ авторитетомъ излишнюю ревность послѣдней; наказанія, которымъ подверглись при немъ расколоучители, поражаютъ своею гуманностью и мягкостью въ сравненіи съ тѣми ужасными пытками и жестокими казнями, какимъ они подверглись впослѣдствіи, въ 1666 и 1667 гг., когда Никонъ былъ уже отрѣшенъ отъ патріаршества и не имѣлъ никакой власти.

— —

ГЛАВА VI.

Любовь царя къ патріарху.—Участіе Никона въ дѣлахъ государственныхъ.—Война съ Польшею за Малороссію.—Моровая язва.—Бунтъ въ Москвѣ. — Власть и могущество Никона. — Стремленіе на отдыхъ въ пустыню. — Устройство монастырей (Крестнаго, Воскресенскаго). — Нищелюбіе.

Возвращаемся къ обозрѣнію жизни и дѣятельности святѣйшаго патріарха Никона.

Занятый важными церковными преобразованіями, патріархъ Никонъ продолжалъ принимать участіе и въ дѣлахъ государственныхъ. Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха. Царь чувствовалъ къ патріарху сердечное влеченіе и какое-то благоговѣніе: слабая, мягкая и религіозная натура Алексѣя Михай-

ловича, естественно, должна была преклониться предъ величавой, сильной личностью Никона. Величіе и широта задуманныхъ имъ церковныхъ преобразованій, неутомимая энергія, стойкость и непреклонная твердость въ достиженіи задуманной цѣли, отсутствіе корыстолюбія и низкихъ разсчетовъ, властность пастыря, въ соединеніи съ горячею любовью къ св. церкви и вѣрѣ православной, ради которыхъ великій патріархъ готовъ былъ душу свою положить, его неустрашимость въ борьбѣ съ врагами церкви, честность, прямодушіе, неспособность поступаться своими убѣжденіями и итти на сдѣлку съ совѣстью ни въ какихъ обстоятельствахъ,— все это и другія выдающіяся нравственныя достоинства Никона производили громадное, обаяющее впечатлѣніе на добраго и впечатлительнаго царя. Царь ничего подобнаго еще не видѣлъ въ окружающихъ его людяхъ. Оконченное съ такимъ успѣхомъ великое и многотрудное дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ, требовавшее гигантской, почти непосильной работы и борьбы со стороны Никона, преисполнило царя еще большимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ великому первосвятителю Русской церкви. Къ тому же и со стороны патріарха добросердечный государь видѣлъ искреннюю, безкорыстную любовь, а

среди бояръ онъ этой искренности не видѣлъ и на расположеніе ихъ и преданность могъ разсчитывать лишь условно, потому что они дѣйствовали всегда изъ-за своихъ разсчетовъ и пользы, подчиняя имъ интересы государства и царя. И такъ немудрено, что царь Алексѣй Михайловичъ всѣми силами своей мягкой и доброй души привязался къ Патріарху Никону. Онъ называлъ его своимъ *собинным* пріятелемъ, въ своихъ семейныхъ дѣлахъ постоянно спрашивалъ у него совѣта, указанія, молитвы и благословенія. Когда у царя родился сынъ царевичъ Алексѣй, царь упросилъ патріарха быть воспріемникомъ его отъ св. крещенія, а потомъ Никонъ былъ крестнымъ отцомъ и другихъ послѣдующихъ дѣтей государя. Царь постоянно осыпалъ Никона своими милостями, дорогими подарками, даривъ вотчинами его и его монастыри и т. д. Во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ Алексѣй Михайловичъ предварительно обращался за совѣтомъ къ великому патріарху и по большей части поступалъ по его указаніямъ. Вліяніе Никона на Государя было такъ громадно, что сдѣлалось извѣстнымъ и въ чужихъ государствахъ. У Никона заискивали, у него искали пріема иностранные послы, къ нему обращались съ переговорами о политическихъ дѣлахъ.

Въ это время положеніе Малороссіи подъ властью Польши сдѣлалось слишкомъ тяжело, и казаки рѣшились отдаться въ подданство единовѣрнаго царя московскаго. Гетманъ Малороссіи Богданъ Хмельницкій, ведя переговоры о подчиненіи Малороссіи московскому государю, обратился къ Патріарху Никону съ просьбою быть ходатаемъ къ его царскому величеству. Дѣло это угрожало войною съ Польшею, а государь избѣгалъ этой войны; но Никонъ уговорилъ его принять Малороссію подъ свою крѣпкую руку, а Польшѣ объявить войну. Война эта окончилась для Россіи блистательно,—и Польша должна была уступить Малороссію московскому государю. Такимъ образомъ Никону Россія обязана возвращеніемъ ея достоянія, бывшаго подъ властью иновѣрнаго государя, Никону обязаны несчастные малороссы, терпѣвшіе горькую участь отъ польскихъ пановъ и страшныя преслѣдованія со стороны католичества за исповѣданіе православной вѣры, возвращеніемъ своихъ правъ и свободы вѣроисповѣданія, Никону обязанъ этотъ край возстановленіемъ въ немъ православія и очищеніемъ его отъ католичества и уніатства.

Такимъ образомъ, безъ патріарха Никона въ это время не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ это было только во времена

патріарха Филарета въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Уѣзжая въ 1654 году на войну съ Польшею, царь Алексѣй Михайловичъ довѣрилъ патріарху, какъ своему ближайшему другу, попеченіе о своемъ семействѣ, о государынѣ, сестрахъ своихъ и дѣтяхъ, попеченіе о всей столицѣ и поручилъ ему все управленіе государствомъ. Никонъ долженъ былъ особенно слѣдить за правосудіемъ и ходомъ дѣлъ въ приказахъ. Такимъ образомъ, патріархъ, во все время отсутствія государя, какъ верховный правитель государства, писалъ грамоты, разсылалъ всѣмъ властямъ указы отъ имени царя и своего имени; царскій намѣстникъ и бояре каждое утро должны были являться къ патріарху. Всѣ боялись Никона, ничего важнаго не дѣлалось безъ его вѣдома, совѣта и благословенія. Съ своимъ свѣтлымъ умомъ и энергіей Никонъ скоро и успѣшно рѣшалъ дѣла государственныя. Но онъ возбудилъ еще болѣе ненависти и зависти среди бояръ, которые были теперь подчинены ему во всемъ; ихъ родовитая гордость и непомѣрное честолюбіе никакъ не могли примириться съ этимъ. Притомъ, за боярами водилось много грѣшковъ, особенно много было злоупотребленій въ приказныхъ дѣлахъ. А Никонъ управлялъ строго, и тщательно слѣдилъ за соблюденіемъ правосудія. Все это возбудило

противъ него затаенную вражду, которая такъ дала себя знать впослѣдствіи.

Особенно энергичную дѣятельность Никонъ проявилъ по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Прежде всего, патріархъ успѣлъ оказать важныя личныя услуги царю. Такъ какъ царская семья была довѣрена особенному его попеченію, то онъ въ это опасное время пребывалъ при ней неотлучно, все время хранилъ ее, спасая отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстамъ. Прежде онъ проводилъ царское семейство въ Троицкую лавру, оттуда въ Калязинскій монастырь и наконецъ въ Вязьму. Въ продолженіи этого пути онъ самъ ѣздилъ впередъ для развѣдыванія, не угрожаетъ-ли гдѣ опасность... Въ то же время Никонъ сдѣлалъ распоряженіе поставить въ разныхъ мѣстахъ заставы, чтобы, во время заразы, пресѣчь сообщеніе съ войскомъ, въ которомъ былъ государь, приказалъ въ Москвѣ заложить кирпичами царскія кладовыя и не выпускать никого изъ тѣхъ дворовъ, гдѣ появится зараза. Народъ, по своему суевѣрію, простотѣ и невѣжеству считалъ грѣхомъ принимать мѣры предосторожности противъ моровой язвы и противостоять ей, какъ наказанію Божію. Тогда Никонъ сталъ разсылать грамоты о мѣрахъ предосторожности противъ заразы и, вразумляя суевѣрный народъ,

распространилъ по всей Россіи краснорѣчивое пастырское увѣщаніе, въ которомъ примѣрами изъ священной исторіи и житій святыхъ доказывалъ, что удаляться отъ опасности не составляетъ грѣха, увѣщевалъ не вѣрить лживымъ пророкамъ, распространявшимъ выдуманныя явленія, уповать на Бога и въ заключеніе призывалъ всѣхъ къ покаянію и добродѣтельной жизни [23]). Не довольствуясь этимъ, патріархъ разсылалъ указы объ учрежденіи карантиновъ, объ устройствѣ новыхъ дорогъ, объ очищеніи зараженнаго воздуха разведеніемъ огней въ кострахъ,—словомъ изыскивалъ и употреблялъ всѣ возможныя средства для предотвращенія опасности. Этимъ онъ отчасти успокоилъ и поднялъ отчаявшійся духъ народа и содѣйствовалъ тому, что, хотя зараза и поглотила громадное число жертвъ, но не имѣла такого широкаго распространенія, какого можно было ожидать. Безъ Никона никто не съумѣлъ бы предпринять такихъ рѣшительныхъ, спасительныхъ мѣръ противъ этого страшнаго повѣтрія.

Но народъ не оцѣнилъ благотворной дѣятельности патріарха. Враги Никона воспользовались его выѣздомъ изъ Москвы, чтобы возбудить противъ него народъ. Они стали толковать и внушать народу, что во время бѣдствія—мѣсто патріарха было-бы въ Москвѣ, а теперь: выѣхалъ

патріархъ, глава духовенства, а за нимъ разбѣжались и городскіе священники, и христіане умираютъ безъ напутствія. Съ пѣною у рта кричали они, что моровое повѣтріе послано Богомъ за еретическаго патріарха и его еретическія нововведенія, разумѣя подъ ними исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Извѣстно, что Никонъ преслѣдовалъ иконы латинскаго письма и требовалъ ихъ уничтоженія. Враги его, на основаніи этого представили его невѣжественному народу яко-бы иконоборцемъ, не признающимъ и уничтожающимъ св. иконы. Возбужденная этими криками и страшнымъ бѣдствіемъ, толпа принесла на сходку къ Успенскому собору образъ Спасителя, на которомъ стерлось изображеніе; нѣкто Софронъ Лапотниковъ говорилъ, что этотъ образъ выскобленъ по приказанію патріарха, и ему, Софрону, было, будто-бы, отъ этого образа видѣніе: велѣно показать образъ мірскимъ людямъ, чтобы всѣ возстали за поруганіе иконъ. Вожаки снова стали кричать, что Никонъ еретичествуетъ, исправляя книги. Какая-то женщина изъ Калуги кричала всенародно, что ей было видѣніе, запрещающее печатать книги. Озлобленная дикая толпа пришла въ бѣшенство, проклинала Никона, грозила ему,—и благо ему, что его въ то время не было въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что духовенство тогда было страшно

распущено, среди него было много лицъ преступныхъ, развратныхъ, недостойныхъ; поэтому строгій патріархъ многихъ поповъ принужденъ былъ держать подъ запрещеніемъ, — они-то и были повсемѣстными возмутителями толпы. Народное волненіе было такъ сильно, что оставленный въ столицѣ для управленія князь Пронскій лишь съ большимъ трудомъ успокоивалъ его.

Лучше оцѣнилъ заслуги патріарха Никона во время моровой язвы царь Алексѣй Михайловичъ. 1655 года 10 февраля, по прекращеніи моровой язвы, и по увѣдомленіи о томъ государя, Никонъ имѣлъ утѣшеніе возвратить ему въ Вязьмѣ, куда царь прибылъ съ похода. семейство его невредимымъ и вернулся оттуда въ Москву. Вскорѣ воротился и государь.—Признательности его патріарху не было конца. Благодарный царь не зналъ чѣмъ наградить Никона за его усердіе и патріотическій подвигъ и за сохраненіе царскаго дома во время моровой язвы. Онъ предложилъ Никону дать взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти и почтилъ его титуломъ „великаго государя“, который раньше имѣлъ только патріархъ Филаретъ, и то не какъ патріархъ, а какъ отецъ царя (Михаила Ѳеодоровича). Предчувствуя, что этотъ титулъ принесетъ ему много горя и зла въ будущемъ, Ни-

конъ отрекался отъ него. Не смотря на это сопротивленіе, царь приказалъ ему именоваться во всѣхъ граматахъ и бумагахъ „великимъ государемъ“; лишь на литургіяхъ Никонъ рѣшительно запретилъ этотъ титулъ и велѣлъ именовать себя великимъ господиномъ. И такъ, теперь патріархъ, какъ и царь, сталъ „великимъ государемъ“. Власть патріаршая приравнивалась къ царской. Этотъ поступокъ со стороны Алексѣя Михайловича былъ въ высшей степени необдуманный. этимъ титуломъ онъ далъ страшное оружіе въ руки враговъ Никона, и, какъ покажетъ будущее, они имъ воспользовались, чтобы погубить патріарха. Къ тому же этимъ титуломъ онъ внушалъ Никону слишкомъ высокое мнѣніе объ авторитетѣ представителей церкви. Никонъ имѣя примѣры и въ прошлой исторіи Россіи, сталъ думать, что какъ патріархъ, онъ не только можетъ, но и долженъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и дѣлать царю нужныя указанія. Въ этомъ виноватъ самъ царь: Алексѣй Михайловичъ самъ развилъ въ святѣйшемъ патріархѣ властолюбіе, онъ пріучилъ, заставлялъ его вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и Никону трудно было держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Этимъ воспользовались враги его и постарались привести его въ опасное столкновеніе съ верховною свѣтскою властью.

Между тѣмъ, патріархъ Никонъ, наканунѣ самаго паденія своего, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ вліянія на царя и государственныя дѣла. Во время кратковременной неудачной войны со шведами, управленіе столицей и государственными дѣлами было снова поручено ему. При немъ потерялъ всякое значеніе такъ называемый монастырскій приказъ — свѣтское учрежденіе, вѣдавшее дѣла о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ. Никонъ считалъ это учрежденіе посягательствомъ на права церковной власти со стороны гражданскаго правительства и лишилъ его дѣйствительной силы. Вопреки соборному уложенію царя Алексѣя Михайловича, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имущества, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами: вмѣсто прежнихъ 10,000 дворовъ сталъ владѣть 25,000. Когда Никонъ выстроилъ свои патріаршіе монастыри, царь и имъ далъ богатыя вотчины. Но въ то же время, вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ, какъ при Никонѣ. Во время войны патріархъ выставилъ въ поле на свой счетъ до 10,000 воиновъ, да столько же выставили монастыри.

Вообще патріаршая власть при Никонѣ была сильна. Онъ былъ дѣйствительно великимъ го-

сударемъ, а не по имени только. На это указываетъ самый тонъ его грамотъ. Въ одной изъ нихъ о высылкѣ подводъ подъ Смоленскъ онъ пишетъ: „отъ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Руссіи, на Вологду, воеводѣ князю Ухтомскому: указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссіи, и мы, великій государь, со всѣхъ монастырей быть для его государевы службы подъ Смоленскомъ, подводъ съ телѣгами, съ проводниками, и прислать государю подъ Смоленскъ. А одноличпо тебѣ государева нашего указу въ оплошку не поставить, собравъ подводы съ телѣгами и проводниками, прислать къ намъ, къ Москвѣ тотчасъ“... [24]) Завистливые бояре и недовольное духовенство роптали (конечно не безъ преувеличенія), что патріархъ окружилъ себя царскою пышностью и недоступностью, возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Въ 1655 г. Никонъ выстроилъ себѣ новый прекрасный патріаршій домъ, гдѣ въ крестовой палатѣ происходили соборы, и куда государь въ день своего ангела хаживалъ къ патріарху съ имянинымъ пирогомъ. Кромѣ того Никонъ употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, какія есть въ патріаршей ризницѣ, принадлежатъ ему:

на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и камней. Штатъ его патріаршаго дома былъ многочисленнѣе, чѣмъ при патріархѣ Филаретѣ. Нероновъ однажды говорилъ патріарху: „государевы — царевы власти уже не слыхать, всѣмъ отъ тебя страхъ. и посланники твои пуще царевыхъ всѣмъ страшны; никто съ ними не смѣетъ и заговорить: затвержено у нихъ: „знаете-ли патріарха?“ [25]) Никона боялись самые сильные бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія. Таковы были сила, власть и могущество патріарха Никона наканунѣ его паденія.

Но это мірское величіе, эта неустанная суета придворной жизни, эти вѣчные тревоги государственной дѣятельности,—нерѣдко утомляли великаго патріарха на его многотрудномъ поприщѣ. Естественно, что самая его неустанная, изумительная, поражающая своими размѣрами, многосторонностью и результатами, дѣятельность, и въ сферѣ церковной, и въ государственной жизни, — требовала по временамъ хотя бы временнаго отдыха для физическихъ и душевныхъ силъ. Да и помимо этого Никону хотѣлось иногда позабыться отъ этого шума и блеска жизни. Не къ тому готовилъ себя съ молодыхъ лѣтъ этотъ великій человѣкъ: онъ искалъ пустыни, думалъ посвятить свою жизнь иноческимъ

трудамъ и аскетическимъ подвигамъ. Судьба готовила ему иное, и изъ скромной пустыни вывела его въ шумную, суетливую столицу громаднаго государства, поставила его тамъ во главѣ не только всей церкви русской, но, можно сказать, и государства; обстоятельства и люди заставили его быть не только церковнымъ реформаторомъ и борцомъ за интересы церкви, но и двигателемъ государственной жизни. Правда, эта многостороння дѣятельность соотвѣтствовала громадному запасу умственныхъ и духовныхъ силъ этой геніальной личности, соотвѣтствовала его твердой волѣ, неустанной энергіи и твердости характера,—и была ему по душѣ. а люди и обстоятельства развили въ немъ до нѣкоторой степени властолюбіе и честолюбіе. Но въ тѣ рѣдкія минуты, когда патріархъ Никонъ переставалъ быть общественнымъ дѣятелемъ, когда онъ оставался одинъ съ собою, когда заботы объ общественныхъ интересахъ уходили въ душѣ его на задній планъ, — тогда въ ней выплывали затаенныя горькія думы, воскресали воспоминанія давняго. Онъ сравнивалъ съ настоящимъ прошедшее, и уже не радовался настоящему, ни его блеску, ни его величію. Онъ уже сожалѣлъ о тѣхъ суровыхъ пустыняхъ и скромныхъ обителяхъ, гдѣ провелъ свои лучшіе, молодые годы, и гдѣ ему такъ было мирно и

безмятежно. Въ эти рѣдкія минуты, великаго патріарха снова и неотразимо влекло въ его излюбленныя пустыни, и онъ спѣшилъ хотя на время забыться и отдохнуть отъ мірскихъ треволненій за стѣнами монастыря. Тогда онъ ѣхалъ въ свой любимый Иверскій монастырь, или же выбиралъ себѣ по сердцу новую пустыню и строилъ новые монастыри, гдѣ могла бы найти покой его смятенная душа. Такимъ образомъ, и эти немногіе часы досуга не пропадали у Никона даромъ, они были временемъ созиданія и благоустройства монастырей. Такъ были построены патріархомъ Никономъ монастыри Крестный и Воскресенскій, именуемый Новымъ Іерусалимомъ.

Крестный монастырь былъ построенъ Никономъ въ 1656 г., по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича. Онъ находится на уединенномъ островѣ Кіѣ предъ Онежскимъ устьемъ. Это мѣсто избралъ святѣйшій патріархъ для монастыря по слѣдующему случаю. Въ началѣ иноческой жизни, онъ однажды спасся здѣсь отъ потопленія, водрузилъ въ память этого крестъ, съ намѣреніемъ впослѣдствіи построить церковь или монастырь. Когда Никонъ, въ бытность свою новгородскимъ митрополитомъ, былъ въ 1652 г. посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами Святителя Филиппа, — на возвратномъ пути ему

пришлось пристать со св. мощами къ этому острову. Здѣсь онъ къ удивленію своему нашелъ водруженный имъ нѣкогда крестъ въ цѣлости— безъ поврежденія, несмотря на то, что около 20 лѣтъ онъ подвергался губительному вліянію вѣтровъ и дождей, холода и снѣга. При этомъ Никонъ услыхалъ, что многіе изъ окрестныхъ жителей имѣютъ къ тому кресту особенную вѣру и его силою спасаются отъ потопленія. Тогда же Никонъ далъ обѣщаніе построить здѣсь монастырь. Въ 1656 г. онъ исполнилъ это. назвавъ монастырь Крестнымъ. Для этого монастыря патріархъ велѣлъ сдѣлать кипарисный крестъ, одной мѣры съ Крестомъ Христовымъ, украсилъ его серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и вложилъ въ него до 300 частицъ св. мощей. Туда же онъ послалъ богатыя, художественно написанныя иконы. Освященіе монастыря было совершено съ большою торжественностью. При этомъ Никонъ пожертвовалъ на содержаніе его не мало средствъ изъ своей патріаршей казны, а благочестивый царь наградилъ его большими вотчинами.

Въ слѣдующемъ 1657 году патріархомъ Никономъ былъ оконченъ постройкой Воскресенскій монастырь, именуемый „Новымъ Іерусалимомъ“. Верстахъ въ 40 слишкомъ отъ Москвы понравилось ему мѣсто, принадлежавшее Роману Бо-

борыкину, на рѣкѣ Истрѣ, гдѣ ему приходилось часто бывать проѣздомъ въ Иверскій монастырь. Никонъ купилъ у владѣльца часть его земли съ селомъ Воскресенскимъ и началъ основывать тамъ съ благоизволенія государя монастырь. Все окружаемое рѣкою гористое мѣсто онъ выровнялъ насыпью, съ трехъ сторонъ выкопалъ рвы, построилъ деревянную ограду съ 8 башнями, а въ срединѣ деревянную церковь, которую и освятилъ въ 1657 году. На освященіе церкви патріархъ Никонъ позвалъ царя Алексѣя Михайловича. Мѣстоположеніе новаго монастыря было прекрасное и живописное; здѣсь сама природа своимъ могущественнымъ вліяніемъ смиряла душевныя тревоги и вносила въ душу миръ и отраду. Восхищенный мѣстностью, царь воскликнулъ: „Самъ Богъ изначала предназначилъ мѣсто это для обители; оно прекрасно, какъ Іерусалимъ!“ Съ этихъ поръ новый монастырь сталъ именоваться „Новымъ Іерусалимомъ“. Никону понравилось замѣчаніе царя, и онъ задумалъ создать изъ своего монастыря подобіе настоящаго Іерусалима. Арсеній Суханов снова былъ посланъ патріархомъ на востокъ съ порученіемъ достать и привезти точные планы и снимки съ іерусалимскаго храма Воскресенія и Виѳлеемской церкви. Окрестностямъ своей начинающейся обители Никонъ далъ палестинскія названія:

явился Назаретъ, явилось село Скудельничье и т. п.; гору, съ которой любовался царь обителью, назвалъ Никонъ Елеономъ, а рѣку Истру—Іорданомъ. Царь тогда же сдѣлалъ въ монастырь богатые вклады, одарилъ его обширными угодьями и пожелалъ, чтобы приступили къ постройкѣ большой соборной каменной церкви. Но патріархъ Никонъ, желая, чтобы храмъ сооруженъ былъ во всемъ сообразно Іерусалимскому храму Воскресенія Христова, дожидался Арсенія Суханова. Арсеній вернулся съ востока уже въ 1665 году и привезъ планы іерусалимской и виѳлеемской церкви. Съ рвеніемъ принялся патріархъ немедленно за созданіе соборнаго храма, который и теперь существуетъ въ Воскресенскомъ монастырѣ и поражаетъ посѣтителей своей огромностью, великолѣпіемъ и величественностью архитектуры. При патріархѣ Никонѣ онъ былъ выведенъ на высоту 15 саженъ и оконченъ постройкою уже по смерти его, въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Занимаясь созиданіемъ и благоукрашеніемъ монастырей и храмовъ, святѣйшій патріархъ Никонъ любилъ по прежнему посвящать свои труды и силы на дѣла нищелюбія и милосердія христіанскаго. Для пропитанія и содержанія бѣдныхъ и больныхъ онъ устроилъ въ Москвѣ много богадѣленъ. Судя по расходнымъ книгамъ

патріаршаго приказа, никто изъ патріарховъ столько не расходовалъ милостыни нищимъ, и не дѣлалъ пособія нуждающимся, сколько Никонъ. При каждомъ выходѣ своемъ на служеніе онъ жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ деньгами, не забывая и несчастныхъ, заключенныхъ въ темницахъ, въ такъ называемой „черной палатѣ“, въ тюрьмахъ на Варварскомъ крестцѣ, въ „разбойномъ“ и другихъ приказахъ. Въ праздники, при посѣщеніи темницъ, онъ самъ надѣлялъ колодниковъ и колодницъ милостынею и пастырскимъ утѣшеніемъ. Однажды случилось патріарху ѣхать въ Новоспасскій монастырь на поминовеніе царскихъ родителей; толпы убогихъ и нищихъ окружали его; онъ остановился, купилъ попавшіяся ему салазки съ горячими сайками и самъ роздалъ ихъ убогимъ. Нищелюбіе его простиралось до того, что онъ допускалъ убогихъ и неимущихъ въ свою столовую палату за праздничныя трапезы, которыми радушно дѣлился съ меньшою братіею Христовой.

ГЛАВА VII.

Охлажденіе царя къ Никону и причины этого.—Вліяніе и клеветы враговъ Никона.—Боярская партія. — Общій характеръ ихъ интригъ противъ Никона.—Злоупотребленія бояръ въ монастырскомъ приказѣ.—Письменная жалоба царю на Никона. — Открытая размолвка между царемъ и патріархомъ.—Отреченіе Никона отъ патріаршества и отъѣздъ въ Воскресенскій монастырь.

Вскорѣ положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Царь Алексѣй Михайловичъ вдругъ охладѣлъ къ своему „собинному“ другу, къ которому еще такъ недавно питалъ такую благоговѣйную любовь, и съ которымъ только что далъ взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти.

Когда произошла эта разительная перемѣна въ душѣ государя, — съ точностью опредѣлить нельзя; быть можетъ, въ ту самую минуту, когда Алексѣй Михайловичъ думалъ, что любитъ патріарха Никона, когда онъ клялся ему въ дружбѣ до гроба и почтилъ его титуломъ „великаго государя“,—въ это время уже, можетъ быть, подготовлялась въ глубинѣ души его эта печальная перемѣна. Любовь и нелюбье подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душою; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ, пока наконецъ какое-нибудь ничтожное обстоятель-

ство не вскроетъ охлажденія, давно уже въ душѣ подготовленнаго. Впрочемъ, съ положительною увѣренностью можно сказать, что царь и теперь, и послѣ окончательнаго разрыва, не переставалъ питать къ Никону сердечнаго расположенія и искренняго почтенія; тѣмъ же отвѣчалъ ему Никонъ. Разрывъ между ними былъ не ихъ дѣломъ. Какъ увидимъ далѣе, царь глубоко сожалѣлъ о разрывѣ и желалъ прекратить его; и, несомнѣнно, прекратилъ бы, если бы тому не воспрепятствовали враги Никона. Вообще въ самыхъ отношеніяхъ царя и патріарха напрасно мы стали бы искать чего-либо такого, что могло бы вызвать между ними само по себѣ это охлажденіе. Указываютъ на непомѣрное властолюбіе Никона, на то, что онъ слишкомъ самовластно сталъ управлять государствомъ, какъ „Великій государь“, съ другой стороны на то, что царь возмужалъ, окрѣпъ на войнѣ, воротился съ новыми взглядами на свою власть, съ новымъ сознаніемъ своего царскаго достоинства, — и это, будто бы, должно было повести къ неминуемому столкновенію между этими двумя властями царя и патріарха. Конечно, все это могло имѣть значеніе въ разрывѣ царя съ патріархомъ, но только *не само по себѣ*. Самъ царь никогда бы не дошелъ до убѣжденія, что Никонъ стоитъ ему поперегъ дороги, что онъ слиш-

комъ самовластно распоряжается государственными дѣлами и вмѣшивается не въ свои дѣла. Не позабудемъ, что царь всегда самъ настойчиво навязывалъ Никону эту власть, самъ постоянно вмѣшивалъ его въ государственныя заботы, обо всемъ съ нимъ совѣтывался и даже *любилъ* дѣлать по его указаніямъ, самъ навязалъ ему этотъ несчастный титулъ „великаго государя“ и поручилъ ему на время своего отсутствія неограниченную власть въ государственномъ управленіи. Самъ собою не могъ государь въ нѣсколько мѣсяцевъ такъ измѣнить свои убѣжденія и быть недовольнымъ тѣмъ, что создалъ онъ самъ такъ недавно. Если такъ скоро измѣнился взглядъ царя на Никона, измѣнились его сердечныя къ нему отношенія, то объясненія этому мы должны искать въ посторонемъ вліяніи и безхарактерности царя. Во всякомъ случаѣ, винить Никона въ охлажденіи къ нему царя,—едва-ли можно, и, если можно, то крайне умѣренно. Самъ Никонъ впослѣдствіи проклиналъ этотъ несчастный титулъ „великаго государя“, который такъ много способствовалъ его погибели, отрекался и отъ него, и отъ излишняго вмѣшательства въ мірскія дѣла, желая только возвращенія любви государевой...

Никона погубили вліяніе и интриги его враговъ. Враговъ у патріарха было, какъ мы ви-

дѣли, всегда много и среди бояръ, и среди духовенства, и среди расколоучителей. Но прежде эти враги, не смотря на всѣ свои интриги, ничего не могли сдѣлать, они лишь злобно изъ-за угла шипѣли, но не смѣли выпустить своего жала, не рѣшались вступать съ всесильнымъ царскимъ любимцемъ въ открытую борьбу. Тогда они, хорошо зная характеръ царя, начали медленную, но вѣрную работу; день изо дня они нашептывали ему на патріарха, указывали на его неблаговидные поступки, на превышеніе имъ своей власти, на его дѣйствія и тонъ его распоряженій, якобы оскорбительные для царскаго величества, на его гордость, недоступность и высокомѣріе, на его притѣсненія, несправедливость и жестокость по отношенію къ духовенству и т. д., и т. д., — словомъ клеветали на доброе имя патріарха все, что только могла измыслить самая черная клевета. Всякое слово патріарха перетолковывалось въ худую сторону, всякая его заслуга церкви и государству обращалась ему въ вину. „Все, что нами сказано смиренно,— писалъ впослѣдствіи Никонъ царю,— перетолковано, будто сказано гордо; что было благохвально, то пересказано тебѣ хульно, и отъ такихъ-то лживыхъ словесъ поднялся противъ меня гнѣвъ твой!“ [26]) Царь долго не вѣрилъ этому змѣиному шипѣнію и коварной кле-

ветѣ, да и впослѣдствіи сомнѣвался довѣрять ей. Но повторяемая безустанно изо дня въ день, при каждомъ подходящемъ и неподходящемъ случаѣ,—она дѣлала свое дѣло. Вѣдь и капля, постоянно падающая на камень, долбитъ его. А душа царя Алексѣя Михайловича не имѣла твердости камня; она была мягка какъ воскъ, и неспособна долго сопротивляться чьему бы то ни было вліянію. Быть можетъ, вліяніе Никона превозмогло-бы это вліяніе его враговъ. Но тутъ имъ помогли уже сами обстоятельства. Постоянные войны и походы удаляли царя отъ патріарха, затѣмъ Никонъ сталъ строить Новый Іерусалимъ и по долгу жить въ немъ. Этимъ временемъ, когда Никона не было при царѣ, и воспользовались его враги. Въ это время ихъ внушенія, вѣроятно и подѣйствовали на царя и вызвали въ его душѣ первыя неудовольствія противъ Никона. Слабохарактерный царь не могъ не находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ: прежде его слабая воля подчинялась сильной, могучей волѣ патріарха Никона; теперь, когда Никона не было около него, онъ отдался подъ вліяніе окружающихъ его бояръ—враговъ Никона, и охладѣлъ къ послѣднему. Нужно замѣтить, что главными двигателями этой печальной исторіи были бояре. Ихъ интриги противъ Никона были очевидны для всякаго постороняго

наблюдателя; бывшій въ то время въ Россіи иностранецъ Мейербергъ безпристрастно отзывался, что „Никонъ былъ низверженъ судьбою придворной жизни“ [27]). И Никонъ впослѣдствіи справедливо жаловался царю, что онъ пострадалъ „отъ лживыхъ сплетенъ лжебратій“ [28]). Мы уже видѣли выше, откуда и какъ возникла эта вражда бояръ къ всесильному патріарху. Бояре ненавидѣли его за смѣлыя замѣчанія, какія онъ дѣлалъ многимъ изъ нихъ по разнымъ случаямъ, за его вліяніе въ царскомъ совѣтѣ, гдѣ однако же сами занимались болѣе споромъ о мѣстахъ, нежели дѣлами, и особенно за его близость къ государю и неограниченное довѣріе къ нему царя. Сама царица, родственники ея Милославскіе, родственники государя по матери Стрѣшневы, Трубецкой, Одоевскій, Салтыковъ и другіе приближенные вельможи стали во главѣ враговъ Никона. Къ нимъ пристали и многіе изъ недовольныхъ Никономъ, его строгостью и требовательностью, духовныхъ лицъ, содѣйствіе которыхъ было весьма важно для бояръ, особенно когда дѣло приняло характеръ дѣла церковнаго. Во главѣ послѣднихъ были митрополитъ Питиримъ и впослѣдствіи Паисій, митрополитъ Газскій, человѣкъ немного дорожившій совѣстью и слишкомъ преданный матеріальнымъ выгодамъ. а потому и примкнувшій къ

сильной партіи противниковъ патріарха. Сюда уже пристали всѣ, недовольные исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, а такихъ было не мало не только среди отдѣлившихся отъ церкви раскольниковъ, но и среди православныхъ. Всѣ эти люди составили изъ себя одно общество, единодушно дѣйствовавшее противъ Никона. А Никонъ, хотя все это и видѣлъ, не считалъ нужнымъ принимать противъ того какія-либо мѣры. Онъ слишкомъ надѣялся на свое вліяніе на царя, да кромѣ того, по характеру своему, пріобрѣтать себѣ союзниковъ онъ считалъ для себя унизительнымъ и ненужнымъ, а враговъ не боялся и презиралъ. Такъ вслѣдствіе интригъ бояръ и другихъ враговъ Никона, между нимъ и царемъ возникли первыя неудовольствія.

Въ искусствѣ, съ какимъ бояре поддерживали далѣе раздоръ между царемъ и патріархомъ, бояре обнаружили замѣчательное знаніе характеровъ того и другаго и умѣнье пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Зная довѣрчивый характеръ государя и овладѣвъ имъ до такой степени, что онъ не имѣлъ уже силы выйти изъ подъ ихъ вліянія, они умѣли не допустить его до личныхъ откровенныхъ объясненій съ патріархомъ, которыхъ оба они желали и которыя могли бы положить конецъ ихъ недоразумѣніямъ; напротивъ въ искаженномъ и преувеличенномъ

видѣ передавая ему рѣчи и поступки Никона, искусно возбуждали въ царѣ гнѣвъ и легко вооружали его противъ прежняго его друга. Никонъ, замѣтивъ отдаленіе отъ него государя, по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти первый на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снизойти до того, чтобы кроткими средствами уничтожить нелюбье въ самомъ началѣ. Тѣмъ временемъ враги патріарха, зная всю горячность и прямоту его характера, зная также, какъ дорожилъ онъ неприкосновенностью своихъ правъ и преимуществъ, стали, прикрываясь именемъ государя, дѣлать ему разнаго рода оскорбленія и большею частію въ томъ, что онъ считалъ священнымъ и неприкосновеннымъ, и тѣмъ постоянно раздражали его и вызывали къ такимъ поступкамъ, которые только укрѣпляли и поддерживали возникнувшее несогласіе съ государемъ. По мѣрѣ того, какъ болѣе успѣвали вооружать царя противъ патріарха, ихъ оскорбленія дѣлались для Никона все смѣлѣе и чувствительнѣе. Подъ вліяніемъ этихъ оскорбленій, самый характеръ Никона, горячій и прямой, дѣлается раздражительнѣе и нетерпѣливѣе, и онъ дѣйствительно начинаетъ допускать поступки оскорбительные

для государя, и для его собственнаго достоинства.

Первыя чувствительныя оскорбленія патріарху Никону со стороны бояръ сдѣланы были распоряженіями монастырскаго приказа, который ранѣе при Никонѣ потерялъ свое значеніе. Теперь снова бояре, безъ всякихъ даже сношеній съ патріархомъ, стали распоряжаться церковными мѣстами, монастырскими имѣніями, судомъ надъ лицами, принадлежавшими къ духовному вѣдомству. Это было жестокимъ ударомъ для патріарха, который всегда такъ высоко ставилъ права церковной власти, которому права эти казались священными и неприкосновенными. Впослѣдствіи Никонъ съ горечью упрекалъ государя, что теперь владыкъ, архимандритовъ, игумновъ и поповъ ставятъ по указу его, царя, и свѣтскихъ властей, чѣмъ, по мнѣнію Никона, наносится оскорбленіе св. Духу,— что въ монастырскомъ приказѣ, вопреки всякимъ законамъ и правиламъ св. отецъ, дѣла духовныя вѣдаютъ, судятъ и наслуютъ мірскіе судьи. „И сего ради,— съ гнѣвомъ восклицалъ патріархъ оскорбленный за такое вопіющее нарушеніе церковныхъ правъ— собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ“...[29])

Но теперь никакого объясненія между царемъ

и патріархомъ не послѣдовало. Никонъ, видя, что царь охладѣлъ къ нему и безучастно позволяетъ боярамъ наносить ему чувствительныя оскорбленія, и самъ сталъ удаляться отъ него, по своей гордости, и желая, чтобы правда сама выплыла на свѣтъ Божій. Тѣмъ временемъ, враги подали на патріарха государю длинную жалобу, въ которой упрекали его за корыстолюбіе и тяжкіе поборы съ духовенства его чиновныхъ лицъ, за суровое отношеніе къ ставленикамъ и, особенно, за недоступное величіе по отношенію къ подчиненному духовенству, за его будто-бы жестокія истязанія поповъ и дьяконовъ. Всѣ эти жалобы были подстроены такъ искусно, что принимали видъ истины; по мѣстамъ были разсѣяны грязные намеки, въ высшей степени оскорбительные для святѣйшаго патріарха. Царь не далъ никакого хода этой жалобѣ; но уже самое его равнодушіе къ оскорбленіямъ, какія наносили его прежнему другу, показывали Никону, что царь охладѣлъ къ нему, что любовь смѣнилась нелюбьемъ. Бояре же дошли до такой наглости, что одинъ изъ нихъ Стрѣшневъ, заклятый врагъ патріарха, назвалъ его именемъ свою собаку и кощунственно научилъ ее поднимать лапу какъ-бы для благословенія. Когда царю Алексѣю Михайловичу принесена была жалоба на это вопіющее

безобразіе,— онъ и то пропустилъ мимо ушей и сдѣлалъ видъ, что онъ не вѣритъ этому и считаетъ это гнусной клеветой.

Наконецъ лѣтомъ 1658 года между царемъ и патріархомъ наступила явная размолвка.

Въ это время въ Москву пріѣхалъ грузинскій царевичъ Теймуразъ и по этому поводу во дворцѣ 4-го іюля былъ большой обѣдъ. Никона не пригласили, хотя прежде въ подобныхъ случаяхъ ему оказывали первую честь. Патріархъ послалъ своего боярина, князя Димитрія за какимъ-то церковнымъ дѣломъ, а можетъ быть, какъ говорили другіе, чтобы высмотрѣть, что тамъ дѣлалось, разузнать, почему его, патріарха, не пригласили. Окольничій Хитрово, разчищавшій въ толпѣ путь для грузинскаго царевича, ударилъ по головѣ палкою патріаршаго боярина. Бояринъ не смолчалъ, сказалъ Хитрово, чтобы не смѣлъ драться, что онъ патріаршій человѣкъ и здѣсь не даромъ, а присланъ за дѣломъ отъ патріарха. Этимъ именемъ бояринъ, конечно, надѣялся смутить окольничаго. „Не чванься!“— закричалъ на это Хитрово и снова ударилъ боярина палкой по лбу. Это было уже, такимъ образомъ, сознательное, намѣренное оскорбленіе патріарха въ лицѣ его боярина. Такъ именно и понялъ это дѣло Никонъ. Онъ немедленно написалъ письмо къ государю, требуя суда за

оскорбленіе своего боярина. Царь отвѣчалъ ему собственноручно: „сыщу и по времени самъ съ тобою видѣться буду".

Однако прошелъ день, другой: царь не повидался съ Никономъ и не учинилъ расправы за оскорбленіе его боярина. Очевидно, Хитрово принадлежалъ къ партіи враждебныхъ Никону боярина и дѣйствовалъ, разсчитывая на ихъ поддержку. Онъ-то, безъ сомнѣнія, и не допустилъ царя до свиданія съ патріархомъ, вопреки его желанію и обѣщанію.

Наступило 8-е іюля, праздникъ Казанской иконы Божіей Матери. Въ этотъ день всегда происходило въ Казанскомъ соборѣ торжественное патріаршее служеніе, на которомъ царь обыкновенно присутствовалъ и участвовалъ въ крестномъ ходѣ. Но ни наканунѣ за вечерней, ни въ самый день праздника, Алексѣя Михайловича въ соборѣ не было. Никонъ понялъ, что царь подосланъ имъ.

10-го іюля наступилъ еще болѣе торжественный праздникъ, установленный недавно въ память принесенія изъ Персіи въ Москву Ризы Господней. Въ этотъ праздникъ царь всегда слушалъ вечерню, утреню и обѣдню въ Успенскомъ соборѣ. Никонъ посылалъ къ царю передъ вечернею, а потомъ и передъ заутренею. Царь не пришелъ и послалъ къ Никону своего

сальника, князя Ромодановскаго, который сказалъ: „царское величество на тебя гнѣвенъ: оттого онъ не пришелъ къ заутрени и повелѣлъ не ждать его къ святой литургіи“.

Никонъ спросилъ: за что царь на него гнѣвается?

На это Ромодановскій съ грубостью началъ упрекать патріарха: „Ты пренебрегъ его царскимъ величествомъ и пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь — царь.“

„Я называюсь великимъ государемъ не собою, — возразилъ Никонъ. — Такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его величество. На это у меня и грамоты есть, писанныя рукою его царскаго величества“.

„Царское величество, — съ запальчивостью перебилъ патріарха Ромодановскій, — почтилъ тебя, яко отца и пастыря, и ты этого не ура-
мѣлъ; а нынѣ царское величество велѣлъ тебѣ
чать: отнынѣ не пишись и не называйся ве-
ъ государемъ; почитать тебя впредь не
“.

о допустить, чтобы Ромодановскій рѣ-
ворить отъ себя, не получивъ на са-
порученія отъ царя. Но съ другой
возможно допустить и того, что
ватный царь позволилъ
себѣ такъ

оскорбить недавняго своего друга, притомъ патріарха, въ которомъ онъ чтилъ священный санъ; Ромодановскій намѣренно, прикрываясь именемъ государя, облекъ въ такую грубую форму его порученіе, чтобы сильнѣе уязвить патріарха.

Какъ бы то ни-было, самолюбіе Никона было дѣйствительно уязвлено до крайней степени. Онъ всегда привыкъ видѣть по отношенію къ себѣ уваженіе и покорность отъ всѣхъ, и отъ свѣтскихъ властей, и отъ самого царя, а теперь онъ вынужденъ выслушивать эти грубыя замѣчанія, да еще изъ устъ боярина. Но въ этомъ случаѣ искреннее огорченіе Никона имѣло еще источникъ, и болѣе чистый, чѣмъ самолюбіе. Святѣйшій патріархъ искренно любилъ „тишайшаго“ царя и дорожилъ его любовью. Вслѣдствіе того, всѣ эти явные и не совсѣмъ заслуженные знаки гнѣва царскаго глубоко огорчали его, ему было невыразимо больно каждое огорченіе, причиняемое отъ имени царя. При первыхъ проявленіяхъ царскаго гнѣва, онъ не могъ уже перенести его спокойно и, вопреки внушеніямъ благоразумія, рѣшился на поступокъ, который послужилъ началомъ всѣхъ послѣдующихъ его несчастій. Онъ рѣшился произнести торжественно отреченіе отъ патріаршей каѳедры, быть можетъ, разсчитывая на то, что кроткій

и набожный царь испугается и поспѣшитъ помириться съ первосвятителемъ.

Въ тотъ же день, послѣ посѣщенія Ромодановскаго, патріархъ сообщилъ о своемъ намѣреніи патріаршему дьяку Каликину, отъ котораго въ свою очередь узналъ о томъ бояринъ Никита Зюзинъ, весьма расположенный къ патріарху. Оба они не одобряли его намѣренія. Зюзинъ велѣлъ передать Никону, чтобы онъ не гнѣвилъ государя; иначе—захочетъ воротиться назадъ, да будетъ поздно. Никонъ нѣсколько призадумался, сталъ что-то писать, но потомъ разодралъ написанное, и воскликнулъ: „Нѣтъ, иду!“

Въ тотъ же день патріархъ весьма торжественно служилъ въ Успенскомъ соборѣ свою послѣднюю литургію; стеченіе народа было большое. Во время причастнаго стиха патріархъ приказалъ ключарю поставить сторожей у входныхъ дверей, чтобы народъ не пускали изъ церкви, потому что онъ намѣренъ говорить поученіе.

Пропѣли: „Буди имя Господне,“ народъ столпился у амвона слушать поученіе, и услыхалъ страшныя слова. Сперва патріархъ сталъ читать слово Златоуста, въ которомъ говорилось о высокомъ назначеніи пастырскаго служенія, и о томъ, какое зло бываетъ для церкви, когда пастырь не искусенъ пасти стадо; потомъ, изъ

прерывая теченія мыслей, сталъ говорить уже отъ себя, что онъ именно такой пастырь. „Лѣнивъ я былъ васъ учить,—съ горечью говорилъ патріархъ: не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе. окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ!..“

Отъ такой неожиданной рѣчи въ церкви поднялся шумъ; трудно было разслышать, что далѣе говорилъ Никонъ. Слышно лишь было, что патріархъ съ горечью упрекалъ, что его называли иконоборцемъ, за то лишь, что онъ латинскія иконы отбиралъ, называли еретикомъ, за то, что онъ книги исправилъ, согласно свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ, а народъ. въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣлъ за это каменіемъ его побить...

Окончивъ поученіе, Никонъ сталъ разоблачаться, снялъ митру, омофоръ, саккосъ... Въ соборѣ послышались всхлипыванія, въ народѣ послышались голоса: „кому ты насъ сирыхъ оставляешь!“ — „Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ“, отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, по приказанію патріарха. Но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ въ одномъ подризникѣ ушелъ въ ризницу и отсюда написалъ письмо къ государю: „отхожу ради

твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ". Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантію съ источниками и черный клобукъ, взялъ простой посохъ и пошелъ было изъ собора. Но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его. Никонъ дошелъ до амвона, что посреди церкви, на которомъ облачаются архіереи, и сѣлъ на послѣдней ступени. Между тѣмъ митрополиты Питиримъ Крутицкій и Михаилъ Сербскій, съ другими властями, пошли къ государю извѣстить его о томъ, что дѣлается въ Успенскомъ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился. „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ", — сказалъ онъ и отправилъ въ соборъ князя Трубецкаго и боярина Стрѣшнева. Все это произошло, конечно, не безъ вліянія боярской партіи, которая не допустила царя до личнаго устнаго или письменнаго объясненія, а побудила его послать двухъ бояръ, самыхъ заклятыхъ, притомъ, враговъ Никона. Самъ, по своему желанію, добросердечный царь никогда такъ круто не поступилъ бы. Царь поручилъ этимъ боярамъ сказать патріарху, что никакого гнѣва противъ него у государя нѣтъ, и государь

просить его оставаться по прежнему патріархомъ. Но Трубецкой и Стрѣшнемъ воспользовались царскимъ порученіемъ, чтобы еще сильнѣе раздражить Никона, подстрекнуть его итти смѣлѣе по тому опасному пути, на который самъ онъ, къ особенному ихъ удовольствію, такъ неосторожно рѣшился вступить.

— Для чего ты патріаршество оставляешь?— спросилъ Трубецкой.—Кто тебя гонитъ?

— Я оставляю патріаршество самъ собою,— сказалъ Никонъ и послалъ приготовленное письмо царю. Въ ожиданіи царскаго отвѣта патріархъ, въ сильномъ волненіи, то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ; но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь самъ явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними. Но вмѣсто царя воротились Трубецкой и Стрѣшневъ и сказали патріарху отъ имени царя, чтобы онъ не оставлялъ патріаршества.

— Даю мѣсто гнѣву царскаго величества, — сказалъ Никонъ.—Бояре и всякіе люди церковному чину обиды творятъ, а царское величество управы не даетъ и на насъ гнѣваетъ, когда мы жалуемся. А нѣтъ ничего хуже, какъ царскій гнѣвъ носить.

На это бояре всенародно стали укорять патріарха (сами отъ себя, превышая власть даннаго имъ царскаго порученія), зачѣмъ онъ называлъ себя великимъ государемъ и во многія государственныя дѣла вступается.

— Мы, — отвѣчалъ на это съ достоинствомъ Никонъ, — великимъ государемъ не сами назвались и въ царскія дѣла не вступаемся; а развѣ о правдѣ какой говорили или отъ бѣды кого-нибудь избавляли, такъ мы, архіереи, на то заповѣдь приняли отъ Господа, Который сказалъ: „Слушаяй заповѣдь Мене слушаетъ“.

При этомъ Никонъ просилъ у государя себѣ келлію; ему отвѣчали, что келлій на патріаршемъ дворѣ много: можешь жить въ любой. „не о тѣхъ келліяхъ я говорю, съ досадой промолвилъ Никонъ, онѣ не про меня; а пусть бы государь пожаловалъ — указалъ бы, въ какомъ монастырѣ мнѣ жить.“ Снова отправился Трубецкой къ царю и, воротившись, сказалъ: „Великій государь указалъ тебѣ сказать, гдѣ — де ты изволишь, тамъ и избирай себѣ келліи и монастырь“ и опять отъ имени царя повторилъ, чтобы патріаршества онъ не оставлялъ. „Я слова своего не перемѣню“,—упрямо повторилъ оскорбленный патріархъ. Затѣмъ онъ поклонился передъ Трубецкимъ, сказавъ: „челомъ бью великому государю на его государской милости“,

снялъ мантію и вышелъ изъ собора. Было грязно, и патріархъ Никонъ хотѣлъ сѣсть въ извощичью карету. Но народъ бросился и выпрягъ лошадь. Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ кремль къ Спасскимъ воротамъ. Народъ забѣжалъ впередъ и заперъ ворота. Тогда Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій воротъ. Тутъ явились посланные изъ дворца и заставили отворить ворота. Никонъ всталъ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье Воскресенскаго монастыря, благословилъ и отпустилъ плачущій народъ.

На подворьѣ Никонъ прожилъ около трехъ дней, ожидая, что царь, можетъ быть, одумается, позоветъ его помириться и не допуститъ его оставить патріаршество, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, „царское величество прислалъ ему сказать, чтобы не видясь съ нимъ не отходилъ.“ Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидалъ, что ждать ему больше нечего, и рѣшился уѣхать изъ Москвы. Онъ отправился на двухъ плетеныхъ повозкахъ въ Воскресенскій монастырь, написавши царю письмо въ такомъ смыслѣ: „по отшествіи боярина вашего Алексѣя Никитича (Трубецкаго) съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великаго государя, милостиваго указа по моему прошенію;

не дождался, — и многихъ ради болѣзней велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь".

Вслѣдъ за Никономъ пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь по царскому указу Трубецкой съ дьякомъ Лопухинымъ, но не съ мировой, не съ просьбой о возвращеніи въ столицу. Трубецкому было поручено сказать Никону, „чтобы подалъ благословеніе великому государю, государынѣ царицѣ и ихъ дѣтямъ, и чтобы благословилъ того, кому изволитъ Богъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь крутицкому митрополиту". На эти предложенія, которыя такъ прямо вели къ рѣшенію его участи, Никонъ отвѣчалъ съ замѣчательнымъ въ его положеніи спокойствіемъ и покорностью. Онъ сказалъ, что проситъ себѣ прощенія у великаго государя, государыни и ихъ дѣтей и имъ посылаетъ свое благословеніе и прощеніе, церковь благословляетъ вѣдать крутицкому митрополиту, что благословляетъ и того, кому Богъ изволитъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, и даже челомъ бьетъ государю, чтобы поспѣшилъ избраніемъ ему преемника, чтобы церковь Божія не вдовствовала и безъ пастыря не была; о себѣ же повторилъ, что патріархомъ быть не хочетъ.

ГЛАВА VIII.

Жизнь Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ: благоустроеніе обители, подвиги, дѣла благотворенія.—Вліяніе природы и трудовъ. — Миролюбивый характеръ писемъ Никона.—Добрыя отношенія царя. — Козни враговъ. — Обличительныя посланія Никона къ царю.—Удаленіе въ Крестный монастырь.

Трудно сказать, что происходило въ душѣ святѣйшаго патріарха Никона, когда онъ, оскорбленный боярами, чувствуя себя обиженнымъ отъ государя, добровольно оставилъ патріаршество и удалился въ Воскресенскій монастырь. Сожалѣлъ ли онъ о своемъ рѣзкомъ поступкѣ, сожалѣлъ-ли объ оставленной имъ власти, о потерянномъ мірскомъ величіи, о былой многосторонней. энергичной дѣятельности, объ оживленіи и пышности, или спокойно отказался отъ этихъ потерь, — объ этомъ нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ и показаній. Во всякомъ случаѣ, по наружности, Никонъ какъ будто и думать забылъ о патріаршествѣ. Теперь все свое вниманіе, всю свою дѣятельность онъ обратилъ на устройство и украшеніе любимаго своего дѣтища—Новаго Іерусалима. Никонъ въ своемъ уединеніи дѣятельно занимался каменными постройками въ Воскресенскомъ монастырѣ, копалъ возлѣ монастыря пруды, разводилъ рыбу,

строилъ мельницы, разсаживалъ сады, огороды, расчищалъ лѣса, осушалъ болота подъ косьбу и т. д.,—словомъ весь погрузился въ хозяйственныя работы. Съ особенною любовью и усердіемъ занялся онъ постройкой только что начатаго соборнаго храма Воскресенія по плану Іерусалимскаго Воскресенскаго храма. Каждый день занимался онъ этимъ дѣломъ, и этотъ храмъ обязанъ на всегда ему не только сооруженіемъ, но и точнымъ размѣщеніемъ въ немъ по модели всѣхъ придѣльныхъ храмовъ, и доныне въ немъ находящихся въ томъ же видѣ, въ какомъ первоначально они были имъ расположены и устроены. При этомъ патріархъ трудился наравнѣ съ простыми работниками, показывая имъ примѣръ: онъ самъ носилъ своими руками, какъ простой каменьщикъ, кирпичи, камни, известь, воду, копалъ и т. д. Кромѣ того, онъ устроилъ въ 150 саженяхъ отъ Воскресенскаго монастыря, на берегу рѣки Истры, по образцу отшельническихъ пустынокъ Аѳонской горы, небольшую пустынь съ двумя церковками, для уединенія и безмолвія. Сюда Никонъ любилъ удаляться во дни Св. Четыредесятницы для молитвы, покаянія и аскетическихъ подвиговъ. Въ этомъ уединеніи подавалъ онъ образъ истиннаго покаянія: проводя жизнь въ строгомъ воздержаніи, изнуряя себя постомъ и

нося всю тяжесть труженической монашеской жизни, неослабно пребывалъ онъ въ терпѣніи и молитвѣ. — Въ то же время Никонъ не переставалъ заботиться о странныхъ и нищихъ, давалъ имъ въ монастырѣ пропитаніе и пріютъ. Бѣдные и гонимые судьбою находили себѣ въ гонимомъ патріархѣ отца и усерднаго защитника и благотворителя во всѣхъ своихъ нуждахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что благотвореніемъ Никонъ покорялъ себѣ сердца.

И такъ, судя по описанной жизни патріарха Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, онъ и думать позабылъ о патріаршествѣ. Но было ли это такъ въ дѣйствительности? Ужели такъ скоро смирился его властный, бурный духъ? Успѣли-ли улечься въ душѣ его только что вынесенныя имъ обиды и оскорбленія? Смирились-ли его страсти, и ужели онъ такъ скоро забылъ это исполненное величія и могущества свое прошлое, которое онъ промѣнялъ на такую скромную безвѣстную долю въ пустыни? Едвали. Трудно человѣку, привыкшему къ такой власти и къ такой оживленной, бурной дѣятельности, сразу отрѣшиться ото всего этого и затвориться въ стѣнахъ уединеннаго монастыря. Да и не могъ гордый патріархъ такъ скоро забыть тѣ чувствительныя оскорбленія, которыя онъ только что вынесъ отъ ненавистныхъ бояръ

и горячо любимаго царя. Никонъ принадлежалъ къ тѣмъ богатымъ натурамъ, которыя, при своей энергіи, силѣ и мощи, обладаютъ въ тоже время необыкновенною чувствительностію и душевною воспріимчивостію. Такіе люди чувствуютъ сильно и глубоко; каждая рѣзкая перемѣна въ жизни, каждое оскорбленіе, каждый ударъ судьбы, – не проходятъ въ душѣ ихъ быстро и безслѣдно, но глубоко западаютъ въ нее и переживаются съ большимъ трудомъ; они страдаютъ глубоко и долго, но въ тоже время находятъ силы въ себѣ самомъ выстрадать свое горе, не выказывая другимъ своей мучительной внутренней борьбы. Такъ было это и съ Никономъ. Въ уединеніи монастыря, онъ одинъ съ собою переживалъ все случившееся и старался силою своего духа усмирить свои бушующія страсти. Для того-то отчасти онъ здѣсь и прибѣгаетъ къ такимъ усиленнымъ физическимъ трудамъ. предается самымъ строгимъ аскетическимъ подвигамъ, чтобы забыться, успокоить свой смятенный духъ, охладить свою природную горячность, удержать въ границахъ овладѣвавшіе имъ порывы гнѣва и негодованія.

Эта борьба мощнаго духа со страстями, желѣзной воли съ бурною горячностью темперамента, окончились для Никона, кажется, въ пользу первыхъ. Да и сама эта прекрасная

пустыня, въ которой поселился Никонъ, не могла не подѣйствовать на его душу успокоительнымъ, освѣжающимъ образомъ. Природа имѣетъ могущественное, неотразимое вліяніе на человѣка; подъ впечатлѣніемъ ея мирныхъ красотъ и исполненныхъ тихой прелести явленій, душевныя тревоги смиряются, люди забываютъ мірскія печали, обиды, зло, исчезаютъ страсти, въ душѣ водворяется миръ, и люди, по выраженію поэта, „въ небесахъ видятъ Бога“. Успокоился и Никонъ въ своемъ прекрасномъ уединеніи, забылъ все, что имѣлъ противъ царя и готовъ былъ простить со смиреніемъ своихъ враговъ. Что это не пустыя слова, что все это дѣйствительно происходило въ душѣ отверженнаго патріарха,—объ этомъ ясно и поразительно живо свидѣтельствуютъ его письма за это время. Съ необыкновеннымъ смиреніемъ и любовью онъ писалъ царю: „многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, *бывшій* патріархъ, о вашемъ, государевѣ, душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога ей-ей со слезами молю и милостей у васъ, государей, и прощенія прошу, хотя прегрѣшенію моему нѣтъ и мѣры... Многажды множицею прошу, Господа Бога ради простите меня, да и сами отъ Господа Бога прощенія и благословенія сподобитесь“ (пис. отъ 1 іюля 1659 г. [30]) Въ другомъ письмѣ къ

государю Никонъ съ неподдѣльною скорбію писалъ, что „тужитъ о немъ“.[31]) Однажды пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и объявилъ Никону отъ имени царскаго, что бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ опасно боленъ, и если патріарху была на него какая-нибудь досада, то онъ бы простилъ умирающаго. Никонъ письменно отвѣчалъ государю: „Мы никакой досады отъ Бориса Ивановича не видали, кромѣ любви и милости, а хотя-бы что-нибудь и было, то мы — Христовы подражатели, и его Господь Богъ проститъ, если, какъ человѣкъ, въ чемъ-нибудь виноватъ предъ нами. Мы теперь оскудѣли всѣмъ, и потому молимъ твою кротость пожаловать что-нибудь для созиданія храма Христова Воскресенія и намъ бѣднымъ на пропитаніе, а мы рады помнить его, боярина; ничто такъ не пользуетъ нашей души, какъ созданіе св. церквей; а всего полезнѣе для души его было-бы, еслибъ онъ изволилъ положиться въ домѣ живоноснаго Воскресенія, при св. Голгоѳѣ, и память бы такого великаго боярина не престала во вѣки, и Богъ бы, ради нашихъ смиренныхъ молитвъ, успокоилъ его“.[32]) Этотъ миролюбивый тонъ писемъ патріарха Никона ясно показываетъ, насколько смирился и успокоился онъ въ уединеніи Воскресенскаго монастыря, и чѣмъ

была въ это время занята его душа: не мыслями о патріаршествѣ, а исключительно построеніемъ Воскресенскаго храма, о немъ онъ только и думаетъ и потому-то обращается съ просьбою о милостынѣ на это святое дѣло.

Миролюбивыя письма Никона, слухи о его безпримѣрномъ терпѣніи, трудахъ и молитвахъ, о его благотворительной дѣятельности,—все это стало трогать мягкосердечнаго царя. Алексѣй Михайловичъ началъ колебаться. Въ немъ заговорило прежнее дружеское чувство къ Никону. Ему стало жалко Никона, запало раздумье, не слишкомъ-ли строго съ нимъ поступлено, дѣйствительно-ли онъ виноватъ, не лучше-ли возстановить то, что было, призвать Никона на патріаршество. Но открыто принять сторону патріарха, такъ ненавидимаго боярами, царь не рѣшался по своей слабохарактерности, боясь раздражить бояръ, изъ-за мелочнаго страха передъ ними. Царь только медлилъ избраніемъ новаго патріарха, ожидая, что можетъ быть, дѣло само уладится по его желанію въ пользу Никона, и между тѣмъ началъ съ Никономъ спошенія, напоминавшія прежнюю ихъ искренность. Алексѣй Михайловичъ писалъ къ патріарху въ Воскресенскій монастырь такія же дружественныя, почтительныя письма, какъ и въ то время, когда между ними не происходило ни-

какихъ неудовольствій. Онъ послалъ Никону черезъ Аѳанасія Матюшкина свое прощеніе, посылалъ къ нему какого-то князя Юрія, приказывалъ передать, что всѣ бояре на него злобствуютъ, — одинъ только царь и посланный князь Юрій къ нему добры. Неоднократно царь увѣрялъ Никона въ своемъ расположеніи и доброжелательствѣ черезъ воскресенскаго архимандрита. Въ тайныхъ бесѣдахъ съ приближенными боярами, расположенными къ Никону, Алексѣй Михайловичъ говорилъ, что сожалѣетъ о возникшемъ раздорѣ съ патріархомъ и желалъ бы прекратить его. Въ то же время, въ знакъ своей любви и благоволенія, царь щедро одѣлялъ Никона богатой милостыней на созданіе Воскресенскаго монастыря, на содержаніе его, патріарха, и братіи, на прокормленіе нищихъ, и, въ знакъ особаго вниманія, въ большіе праздники и свои семейныя торжества, посылалъ ему лакомства, которыя онъ отдавалъ на трапезу всей братіи. Патріаршіе монастыри: Воскресенскій, Иверскій, Крестный, царь дарилъ богатыми угодьями и землями, доходъ съ которыхъ весь шелъ на ихъ содержаніе, причемъ никакихъ царскихъ оброковъ съ тѣхъ монастырей и вотчинъ не бралось. Вотчины этихъ монастырей были весьма значительны, такъ что за ними тогда числилось до 6,000 земледѣльцевъ. Денегъ

на содержаніе Никона и братіи государь присылалъ помногу, иногда по тысячѣ и по двѣ рублей,—весьма значительная сумма въ то время. Вообще, Алексѣй Михайловичъ всячески заявлялъ свое искреннее расположеніе къ добровольному изгнаннику; по словамъ самого Никона, тогда „великаго государя къ нему милость была такова, каковой по отшествіи его къ нему никогда не бывало“.[ж]) Однако въ Москву царь его не звалъ, боясь бояръ и, быть можетъ, дожидался въ простотѣ сердца той поры, когда съ теченіемъ времени, злоба бояръ противъ Никона нѣсколько ослабнетъ и утихнетъ. Эти колебанія царя Алексѣя Михайловича, его расположеніе къ Никону и желаніе возвратить его—съ одной стороны, съ другой малодушный страхъ передъ боярами, очень живо выразились въ бесѣдѣ царя съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ бояръ. „Пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ съ паносными словами всякими на патріарха,— говорилъ государь Ордынъ-Нащокину и Матвѣеву наединѣ;—я знаю, кто съ нимъ и въ заводѣ, только я этому ничему не вѣрю, а нашъ совѣтъ и обѣщаніе наше Господь единъ вѣсть, и душею своею отъ патріарха ей я не отступенъ, да духовенства и спиклита ради, по нашему царскому обычаю, собою, мнѣ патріарха звать нельзя и писать къ нему о

томъ, потому что онъ вѣдаетъ, для чего ушелъ, а нынѣ въ церкви и во всемъ кто ему бранитъ? Какъ пошелъ такъ и придетъ—его воля, я ей-ей въ томъ ему не противенъ. А мнѣ къ нему нельзя о томъ отписать, вѣдая его нравъ: въ сердцахъ на архіереvъ и на бояръ, не удержится, скажетъ, что я ему велѣлъ пріѣхать, или по письму моему откажетъ и мнѣ то будетъ въ стыдъ, въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, и всѣ поставятъ мнѣ то въ непостоянство... А я,—продолжалъ государь,—свидѣтеля Бога поставляю, что ему ни въ чемъ противенъ не буду и душевно совѣтую такъ сдѣлать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласіе? Врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, которые для своихъ прихотей не хотятъ, чтобы намъ въ совѣтѣ быть: это я узналъ досконально... Пора намъ всякую вражду и ненависть оставить, а время тому послѣднее наступило, все поставимъ на мѣрѣ и переговоримъ обо всемъ, какъ чему быть. Но опять молю, чтобы въ тишинѣ, безъ большихъ выговоровъ, чтобы не ожесточилъ всѣхъ"...[34])

Это расположеніе царя къ примиренію съ Никономъ сильно пугало враговъ патріарха, для которыхъ возстановленіе Никона было-бы страшнымъ ударомъ. Они видѣли, какъ царь волнуется тяжелыми сомнѣніями,—хорошо-ли по-

ступлено съ Никономъ, дѣйствительно-ли онъ виновенъ? И вотъ враги Никона стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывшій патріархъ дѣйствительно виновенъ. Дѣйствовать имъ противъ Никона было теперь легко и свободно. Прежде, когда Никонъ былъ въ Москвѣ. бояре все-же не смѣли вступить съ нимъ въ открытую, рѣшительную борьбу, они боялись его. какъ вообще мелкія души боятся человѣка, подавляющаго ихъ ничтожество своими нравственными достоинствами, человѣка мощнаго духомъ и волей. Теперь Никонъ былъ далеко, и его враги сдѣлались гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ своихъ нападеніяхъ противъ него. Его отъѣздъ они объясняли его самоволіемъ и неповиновеніемъ государю, и укоряли Никона, какъ онъ смѣлъ уѣхать безъ царскаго указу. Снова пошли на Никона усердныя обвиненія въ превышеніи имъ своей власти и самовольномъ вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, въ томъ. что онъ уже и волю государеву вмѣняетъ ни во что, именуясь самолично великимъ государемъ. Враги всячески подъискивались подъ патріарха, хотѣли показать его неправды, его грѣхи, его недостоинство, показать, что напрасно Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія неправеднаго, не стерпя неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что

ему слѣдовало оставить патріаршество по своему собственному недостоинству.

Снова, какъ и прежде, эти рѣшительныя обвиненія и дѣйствія враговъ Никона настроили царя Алексѣя Михайловича не въ пользу послѣдняго. Возвращеніе Никона въ Москву на патріаршество стало теперь дѣломъ слишкомъ сомнительнымъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Алексѣй Михайловичъ давалъ волю врагамъ Никона лишь по своей уступчивости, вопреки внутреннимъ внушеніямъ и голосу своего сердца; но онъ слишкомъ боялся бояръ, чтобы дѣйствовать противъ нихъ, чтобы открыто своею царскою волей прекратить ихъ козни. Пользуясь этимъ, бояре совершенно незаконно раскрыли тайный архивъ Никона, произвели осмотръ въ его патріаршихъ келліяхъ, разобрали его бумаги, съ цѣлью уничтожить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ самъ царь называетъ его великимъ государемъ, чтобы имѣть возможность поддержать обвиненіе въ самовольномъ присвоеніи этого титула. Такимъ образомъ, бояре, чтобы довести Никона до паденія, готовы были даже на преступленіе и подлоги, способны были выкрадывать чужія бумаги и самовластно распоряжаться чужою собственностью. Въ то же время они вздумали провѣрять патріаршую казну, хотя, по закону, какъ свѣтскія власти, не имѣли на

то ни малѣйшаго права, и взвели передъ царемъ на Никона облыжное обвиненіе въ незаконномъ распоряженіи патріаршей казной, въ томъ, что онъ будто-бы забралъ съ собою много патріаршей казны и ризницы. А для того, чтобы помѣшать сближенію царя съ Никономъ и возможности послѣднему дѣйствовать въ свою пользу, бояре добились отъ царя распоряженія, по которому всякихъ чиновъ людямъ было запрещено ѣздить къ удалившемуся патріарху въ Воскресенскій монастырь.

У Никона еще оставались въ Москвѣ доброжелатели, и обо всемъ тамъ происходившемъ, о козняхъ и оскорбительныхъ для него дѣйствіяхъ его враговъ, патріархъ получалъ подробныя извѣстія. Эти извѣстія тяжело падали на его душу, особенно послѣ того, какъ ласковыя рѣчи царя, чрезъ разныхъ посланныхъ, возбудили въ немъ надежду на возстановленіе прежнихъ близкихъ отношеній съ царемъ,—надежду, которой такъ противорѣчили всѣ эти слухи изъ Москвы. Никонъ увидѣлъ теперь, что онъ оставленъ,забытъ,мало того: отданъ на жертву врагамъ. которые позорятъ его, самовольно копаются въ его бумагахъ, распоряжаются патріаршими вещами. Пылкій характеръ патріарха не могъ вынести этихъ новыхъ оскорбленій и униженія,— и вотъ мирнаго и кроткаго расположенія духа.

которое посѣтило-было Никона въ уединеніи Воскресенскаго монастыря, какъ не бывало. Все это начало волновать и раздражать его. Вмѣсто прежнихъ смиренныхъ писемъ съ просьбою о прощеніи, онъ, подъ вліяніемъ горя, досады и гнѣва, сталъ писать царю обличительныя посланія въ свою защиту и въ защиту своихъ правъ. Въ этихъ посланіяхъ Никонъ часто не могъ сдержать въ границахъ своей горячности, горько жаловался царю на его несправедливость, употребляя притомъ слишкомъ рѣзкія выраженія, которыя не могли, въ свою очередь, не оскорбить государя. Съ особеннымъ негодованіемъ писалъ онъ объ осмотрѣ, произведенномъ въ его келліяхъ. Упрекая царя, въ одномъ письмѣ, что еще недавно онъ прислалъ ему черезъ посланцевъ своихъ милостивое прощеніе, а теперь поступаетъ съ нимъ, не какъ съ прощеннымъ, а какъ съ послѣднимъ злодѣемъ, Никонъ съ горечью продолжаетъ: „Ты повелѣлъ взять мои вещи, оставшіяся въ кельи, и письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей знать не слѣдуетъ, потому что я былъ избранъ первосвятителемъ, и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя; также много писемъ отъ другихъ людей, которые требовали у меня разрѣшенія въ грѣхахъ: этого никому не должно знать, ни самому тебѣ. Див-

люсь, какъ ты скоро дошелъ до такого дерзновенія! Прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить. Вскую наше нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?!..“ Никонъ горько жаловался царю на черныя, несправедливыя клеветы своихъ враговъ, оправдывался отъ ихъ обвиненій и увѣрялъ царя, что онъ оболганъ передъ нимъ, и только ради этого погибаетъ. Онъ оправдывался, что не забиралъ съ собой патріаршей казны и ризницы, какъ это наговорили враги, отрекался отъ своего „злаго и горделиваго, проклятаго“ названія „великаго государя“, которое, вопреки всѣмъ увѣреніямъ враговъ, дано ему не по его волѣ, а по государеву хотѣнію, какъ это можно видѣть изъ его же государевыхъ грамотъ, жаловался, что бояре перетолковали всѣ его дѣйствія, ложно передали царю всѣ его слова.[35]) Все это была горькая правда; но Никонъ, къ торжеству своихъ враговъ, не умѣлъ говорить о ней спокойно, въ умѣренныхъ, обдуманныхъ выраженіяхъ,—и это повредило ему въ глазахъ царя. Въ письмахъ патріарха за это время живо отобразились это его неспокойное состояніе духа, его волненія и тяжелыя страданія, которыя

онъ тогда переживалъ; въ нихъ упреки царю смѣняются выраженіями любви и преданности и просьбами о прощеніи, которыя опять переходятъ въ рѣзкія обличенія и выраженія негодованія. То Никонъ пишетъ царю, что желалъ-бы лишь отъ него любви и милости, то угрожаетъ ему судомъ Божіимъ. „Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гнѣваться,—писалъ государю патріархъ.—Не попускай истязать мои худыя вещи. Угодно-ли бы тебѣ, чтобы люди дерзали вѣдать твои тайны, помимо твоей воли? Не одинъ я, но многіе ради меня страдаютъ.... Вижу, что ты не только самъ сталъ немилостивъ ко мнѣ, убогому своему богомольцу, а еще возбраняешь другимъ миловать меня: всѣмъ положенъ крѣпкій заказъ не приходить ко мнѣ! Ради Господа молю, перестань такъ поступать! Хотя ты и царь великій, но отъ Господа поставленъ правды ради! Въ чемъ моя неправда предъ тобою? Въ томъ-ли, что, ради церкви, просилъ суда на обидящаго? Что-же? Не только не получилъ я праведнаго суда, но и отвѣты были исполнены немилосердія. Теперь слышу, что, противно церковнымъ законамъ, ты самъ изволилъ судить священные чины, которыхъ не повѣрено тебѣ судить. Помнишь Мануила, царя греческаго, какъ хотѣлъ онъ судить священниковъ, а ему Христосъ явился: въ соборной,

апостольской церкви есть образъ, гдѣ святая десница Христова указываетъ указательнымъ перстомъ, повелѣвая ангеламъ показнить царя, за то, чтобы не отваживался судить рабовъ Божіихъ прежде общаго суда! Умились, Господа ради, и изъ-за меня грѣшнаго не озлобляй тѣхъ, которые жалѣютъ о мнѣ. Всѣ люди—твои и въ твоей рукѣ, того ради паче милуй ихъ и заступай, какъ и божественный апостолъ учитъ: ты слуга Божій, въ отмщеніе злодѣямъ и въ похвалу добрымъ; суди праведно, а на лица не смотри“...[8])

Враги Никона торжествовали: имъ удалось разрушить возобновлявшіяся добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ и сдѣлать ихъ еще запутаннѣе прежняго. Обличительныя письма патріарха и его рѣзкія выходки царю не понравились, а бояре усиливали въ немъ досаду противъ бывшаго друга. Но въ свою очередь и Никонъ теперь уже никому ни въ чемъ не хотѣлъ уступить и его притязанія вскорѣ должны были смутить не только царя, но и многихъ, даже и не враговъ Никона. Царь отправилъ къ Никону дьяка Башмакова объявить, что *духовенству* не было никакого запрета ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь. Въ разговорѣ съ Башмаковымъ патріархъ жаловался, что его забываютъ, что его не считаютъ больше патріар-

хомъ. „Между властями,—говорилъ онъ,—много моихъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за своими руками, что будутъ почитать меня и слушаться. Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, московскимъ не зовусь и никогда звать-ся не буду; но патріаршества я не оставлялъ, и благодать св. Духа отъ меня не отнята".

Весною 1659 года Никонъ услыхалъ, что крутицкій митрополитъ въ Москвѣ совершалъ обрядъ шествія на ослѣ въ день Вербнаго воскресенья. Старыя воспоминанія заговорили въ патріархѣ, и онъ оскорбился этимъ поступкомъ, который онъ считалъ исключительною принадлежностью патріаршаго званія. Тогда же написалъ онъ рѣзкое письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ писалъ: „нѣкто дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея олюбодѣйствовать, въ недѣлю Ваій дѣяніе дѣйствовать. Пишу это—не желая возвращенія къ любоначалію и власти. Если хотите избирать патріарха благозаконно, праведно и божественно, да призовется наше смиреніе съ благоволеніемъ честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого божественная благодать изберетъ на великое архіерейство, того и мы благословимъ и передадимъ божественную бла-

годать, какъ сами ее приняли... Если то совершилось по твоей волѣ, государь, Богъ тебя прости, только впередъ воздержись брать на себя то, что не въ твоей власти!“ [37]) Царь отправилъ къ Никону приближенныхъ лицъ объяснить, что уже издавна въ Россіи митрополиты совершали это дѣйство, Никонъ возразилъ, что прежде это дѣлалось невѣдѣніемъ. Ему замѣтили, чтобы онъ болѣе не вмѣшивался въ этого рода дѣла. Никонъ отвѣчалъ, что онъ паству свою оставилъ, но не оставлялъ попеченія объ истинѣ. — „И простые пустынники, - сказалъ онъ,—говорили царямъ греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ“. — „Но вѣдь ты отъ патріаршества отрекся, — сказали ему,—и далъ благословеніе на избраніе себѣ преемника“. — Да, отрекся,—отвѣчалъ Никонъ, — не думаю о возвращеніи на святительскій престолъ, и теперь даю благословеніе на избраніе преемника; но я не отрицаюсь называться патріархомъ“.

Эти рѣчи и поступки Никона смутили его враговъ и царя. Было очевидно, что Никонъ считаетъ себя въ правѣ, въ случаѣ нужды, вмѣшиваться въ церковныя дѣла, если замѣтитъ въ нихъ неисправность, и требовать себѣ подчиненія. Бояръ также не мало смущало то обстоятельство, что Никонъ ясно и рѣшительно выразилъ желаніе быть непремѣнно на избраніи

новаго патріарха, самому поставлять его и передать патріаршія дѣла. Поэтому они попытались удалить патріарха еще подальше отъ Москвы, чтобы онъ своими притязаніями и рѣшительными поступками не смутилъ окончательно слабохарактернаго царя.

Въ это время произошло нашествіе крымскихъ татаръ на Россію; послѣ одного пораженія царскихъ войскъ, ожидали ихъ даже подъ Москву. Подъ предлогомъ небезопасности отъ нашествія враговъ, Никону отъ имени царя предложили переѣхать въ крѣпкій монастырь Макарія Колязинскаго. Никонъ понялъ козни своихъ враговъ и счелъ это предложеніе въ смыслѣ заточенія, которое окончательно удалитъ его отъ царя и отъ дѣлъ. „У меня,—сказалъ онъ, — есть свои крѣпкіе монастыри: Иверскій и Крестный, а въ Колязинъ я не пойду; лучше уже мнѣ идти въ Зачатейскій монастырь въ Китай — городѣ, въ углу“, и на недоумѣніе посланнаго, о какомъ монастырѣ онъ говоритъ, ясно показалъ, что подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ тюрьму, находившуюся на Варварскомъ крестцѣ подъ горой у Зачатія и, такимъ образомъ, удаленіе въ Колязинъ монастырь считаетъ равносильнымъ заточенію въ тюрьму. — Послѣ этого, съ царскаго разрѣшенія, патріархъ Никонъ пріѣзжалъ въ Москву, видѣлся съ царемъ, съ цари-

цею, принятъ былъ почтительно, одаренъ, всѣмъ давалъ прощеніе и разрѣшеніе. Можно было ожидать, что это личное свиданіе патріарха съ царемъ пробудитъ въ послѣднемъ прежнія чувства, что Никонъ снова возъимѣетъ на него вліяніе; но развязки почему-то, вѣроятно вслѣдствіе хитрыхъ интригъ враговъ патріарха, не послѣдовало: царь не оставилъ патріарха въ Москвѣ, и черезъ три дня Никонъ, по царскому повелѣнію, отправился въ Иверскій, а оттуда въ Крестный монастыри. При прощаніи, царь пожаловалъ Никону на путевыя издержки 2000 рублей и особымъ указомъ повелѣлъ сопровождать его стрѣльцамъ и сотникамъ для защиты отъ нападенія иновѣрцевъ и разбойниковъ. Это были послѣднія искры погасавшей любви царской къ патріарху Никону...

Никонъ, проживъ немного времени въ Иверскомъ монастырѣ, отправился на Бѣлое море въ Крестный монастырь и здѣсь пробылъ около года въ пустынныхъ трудахъ. Здѣсь проводилъ онъ время въ созиданіи и благоустроеніи обители: возобновилъ большую соборную церковь во имя Воздвиженія Креста Господня, ископалъ колодезь, такъ какъ монастырь и зимой, и лѣтомъ страдалъ отъ недостатка воды, предпринималъ разныя другіе постройки, при чемъ самъ трудился наравнѣ съ прочими.

ГЛАВА IX.

Соборъ 1660 г. противъ Никона. — Участіе греческихъ архіереевъ.—Записка Епифанія Славинецкаго въ защиту Никона.—Сношенія съ Никономъ и его требованія.—Бобарыкинское дѣло.—Извѣтъ Бобарыкина.—Паисій Лигаридъ.—25 вопросовъ, составленныхъ имъ вселенскимъ патріархамъ.—Вопросные пункты Стрѣшнева и отвѣты Паисія.—Слѣдствіе въ Воскресенскомъ монастырѣ по извѣту Бобарыкина.—Отвѣты патріарховъ.—Противорѣчивыя заявленія грековъ.—Грамоты константинопольскаго и іерусалимскаго патріарховъ. Отправленіе посольства къ патріархамъ для приглашенія ихъ въ Москву.—Письмо Никона къ царю.

Удаленіемъ патріарха Никона въ отдаленный Крестный монастырь воспользовались его враги для окончательнаго его низверженія. Никона и удалили для того, чтобы, во время его отдаленія рѣшить его судьбу. Навѣты и козни бояръ умножались все болѣе и имѣли на царя тѣмъ большее вліяніе, что, за долговременнымъ отсутствіемъ патріарха, церковныя дѣла пришли въ безпорядокъ. Боярамъ не трудно было теперь убѣдить царя, что медлить долѣе избраніемъ патріарха было-бы опасно и въ высшей степени пагубно для церкви. Однако царь все еще колебался...

Наконецъ, въ февралѣ 1660 года Алексѣй Михайловичъ, подъ вліяніемъ бояръ, рѣшился составить соборъ для разсужденія объ избраніи преемника патріарху Никону. Здѣсь собралось

много и изъ духовныхъ лицъ, но все изъ враждебныхъ Никону. Всѣ эти лица старались найти и собрать церковныя правила, на основаніи которыхъ не только можно было-бы избрать Никону преемника, но и самого его лишить священнаго сана. Основываясь на томъ, что Никонъ самовольно удалился съ патріаршества, не объяснилъ причины удаленія ни царю, ни архіереямъ, нѣсколько разъ,—будто-бы съ клятвою,—увѣрялъ, что не намѣренъ возвращаться на патріаршество и согласенъ на избраніе новаго патріарха,—соборъ опредѣлилъ: поставить новаго патріарха. Мало того: соборъ, вопреки всякимъ церковнымъ правиламъ, совершенно незаконно опредѣлилъ лишить Никона чести архіерейства и священства. Государь, какъ ни былъ въ то время раздраженъ противъ Никона, побоялся утвердить такое опредѣленіе собора, совершенно основательно подозрѣвая, что оно противно церковнымъ правиламъ. Поэтому онъ приказалъ позвать на соборъ случайно бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ: Парѳенія, митрополита ѳивскаго, Кирилла, бывшаго архіепископа андросскаго, Нектарія Паганіатскаго. Имъ, какъ ученымъ знатокамъ церковныхъ законовъ, далъ онъ просмотрѣть приговоръ собора о Никонѣ. Греки, дорожившіе болѣе всего матеріальными выгодами, сообразивши, что про-

тивъ Никона вооружены сильные міра сего, вопреки всякой правдѣ и своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, не только одобрили приговоръ русскихъ духовныхъ, но еще ухитрились, въ подтвержденіе справедливости этого приговора, отыскать какое-то сомнительнаго свойства объясненіе одного церковнаго закона. Послѣ этого царь велѣлъ подкрѣпить этотъ приговоръ въ Успенскомъ соборѣ при себѣ и при боярахъ, и, такимъ образомъ, дѣло, казалось, оканчивалось.

Въ это время раздался единственный смѣлый и благородный голосъ въ защиту патріарха Никона противъ незаконнаго опредѣленія собора. То былъ ученый авторитетъ того времени, знатокъ церковныхъ законовъ, бывшій справщикъ книгъ, старецъ Епифаній Славинецкій. Тщательно просмотрѣлъ онъ церковныя правила и не нашелъ ничего, на основаніи чего можно было-бы лишить Никона патріаршаго сана и архіерейства, и убѣдился, что греческіе архіереи, ради корысти, сослались яко бы на 16-е правило перваго и втораго вселенскаго собора. что все это ложь, и правила такого нигдѣ нѣтъ. Поэтому Епифаній подалъ царю записку, въ которой, на основаніи церковнаго права, ясно доказалъ несостоятельность примѣненія указанныхъ греками мѣстъ къ приговору надъ Никономъ; онъ признавалъ, что соборъ имѣетъ пол-

ное право избрать другаго патріарха, но не можетъ лишить Никона чести патріаршаго сана и архіерейскаго служенія, такъ какъ добровольно отрекающіеся архіереи не могутъ, безъ вины и суда, лишаться права носить санъ и служить по архіерейскому чину.—Въ то же время другимъ защитникомъ правъ патріарха Никона явился полоцкій архимандритъ Игнатій Іовлевичъ.

Эта записка ученѣйшаго старца остановила дѣло. Она показала, что собору московскаго духовенства и пришлыхъ грековъ вѣрить нельзя, что царь могъ согрѣшить, приведши въ исполненіе приговоръ собора, чего Алексѣй Михайловичъ боялся больше всего. Поэтому царь, убѣжденный доказательствами Славинецкаго, остался въ недоумѣніи, что ему дѣлать. Онъ рѣшился снова обратиться къ Никону съ ласкою и просить его, чтобы онъ далъ письменное благословеніе на избраніе новаго патріарха, такъ какъ самъ онъ неоднократно отказывался отъ патріаршества, не смотря на посылы государя. Никонъ отвѣчалъ, что о патріаршествѣ онъ не думаетъ и согласенъ дать благословеніе новоизбранному патріарху, но при этомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ свое личное присутствіе на поставленіи патріарха. Онъ рѣшительно заявилъ: „патріарха поставить безъ меня я

не благословляю: кому его безъ меня ставить и митру возложить, митру дали мнѣ вселенскіе патріархи, митрополиту митры на патріарха положить невозможно, да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? я живъ и благодать Св. Духа со мною; оставилъ я престолъ, но архіерейства не оставлялъ... Если же великій государь позволитъ мнѣ быть въ Москву, то я новоизбраннаго патріарха поставлю, и, принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и, подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь..." [38]) Въ то же время Никонъ писалъ боярину Зюзину, находившемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ: „мы прочли въ письмѣ вашемъ, что о насъ жалѣете; но мы радуемся о покоѣ своемъ и вовсе не опечалены. Добро архіерейство во всезаконіи и чести своей, надобно попечаловаться о всенародномъ послѣднемъ событіи. Когда вѣра Евангельская начала сіять, тогда и архіерейство почиталось; когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась..." [39])

Нѣтъ достаточныхъ основаній заподозрѣвать искренность этихъ заявленій Никона. Онъ давно могъ понять, что возврата на патріаршество ждать нельзя. Да и слишкомъ много вытерпѣлъ онъ въ Москвѣ отъ злобы бояръ, и теперь тер-

пѣлъ отъ этой злобы, съумѣвшей проникнуть даже въ отдаленный Крестный монастырь, чтобы желать патріаршества. Замѣчательно, что самъ Никонъ ни единымъ словомъ не обмолвился тогда о такомъ желаніи, а этого при пылкости и горячности его характера, не могло-бы быть, если бы онъ такъ сильно желалъ возвратиться на патріаршую каѳедру. Но, какъ видно, враги Никона не очень довѣряли этимъ его заявленіямъ; допустить хотя-бы не на долго Никона въ Москву — они боялись болѣе всего, опасаясь его нравственнаго вліянія на царя, и потому рѣшительно воспротивились тому, чтобы Никонъ былъ на поставленіи новаго патріарха. Поэтому Никону только дозволили воротиться въ Воскресенскій монастырь. Туда прибылъ снова Никонъ и жаловался, что когда онъ находился въ Крестномъ монастырѣ, то его хотѣлъ отравить дьяконъ Ѳеодосій, подосланный, будто-бы, крутицкимъ митрополитомъ, его заклятымъ врагомъ. Ѳеодосій съ своими злоумышленниками былъ въ Москвѣ подвергнутъ пыткѣ; но темное дѣло осталось не разъясненнымъ. Возможно, что враги Никона дѣйствительно пытались извести его; это было въ нравахъ того времени... Во всякомъ случаѣ, это соблазнительное дѣло еще болѣе усилило раздраженіе съ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ патріарха Никона ожидала другая непріятность: окольничій Романъ Бобарыкинъ завладѣлъ угодьями, принадлежащими Воскресенскому монастырю. Никонъ жаловался государю на этотъ незаконный захватъ; но указа на его челобитную никакого не послѣдовало. Никонъ писалъ вторично, что если государевой милости не будетъ, то онъ станетъ самъ себя оборонять. И дѣйствительно, раздраженный явною несправедливостью и равнодушіемъ государя, патріархъ приказалъ крестьянамъ Воскресенскаго монастыря сжать рожь на спорныхъ поляхъ и отвезти въ монастырь. Послѣ этого Бабарыкинъ подалъ жалобу въ монастырскій приказъ, а приказъ притянулъ къ отвѣту монастырскихъ крестьянъ. Со стороны бояръ и монастырскаго приказа это было для Никона жестокимъ, незаслуженнымъ оскорбленіемъ и измывательствомъ. Никонъ не могъ снести его смиренно и кротко и немедленно написалъ царю длинное и рѣзкое письмо, въ которомъ укорялъ кстати и за разныя другія злоупотребленія и вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церковныя. „Откуда,— спрашивалъ онъ царя въ своемъ письмѣ,— взялъ ты такую дерзость, чтобы дѣлать сыски о насъ и судить насъ? Какіе законы Божіи повелѣли тебѣ обладать нами, божіими рабами?

Не довольно-ли тебѣ судить правильно людей царствія міра сего? Но ты и объ этомъ не стараешься... Мало-ли тебѣ нашего бѣгства? Мало-ли тебѣ, что мы оставили все на волю твоего благородія, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный! Рука твоя обладаетъ всѣмъ архіерейскимъ судомъ и достояніемъ. По твоему указу,—страшно молвить,—владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ поставляютъ, а въ ставленыхъ грамотахъ даютъ тебѣ равную честь со Св. Духомъ — пишутъ: „по благодати Св. Духа и по указу великаго государя“. Какъ будто Св. Духъ не воленъ посвятить безъ твоего указа? Какъ много Богъ тебѣ терпитъ, когда писано: „аще кто на Св. Духа хулитъ, не имать оставленія ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій.“ Если тебя и это не устрашило, то что можетъ устрашить! Уже ты сталъ недостойнымъ прощенія за свою дерзость. Повсюду твоимъ наспѣемъ отнимаются у митрополій, епископій движимыя и недвижимыя вещи. Ты обратилъ ни во что установленія и законы свв. отецъ, благочестивыхъ царей греческихъ, великихъ царей русскихъ и даже грамоты и уставы твоего отца и твои собственные. Прежде, по крайней мѣрѣ, хотя и написано было по страсти, ради народнаго смущенія, но все-таки сказано: въ монас-

тырскомъ приказѣ сидѣть архимандритамъ, игуменамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; а ты все это упразднилъ: судятъ и насилуютъ церковный чинъ мірскіе судьи; ты обезчестилъ Св. Духа, признавши его силу и благодать недостаточною безъ твоего указа; обезчестилъ свв. апостоловъ, дерзая поступать противно ихъ правиламъ,—лики святыхъ, вселенскіе соборы, свв. отецъ, благочестивыхъ царей, великихъ князей, укрѣпившихъ православные законы.... За это Богъ оставилъ тебя, и впредь оставитъ, если не покаешься...“ При этомъ Никонъ указывалъ царю какъ на наказанія Божія за оскорбленія, нанесенныя церкви, на дважды бывшій въ странѣ моръ и пораженія царскихъ войскъ.[40])

Въ этихъ упрекахъ Никона было много горькой правды; но эта правда была такъ безпощадно и рѣзко выражена, что не могла понравиться царю, тѣмъ болѣе, что патріархъ, въ своемъ справедливомъ негодованіи, заходилъ, дѣйствительно, за всякія границы приличія и умѣренности. Алексѣй Михайловичъ оскорбился письмомъ, и примиреніе его съ Никономъ стало еще труднѣе. Этимъ неспокойнымъ состояніемъ духа патріарха воспользовались бояре, чтобы нанести ему новое чувствительное оскорбленіе и тѣмъ окончательно раздражить его и вызвать къ новымъ поступкамъ оскорбитель-

нымъ для государя и для его собственнаго достоинства. Монастырскій приказъ, гдѣ разбиралось Бобарыкинское дѣло, на зло Никону, особенно ненавидѣвшему этотъ приказъ, рѣшилъ это спорное дѣло, вопреки явной очевидности, въ пользу Бобарыкина. Явная несправедливость ненавистнаго монастырскаго приказа, дѣйствительно, окончательно вывела Никона изъ себя. Раздраженный до крайности, отслужилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ молебенъ, и, за этимъ молебномъ, велѣлъ прочитать жалованную грамоту царя на землю Воскресенскаго монастыря, въ доказательство того, что монастырскій приказъ рѣшилъ дѣло неправильно, а потомъ произнесъ проклятіе, выбирая пригодныя слова изъ 108 псалма.[41]) Цѣль враговъ Никона была, такимъ образомъ достигнута: патріархъ, въ крайнемъ раздраженіи, позволилъ себѣ въ церкви всенародно проклясть своего обидчика и этимъ, конечно, повредилъ лишь себѣ въ глазахъ всѣхъ.

Но боярамъ этого мало. Клятва, такъ торжественно произнесенная патріархомъ, относилась къ Бобарыкину. Между тѣмъ Бобарыкинъ сдѣлалъ противъ Никона тяжкій извѣтъ, будто онъ во время богослуженія проклиналъ царя и потомъ поносилъ его у себя въ келліи. Набожный царь пришелъ въ ужасъ, собралъ къ себѣ архі-

ереевъ, плакалъ и говорилъ: „Пусть я грѣшенъ; но чѣмъ виновата жена моя и любезныя дѣти мои, и весь дворъ мой, чтобы подвергаться такой клятвѣ истребленія“? Не зная, что дѣлать, царь обратился за совѣтомъ къ ученому греческому архіерею, незадолго передъ тѣмъ прибывшему въ Москву и ставшему лицомъ приближеннымъ къ царю, бывшему митрополиту газскому Паисію Лигариду (онъ подвергся запрещенію отъ Іерусалимскаго патріарха за сочувствіе католичеству).

Дѣйствительно, Паисій былъ самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву но это былъ въ то же время самый истый грекъ, какой только пріѣзжалъ когда-либо въ Россію: хитрый, льстивый, пронырливый, любившій интриги и всего болѣе дороживший своими матеріальными выгодами, которыя собственно и влекли его въ Россію, и для которыхъ онъ легко жертвовалъ и долгомъ, и совѣстью. Паисій присоединился изъ за личныхъ интересовъ къ противникамъ Никона. Примкнувъ къ сильнѣйшей сторонѣ, онъ скоро сдѣлался ея умомъ, ея душой, захватилъ все дѣло въ свои руки: при дворѣ онъ занялъ такое прочное положеніе, что никакіе доносы не могли поколебать его, царь и бояре ждали отъ него указанія,

какъ распутать слишкомъ запутавшееся дѣло, какъ привести его къ желанному концу, слушали его, по выраженію Никона, какъ пророка Божія. До сихъ поръ, впрочемъ, участіе Паисія въ дѣлѣ патріарха Никона ограничивалось довольно мелкими услугами партіи, враждебной патріарху, письмами въ защиту царя, сочиненіемъ отвѣтовъ на разные вопросы по Никонову дѣлу, интригами при дворѣ, да оскорбительными выходками лично противъ Никона съ цѣлью вызвать его на новые опрометчивые поступки: но отъ него надѣялись и ждали чего-нибудь поважнѣе. Однажды думные бояре прямо сказали ему, чтобы онъ поискалъ средства покончить соблазнительное и вредное церковное дѣло. Паисій отвѣчалъ, что онъ знаетъ такое средство. только согласится ли принять его русское правительство? Въ это-то самое время Бобарыкинъ сдѣлалъ на Никона тяжкій извѣтъ, что онъ проклиналъ царя и его семью. Разстроенный царь обратился къ Паисію. „Ради самой истины, — сказалъ онъ ему, — открой мнѣ твою мысль о средствахъ къ исправленію нашей церкви.“ — „Отправь грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ, — отвѣчалъ Паисій, объявивъ имъ все относящееся къ Никону, изложи вкратцѣ обвиненія противъ него, и тотчасъ достигнешь твоего желанія“. Царь поручилъ составленіе

грамоты Паисію. Сама по себѣ его мысль была хорошая, и для ея осуществленія, казалось бы, ничего не было проще и вѣрнѣе, какъ изложить съ полною откровенностью дѣло Никона, показать, что сдѣлано по этому дѣлу въ Москвѣ, и просить у патріарховъ совѣта, какъ поступить дальше, какъ его кончить, или, если въ Москвѣ уже было готовое предложеніе объ его окончаніи, просить на это разрѣшенія. Но дѣло поведено было совсѣмъ не такъ просто и открыто. Царь Алексѣй Михайловичъ, по своей натурѣ, всегда готовъ былъ прибѣгнуть къ полумѣрамъ, именно тогда, когда нужно было дѣйствовать прямо и рѣшительно. А хитрый Паисій и другіе враги Никона боялись дѣйствовать такъ открыто, опасаясь въ такомъ случаѣ получить отъ патріарховъ отвѣтъ для нихъ нежелательный и скорѣе благопріятный для Никона. Поэтому, Паисій составилъ 25 вопросовъ по дѣлу Никона, но не упоминая его имени, какъ будто они не имѣли къ нему никакого отношенія: представлены были на обсужденіе патріарховъ случаи, какіе происходили въ Россіи, но представлены такъ, какъ будто неизвѣстно: когда, и съ кѣмъ они происходили; казалось даже, что они не происходили вовсе, а приводились только для того, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступить, если бы они произошли. Эти вопросы царь до-

вѣрилъ передать патріархамъ одному греку, Мелетію, на котораго указалъ царю тотъ же Паисій Лигаридъ. - Нѣсколько ранѣе этого, Паисій, чтобы окончательно склонить царя къ дѣйствіямъ противъ Никона писалъ подробные отвѣты на вопросы злаго врага патріарха боярина Семена Стрѣшнева касательно поступковъ Никона,—и отвѣты эти прямо были направлены къ осужденію послѣдняго. Какъ вопросы, такъ и отвѣты были наполнены клеветами, издѣвательствомъ и ругательствами по адресу Никона; тамъ, напр., говорилось, что его какъ еретика нужно проклинать, извергнуть изъ священнаго сана, что царь напрасно медлитъ избраніемъ новаго патріарха, что это грѣшно съ его стороны, но еще болѣе грѣшатъ архіереи, что не приводятъ царя къ этому. Никонъ легко и съ достоинствомъ отвѣчалъ на эти вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія; но его защита осталась рѣшительно безъ всякихъ послѣдствій.

Но врагамъ Никона всего этого было мало. Въ ожиданіи отвѣтовъ отъ вселенскихъ патріарховъ на посланные вопросы, царь, по совѣту бояръ и Паисія, послалъ послѣдняго въ Воскресенскій монастырь и вмѣстѣ съ нимъ астраханскаго архіепископа Іосифа, богоявленскаго архимандрита, бояръ князя Никиту Одоевскаго и Родіона Стрѣшнева и дьяка Алмаза Иванова,—

все самыхъ злѣйшихъ враговъ Никона, для окончательнаго рѣшенія бобарыкинскаго дѣла и разслѣдованія доноса Бобарыкина о проклятіяхъ, будто-бы произнесенныхъ Никономъ на царя. Конечно, отъ такихъ безпощадныхъ враговъ патріарха, притомъ никогда не стѣснявшихся въ дѣлахъ совѣсти, безпристрастнаго и основательнаго, правильнаго изслѣдованія дѣла ждать было нельзя. Однако, при всемъ желаніи подтвердить доносъ Бобарыкина, они не могли этого сдѣлать; но за то они воспользовались случаемъ безнаказанно говорить Никону всякаго рода оскорбленія, и тѣмъ вызвать его самого на рѣзкіе отвѣты, которые и поспѣшили передать царю.

Самый выборъ слѣдователей во главѣ съ Паисіемъ былъ оскорбленіемъ для Никона. Никонъ зналъ хорошо продажность и корыстолюбіе газскаго митрополита, уволеннаго патріархомъ Іерусалимскимъ отъ своей каѳедры, и шатавшагося по разнымъ странамъ изъ корыстныхъ цѣлей, зналъ его интриги противъ себя, его совѣты царю ко вреду его, Никона, всѣ его далеко не безупречныя въ нравственномъ отношеніи дѣйствія. Поэтому, какъ только Никонъ увидалъ его во главѣ царскихъ посланцевъ, такъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва и, не давъ Паисію сказать ни слова, обругалъ его самоставникомъ, воромъ. „Привыкли вы тыкаться по государ-

ствамъ, да мутить,—и здѣсь тоже хочешь сдѣлать!“—рѣзко выговорилъ онъ. Потомъ обратившись къ товарищу Паисія Іосифу, сказалъ: „и ты, бѣдный, туда же! А помнишь ли свое обѣщаніе? Говорилъ, что и царя слушать не станешь! Что? видно тебѣ что нибудь дали, бѣдняку!“

Между тѣмъ Паисій, оправившись отъ неожиданнаго пріема, замѣтилъ съ усмѣшкой, что онъ-то не самоставленникъ, ставленъ былъ въ митрополиты Іерусалимскимъ патріархомъ, и пришелъ теперь по порученію государя и освященнаго собора, а вотъ онъ-то, Никонъ, не патріархъ, такъ какъ самовольно покинулъ патріаршество, и потому Паисій ему не отвѣтчикъ. Масло было подлито въ огонь, тронуло самое чувствительное мѣсто. „Я съ тобой, воромъ, говорить ни о чемъ не стану!“ — воскликнулъ внѣ себя Никонъ.

Тутъ вступили въ разговоръ бояре и стали допрашивать патріарха, на основаніи извѣта Бобарыкина, на счетъ читанныхъ имъ на молебнѣ, будто бы на царя, клятвенныхъ словъ изъ 108 псалма.

„Проклиналъ я Бобарыкина, а не великаго государя,—сказалъ Никонъ: если я проклиналъ великаго государя, то будь я анаѳема... А за великаго государя я на молебнѣ Бога молилъ, и послѣ молебна молитву читалъ“. Затѣмъ Ни-

конъ вышелъ и возвратился снова съ тетрадкой.—Вотъ, что я читалъ! сказалъ онъ.

— Вольно тебѣ, — сказали, перебивая его, бояре,— показать намъ и совсѣмъ иное!

Само собою понятно, что такія наглыя издѣвательства и дерзкія оскорбленія могли вывести изъ терпѣнія и человѣка болѣе хладнокровнаго, чѣмъ Никонъ. Все это съ тѣмъ и говорилось, чтобы раздражить его, заставить выйти изъ себя и насказать вредныхъ для себя вещей. Цѣль была достигнута: Никонъ выходилъ изъ себя, стучалъ посохомъ, перебивалъ рѣчи бояръ, и въ порывѣ досады, какъ увѣряютъ сказалъ: „да еслибъ я и къ лицу государя говорилъ такія слова!.. я и теперь за его обиды стану молить: приложи зла, Господи, сильнымъ земли!“

Сыпались взаимные укоры. Никонъ роптalъ, что царь вступается въ святительскіе суды и въ церковные порядки, а бояре упрекали Никона за непристойныя рѣчи о государѣ, и за то что онъ, патріархъ, вступался въ государственныя дѣла.

— „Будучи на патріаршествѣ, ты неправды всякія началъ дѣлать,—съ злобой упрекали Никона бояре,— началъ вступаться во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, началъ писаться великимъ государемъ, дѣла всякія изъ приказовъ, безъ повелѣнія государева, бралъ, и

сталъ многихъ людей обижать, вотчины отнимать... Великому государю на тебя было много челобитья, что ты дѣлалъ не по архіерейски, противно преданію Св. Отецъ: за такія обиды Богъ тебѣ не потерпѣлъ; возгордившись предъ великимъ государемъ, ты престолъ свой патріаршескій самовольно оставилъ и, живя въ монастырѣ, гордости своей не покинулъ и дѣлаешь такія злыя дѣла, чего тебѣ и помыслить не годилось, повелѣнью великаго государя и всему освященному собору во всемъ противишься и дѣлаешь все по своему праву.

Никонъ ничего не отвѣчалъ на эти оскорбленія, но обратился къ духовнымъ.

— Какой это тамъ у васъ соборъ затѣвается? сказалъ онъ.

— Соборъ затѣвается по царскому велѣнію для твоего неистовства, а тебѣ до него нѣтъ дѣла, потому что ты достоинство свое патріаршее оставилъ! - отвѣчали ему.

— Я вамъ не патріархъ,—сказалъ Никонъ,—но патріаршаго сана не оставлялъ.

Споръ становился горячѣе. Свѣтскіе посланные и духовные—всѣ накинулись на раздраженнаго патріарха и со злобой кричали: „по самовольному съ патріаршаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ ты всѣмъ намъ не патріархъ; достоинъ ты за свои неистовства

ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту.“

Такія непристойныя ругательства должны были переполнить мѣру всякаго терпѣнія, особенно когда они относились къ святѣйшему патріарху, передъ которымъ все прежде съ благоговѣніемъ преклонялось. Никонъ вышелъ изъ себя. „Вы пришли на меня, какъ жиды, на Христа!“ закричалъ онъ.

Вообще свиданіе было очень бурно, — „кричали,—по выраженію самихъ бояръ,—много“.

Потомъ начались допросы. Распрашивали архимандрита, намѣстника, поповъ и дьяконовъ по священству и по иноческому обѣщанію на счетъ извѣта Бобарыкина. Единогласный отвѣтъ, не смотря на ухищренія враговъ Никона, былъ данъ скорѣе въ его пользу: всѣ показали, что патріархъ за государя Бога молилъ на эктеніяхъ, и никто не подтвердилъ, чтобы свое проклятіе на молебнѣ патріархъ относилъ къ особѣ государя.

Тогда около монастыря была разставлена стрѣлецкая стража, и Никону прямо объявили, что его не выпустятъ до государева указа. Такъ издѣвались надъ Никономъ его враги, благо этотъ прежде всемогущій патріархъ, не щадившій ихъ своимъ сильнымъ словомъ, теперь на-

ходился въ ихъ рукахъ. Это продолжалось довольно долго. Потомъ Одоевскій съ архіереями пришли опять допрашивать Никона по Бобарыкинскому извѣту. Разгоряченный патріархъ не помнилъ себя отъ гнѣва, — до того довели его враги! — и грозилъ, что онъ самого царя „оточтетъ отъ христіанства“. — „Ты забылъ страхъ Божій, что говоришь такія неподобныя рѣчи! - кричали посланные царскіе. – За такія твои непристойныя рѣчи поразитъ тебя Богъ; намъ такія злыя рѣчи и слушать страшно; если бы ты былъ не такого чина,—мы бы тебя живого не отпустили“.

Все это немедленно же было сообщено государю, разумѣется съ великими прикрасами и прибавленіями, на которыя Паисій съ Одоевскимъ не поскупились. Теперь, благодаря ихъ стараніямъ, примиреніе Никона съ царемъ сдѣлалось совсѣмъ невозможнымъ. Въ личной бесѣдѣ съ царемъ Паисій сравнивалъ Никона съ бѣшенымъ волкомъ!

На слѣдующій 1664 годъ пришли отвѣты четырехъ патріарховъ. Отвѣты эти были какъ нельзя болѣе противъ Никона, хотя въ нихъ, сообразно вопросамъ, его имя не упоминалось, и можно было сомнѣваться, то же ли сказали бы патріархи, если бы ихъ прямо спросили о Никонѣ и съ полною откровенностью изложили

бы его дѣло. Главная суть отвѣтовъ состояла въ томъ, что, по мнѣнію вселенскихъ патріарховъ, московскій патріархъ и все духовенство обязаны повиноваться царю, не должны вмѣшиваться въ мірскія дѣла; архіерей, хотя бы носящій и патріаршій титулъ, если оставитъ самовольно свой престолъ, то можетъ быть судимъ соборомъ мѣстныхъ епископовъ, но имѣетъ право жаловаться на ихъ судъ константинопольскому патріарху, какъ самой верховной духовной власти, а лишившись архіерейства, хотя бы добровольно, лишается тѣмъ самымъ священства.

Въ силу такого благопріятнаго для враговъ Никона отвѣта вселенскихъ патріарховъ, государя убѣждали собрать скорѣе соборъ для осужденія Никона. Но государь колебался, тѣмъ болѣе, что переговоры съ патріархами велись слишкомъ окольными путями, слишкомъ нерѣшительно и запутанно, почему и отвѣты получились общаго характера, безъ упоминанія о Никонѣ, безъ прямого отношенія къ его дѣлу. Къ тому же возникли и еще сомнѣнія. Греки, являвшіеся тогда въ Москву, противорѣчиво передавали отзывы патріарховъ о дѣлѣ Никона, ссорились между собою, доносили другъ на друга. Явился какой-то иконійскій митрополитъ Аѳанасій, ложно называвшій себя экзархомъ и

родственникомъ константинопольскаго патріарха, отъ имени котораго онъ убѣждалъ царя примириться съ Никономъ. Явился другой грекъ Стефанъ, также, будто бы, отъ константинопольскаго патріарха, съ грамотой, гдѣ патріархъ назначалъ своимъ экзархомъ Паисія Лигарида; этотъ Стефанъ былъ противъ Никона. Аѳанасій иконійскій увѣрялъ, что патріаршія подписи на отвѣтахъ, привезенныхъ Мелетіемъ, подложныя. Царь, бояре, духовныя власти сбились съ толку и отправили въ Константинополь монаха Савву за справками о наѣхавшихъ въ Москву грекахъ и съ просьбою къ константинопольскому патріарху прибыть въ Москву и рѣшить дѣло Никона своею властію. Патріархъ Діонисій отказался ѣхать въ Москву, совѣтовалъ царю или простить Никона, или поставить, вмѣсто него, другого патріарха, а о грекахъ, озадачившихъ царя и его синклитъ своими противорѣчіями далъ самый невыгодный отзывъ. Ни Аѳанасію иконійскому, ни Стефану, онъ не давалъ никакихъ полномочій и порученій; о Паисіи Лигаридѣ, стоявшемъ во главѣ враждебной Никону партіи, сказалъ, что онъ его и православнымъ не считаетъ, что,—по многимъ слухамъ, — онъ — пашежникъ и лукавый человѣкъ; наконецъ, о самомъ Мелетіи, котораго царь посылалъ къ патріархамъ съ вопросами,

отозвался неодобрительно. Такимъ образомъ, хотя отвѣты, привезенные Мелетіемъ отъ четырехъ патріарховъ не оказались фальшивыми, однако важно было то, что самъ константинопольскій патріархъ, судъ котораго цѣнился выше всего въ этихъ отвѣтахъ, изъявлялъ мнѣніе, что Никона можно простить, слѣд. не признавалъ его виновнымъ до такой степени, чтобы низверженіе его было неизбѣжно.

Еще рѣшительнѣе высказался въ пользу Никона іерусалимскій патріархъ Нектарій, приславшій въ мартѣ 1664 г. въ Москву своего посланца Савеллія съ грамотой, съ строгимъ наказомъ отдать ее *лично* царю. Въ этой грамотѣ Нектарій откровенно заявлялъ, что дѣло Никона возбуждено лишь вслѣдствіе интригъ и зависти. Онъ увѣщевалъ царя Алексѣя Михайловича призвать снова Никона на патріаршій престолъ, просилъ не приклонять ухо къ совѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ смуты, особенно если такіе будутъ изъ духовенства. Нектарій убѣждалъ царя послѣдовать кротости Давидовой, и не полагать во время своего царствованія злаго и гибельнаго начала смѣнять патріарховъ, правомыслящихъ о догматахъ вѣры и совѣтовалъ оказать Никону должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати; въ тоже время патріархъ указывалъ примѣры, когда

отреченія іерарховъ были уничтожаемы; что же касается Никона, то онъ не подалъ даже письменнаго отреченія, царь и народъ не принимали этого отреченія, которое состоитъ только въ словахъ. Въ заключеніе Нектарій писалъ, что непремѣнно должно возвратить Никона, или же возвести на его мѣсто другого, но гораздо лучше рѣшиться на первое. Кромѣ того, патріархъ изъявлялъ полное недовѣріе къ тѣмъ обвиненіямъ противъ московскаго патріарха, какія слышалъ отъ присланнаго къ нему изъ Москвы Мелетія, а о Паисіи Лигаридѣ отзывался крайне не сочувственно [42]). При этомъ и посланецъ іерусалимскаго патріарха Савелій, привезшій въ Москву эту грамоту, прибавлялъ: „я слышалъ отъ патріарха, что кромѣ Никона на престолѣ другому никому быть нельзя, потому что вины его никакой нѣтъ.“

Послѣ такого отзыва вселенскаго патріарха, одного изъ авторитетнѣйшихъ представителей церкви, показавшаго ясно, какъ нужно смотрѣть на дѣло Никона, царю ничего не оставалось дѣлать, какъ примириться съ Никономъ и возвратить его на патріаршество, тѣмъ болѣе что и константинопольскій патріархъ болѣе склонялся къ тому же мнѣнію. Ясно стало, что вся эта печальная исторія вызвана лишь интри-

гами и завистью недоброжелателей и пустыхъ смутьяновъ, тѣмъ болѣе, что о двухъ изъ числа ихъ Паисіи и Мелетіи патріархи дали самые неодобрительные отзывы.

Однако правда не восторжествовала и на этотъ разъ. Патріаршіе отзывы не поколебали вполнѣ довѣрія царя къ врагамъ Никона, Паисію и Мелетію, а добрые совѣты патріарха іерусалимскаго не были приняты царемъ къ сердцу. Слишкомъ ли онъ зашелъ далеко для того, чтобы ворочаться назадъ, или слишкомъ былъ раздраженъ на Никона, подчинился ли онъ настолько вліянію его враговъ, что не нашелъ въ себѣ силы поступить противъ ихъ воли,—такъ или иначе, но Алексѣй Михайловичъ остался глухъ къ совѣтамъ патріарховъ и рѣшилъ продолжать дѣло къ осужденію и низверженію Никона. Но послѣ начатыхъ сношеній съ патріархами, особенно послѣ такихъ ихъ отзывовъ, собирать соборъ и осудить Никона безъ ихъ участья казалось зазорнымъ и неудобнымъ. Поэтому, послѣ разсужденій и толковъ, царь, бояре и власти рѣшили отправить того же Мелетія къ троимъ патріархамъ (кромѣ константинопольскаго) и просить ихъ прибыть въ Москву на соборъ для рѣшенія дѣла московскаго патріарха, а буде нельзя пріѣхать имъ всѣмъ, настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, пріѣхали двое.

Никонъ, узнавши, что враги его собираютъ надъ нимъ грозный судъ вселенскихъ патріарховъ, еще разъ попытался сблизиться съ царемъ и написалъ къ нему въ этомъ духѣ письмо: „Мы не отметаемся собора,—писалъ онъ,— и хвалимъ твое желаніе предать все разсужденію патріарховъ по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ, апостольскимъ и правиламъ свв. отецъ. Но вспомни твое благородіе: когда ты былъ съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви, мы однажды, ради людской ненависти, писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во святой великой церкви; а какой былъ твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ въ одной церкви, и этого никто, кромѣ насъ не знаетъ. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебѣ суда передъ Богомъ и созываемомъ тобою вселенскимъ соборомъ! Епископы обвиняютъ насъ однимъ правиломъ перваго и второго собора, которое не о насъ написано, а какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойнымъ своего сана; пастыри усмотрятъ свои дѣянія, смущающія твое преблаженство... крутицкій митрополитъ съ Иваномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками!... Ты посылалъ къ на-

тріархамъ Мелетія, а онъ, злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается, и печати поддѣлываетъ... Есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого воришки.“ [48])

Такимъ образомъ, Никонъ желалъ и искалъ примиренія съ царемъ, но въ то же время по прежнему не заискивалъ, не унижался и продолжалъ рѣзко высказывать правду въ глаза.

Отвѣта на письмо Никона не послѣдовало. Всѣ въ тревожномъ состояніи духа ждали развязки дѣла отъ прибытія патріарховъ.

ГЛАВА X.

Бесѣда царя о примиреніи съ Никономъ. — Письмо Зюзина къ патріарху.—Пріѣздъ Никона въ Москву; сцена въ Успенскомъ соборѣ.—Возвращеніе въ Воскресенскій монастырь.—Переговоры черезъ боляръ съ царемъ.—Посланіе Никона къ константинопольскому патріарху.—Усиленіе раскола.—Соборъ 1666 г. Пріѣздъ въ Москву антіохійскаго и александрійскаго патріарховъ.

Сдѣлавъ рѣшительный шагъ, пославъ за патріархами для осужденія Никона, нерѣшительный Алексѣй Михайловичъ, однако, по временамъ продолжалъ колебаться и сомнѣваться, правильно ли онъ поступаетъ, не беретъ ли слишкомъ большаго грѣха на душу въ дѣлѣ несчастнаго патріарха. Можетъ быть въ немъ

не совсѣмъ еще заглохли прежнія чувства къ Никону и воспоминанія о его заслугахъ царю, можетъ быть подѣйствовали отчасти послѣднее письмо Никона, а еще того болѣе авторитетное посланіе іерусалимскаго патріарха,—во всякомъ случаѣ, государь въ совѣтѣ съ ближайшими боярами Матвѣевымъ и Нащокинымъ довольно прозрачно высказывался, что все это дѣло враговъ Никона, что самъ онъ и теперь не прочь помириться съ патріархомъ, но что самому ему, царю, неудобно и неловко передъ другими звать Никона въ Москву, а пусть-бы патріархъ самъ сдѣлалъ первый рѣшительный шагъ въ этомъ дѣлѣ.

Искренно-ли говорилъ это царь,—неизвѣстно. Вѣроятно — искренно; но также вѣроятно, что эта бесѣда была плодомъ минутнаго впечатлѣнія, а не сознательнаго, твердаго желанія. Впрочемъ, вѣроятно, онъ самъ не зналъ чего желалъ; въ душѣ набожнаго, добраго и слабаго волей царя въ это время боролись и постоянно смѣнялись различныя чувства. То онъ опасался взять грѣхъ на душу, осудивъ Никона, то боялся согрѣшить, не сдѣлавъ этого; то въ немъ говорили прежнія чувства къ патріарху, то раздраженіе послѣдняго времени; то дѣйствовали наговоры враговъ Никона, то отзывы людей благомыслящихъ. Алексѣй Михайловичъ совер-

шенно запутался и не зналъ, что ему дѣлать, чего желать. Поэтому-то онъ отправляетъ пословъ за вселенскими патріархами, и въ тоже время высказываетъ желаніе, чтобы Никонъ пріѣхалъ въ Москву.

Но этого не поняли нѣкоторые искренніе доброжелатели патріарха Никона. Они поняли лишь, что царь желаетъ въ душѣ примириться съ Никономъ, что слѣд. нужно пользоваться этимъ, но не поняли того, что довѣрять этому желанію царя, чтобы Никонъ пріѣхалъ въ Москву, нельзя, что, напротивъ, теперь положеніе вещей самое обостренное, и такимъ рѣшительнымъ шагомъ можно лишь повредить себѣ окончательно. Другъ и почитатель Никона Зюзинъ, услыхавъ о бесѣдѣ царя съ Матвѣевымъ и Нащокинымъ, написалъ къ Никону, будто царь желаетъ, чтобы патріархъ неожиданно явился въ Москву, не показывая, однако, вида, что царь звалъ его; а чтобы ему не было на пути задержки, онъ у воротъ городскихъ долженъ былъ скрыть себя и сказать, будто ѣдетъ архимандритъ Саввинскаго монастыря. Никонъ довѣрился Зюзину, который завѣрялъ патріарха, что царь милостиво его приметъ. Никона къ тому же успокоило сновидѣніе: ему приснилось, что въ Успенскомъ Соборѣ встаютъ изъ гробовъ святители, и митрополитъ Іона собираетъ

ихъ подписи для призванія Никона на патріаршій престолъ.

Наступила зима 1664 года, приближался праздникъ Рождества Христова. Ночью съ 17 на 18 декабря, во время утрени, подъѣхало къ заставѣ нѣсколько саней. „Кто ѣдетъ?“ закричали сторожа.—„Власти Саввина монастыря,“ – былъ отвѣтъ. Поѣздъ былъ немедленно пропущенъ и направился въ Кремль.

Въ Успенскомъ соборѣ служили утреню, въ церкви присутствовалъ ростовскій митрополитъ Іона, бывшій тогда блюстителемъ патріаршаго престола. Вдругъ, во время чтенія второй каѳизмы, раздался шумъ. Двери загремѣли, растворились, и вошла толпа монаховъ, за ними внесли крестъ, а за крестомъ слѣдовалъ патріархъ Никонъ. Онъ сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ. Раздался знакомый повелительный голосъ, котораго давно было не слыхать въ Успенскомъ соборѣ: „перестань читать!“ Чтецъ повиновался, а воскресенскіе старцы, пріѣхавшіе съ Никономъ, запѣли: „исполла ети деспота!“ и потомъ „Достойно есть.“ Когда пѣніе кончилось, патріархъ велѣлъ соборному дьякону прочитать эктенію и, взявъ посохъ св. Петра митрополита, началъ прикладываться къ образамъ и мощамъ; потомъ опять вошелъ на пат-

ріаршее мѣсто и читалъ молитву: „Владыко многомилостиве!“

Духовные растерялись, не знали, что имъ начать. Народъ оторопѣлъ. Патріархъ велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословеніе ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ стали подходить прочіе, бывшіе въ храмѣ, духовные. Они недоумѣвали, что это значитъ, и не смѣли ослушаться патріарха, думая, что, быть можетъ, онъ явился съ царскаго согласія. За ними сталъ толпиться народъ и принимать благословеніе архипастыря. Наконецъ Никонъ приказалъ ростовскому митрополиту итти къ государю и доложить ему о прибытіи патріарха. Іона съ трепетомъ, опасаясь себѣ чего нибудь недобраго, отправился. Государя нашелъ онъ слушавшимъ утреню въ своей домовой церкви и со страхомъ передалъ ему о прибытіи патріарха Никона въ Успенскій соборъ. Царь послалъ тотчасъ же звать духовныхъ властей и бояръ.

Немедленно забѣгали огни во дворцѣ, отправились посланцы за архіереями и боярами: шумъ и смятеніе были страшные, точно пришла вѣсть, что татары или поляки подъ Москвой. Архіереи, бояре перемѣшались, — все спѣшило вверхъ по лѣстницѣ. Наконецъ архіереи и бояре собрались къ царю. Алексѣй Михайловичъ, въ сильномъ волненіи, объявилъ имъ новость. Бо-

яре начали кричать, архіереи, качая головами, растерянно повторяли: „Ахъ, Господи! ахъ Господи!“ Явился Паисій Лигаридъ и началъ больше всѣхъ вопить противъ Никона: „какъ смѣлъ онъ, яко разбойникъ и хищникъ, наскочить на верховный патріаршій престолъ, когда онъ долженъ ожидать суда вселенскихъ патріарховъ?“ Такъ говорилъ Паисій: русскіе духовные потакали ему. Бояре, давніе враги Никона, старались представить царю поступокъ Никона преступнымъ. Зюзина между ними не было. Онъ, сидя дома, ожидалъ развязки смѣлой козни, устроенной имъ въ надеждѣ на кроткій нравъ царя, на пробужденіе въ царскомъ сердцѣ прежней любви къ патріарху.

Заранѣе можно было бы, однако, видѣть, что дѣло окончится для Никона худо, потому что бояре и власти ни въ какомъ случаѣ не допустятъ царя до личнаго свиданія и объясненія съ опальнымъ патріархомъ. Среди лицъ, съ которыми совѣщался царь, не было ни одного расположеннаго къ Никону; собрались лишь здѣсь люди, которые имѣли причины всѣми силами препятствовать, не только изъ ненависти, но и ради собственной цѣлости, примиренію съ царемъ человѣка, которому они успѣли такъ навредить. Его примиреніе съ царемъ было бы ударомъ для нихъ. Неудивительно, что царь,

уже безъ того сильно огорченный Никономъ, поддался ихъ вліянію. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, въ Успенскій соборъ были посланы люди, появленіе которыхъ не предвѣщало Никону ничего добраго. То были его заклятые враги, которые еще такъ недавно наносили ему жестокія оскорбленія въ Воскресенскомъ монастырѣ (по бобарыкинскому извѣту): Одоевскій, Стрѣшневъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ. Они обратились къ Никону съ вопросомъ:

— Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщался впередъ въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь, и объ этомъ написано уже вселенскимъ патріархамъ; а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? Ступай въ свой монастырь!

— Я сошелъ съ патріаршества, никѣмъ не гонимый,—сказалъ Никонъ; — и пришелъ никѣмъ не званный, чтобы государь кровь утолилъ и миръ учинилъ. Отъ суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на свой престолъ по явленію; вотъ письмо, отнесите его къ государю".

При этомъ Никонъ далъ имъ письмо къ государю, гдѣ было описано явленіе святителей, бывшее Никону въ сновидѣніи.

— Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ, — отвѣчали посланные: пойдемъ извѣстимъ объ этомъ великому государю".

Отправились во дворецъ; черезъ нѣсколько времени снова вошли въ соборъ и сказали Никону: „Великій государь приказалъ намъ объявить тебѣ прежнее, чтобы ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять".

— Если великому государю пріѣздъ мой не надобенъ,—отвѣчалъ Никонъ, — то я въ монастырь поѣду назадъ, но не выйду изъ церкви до тѣхъ поръ, пока на письмо мое отповѣди не будетъ.

Сильно не хотѣлось врагамъ Никона передавать его письмо царю. Хотя они теперь были увѣрены, что дѣло патріарха проиграно, но все-таки, не зная содержанія письма, боялись, чтобы оно не подѣйствовало на благодушнаго государя въ благопріятномъ для Никона смыслѣ. Однако дѣлать было нечего; вслѣдствіе настойчивости Никона пришлось нести письмо къ царю.

Когда письмо было прочтено, враги Никона постарались и его направить ко вреду патріарха, придать описанному имъ явленію дурной смыслъ. Первый Паисій Лигаридъ сказалъ передъ государемъ: „ангелъ сатаны преобразился

въ святого ангела! Пусть скорѣе удалится этотъ лжевидецъ, чтобы не произошло смуты въ народѣ или даже кровопролитія!“ Всѣ были согласны съ грекомъ. Въ Успенскій соборъ отправились трое архіереевъ и въ числѣ ихъ Паисій.

— Письмо твое,—сказали они Никону,—великому государю донесено: онъ, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патріархъ, изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь по прежнему.

Таковъ былъ послѣдній отвѣтъ Никону. Ему ничего не оставалось. Онъ видѣлъ ясно, что его подвели, обманули. Онъ приложился къ образамъ и вышелъ изъ церкви.

— Оставь посохъ Петра митрополита!—сказали ему бояре.

— Развѣ силою отнимете,—отвѣчалъ Никонъ.

До разсвѣта оставался еще часъ. На небѣ горѣла тогда хвостатая комета.

Садясь въ сани Никонъ началъ отрясать прахъ отъ ногъ, произнося евангельскія слова: „идѣже аще не пріемлютъ васъ, исходяще изъ града того, и прахъ прилипшій къ погамъ вашимъ отрясите во свидѣтельство на ня“. „Сего ради, воскликнулъ патріархъ, и мы прахъ прилипшій къ погамъ нашимъ отрясаемъ вамъ“.

— Мы этотъ прахъ подметемъ!—сказалъ съ

усмѣшкой стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать Никона.

— Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи! — отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету.

Сани двинулись. Окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ѣхали за патріархомъ. Выѣхавши за земляной городъ, они остановились. Долгорукій подошелъ проститься, и сказалъ Никону: „Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха, благословенія и прощенія просить.“ — „Богъ его проститъ, если не отъ него смута,“ — отвѣчалъ Никонъ. — „Какая смута?“ — спросилъ Долгорукій — „Вѣдь я по вѣсти пріѣзжалъ,“ — отвѣчалъ Никонъ.

Возвратившись во дворецъ, Долгорукій немедленно передалъ никоновы слова царю, и вотъ по воскресенской дорогѣ поскакали митрополитъ Павелъ крутицкій, чудовской архимандритъ Іоакимъ, Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ, съ наказомъ взять у Никона посохъ Петра митрополита и дознаться, по какой вѣсти онъ пріѣзжалъ. Посланные нагнали патріарха въ селѣ Черневѣ. Они заставили Никона отдать имъ письмо къ нему Зюзина, которымъ онъ звалъ патріарха въ Москву; но посохъ Никонъ упря-

мо отказался дать, говоря, что теперь ему некому передать его, а посохъ отошлетъ послѣ самъ государю. „Вѣдомо мнѣ,— прибавилъ при этомъ Никонъ,—что великій государь посылалъ къ вселенскимъ патріархамъ, чтобы они рѣшили дѣло объ отшествіи моемъ и о поставленіи новаго патріарха; я великому государю бью челомъ, чтобы онъ къ вселенскимъ патріархамъ не посылалъ; я какъ сперва обѣщался, такъ и теперь обѣщаюсь на патріаршій престолъ не возвращаться; хочу, чтобы выбранъ былъ на мое мѣсто патріархъ, и когда будетъ новый патріархъ поставленъ, то я ни въ какія патріаршія дѣла вступаться не стану, и дѣла мнѣ ни до чего не будетъ; велѣлъ бы мнѣ государь жить въ монастырѣ, а новопоставленный патріархъ надо мною никакой власти не имѣлъ бы, считалъ бы меня братомъ, да не оставилъ бы великій государь ко мнѣ своей милости въ потребныхъ вещахъ, чтобы было мнѣ чѣмъ пропитаться до смерти, а вѣкъ мой не долгій, теперь уже мнѣ близко 60 лѣтъ“. Въ тоже время Никонъ отправилъ посохъ съ архимандритомъ воскресенскимъ, который долженъ былъ обратиться къ духовнику царскому съ просьбою доложить государю, чтобы позволилъ ему, Никону, пріѣхать въ Москву помолиться Богородицѣ и видѣть государевы очи.

Но враги патріарха Никона съумѣли поставить дѣло такъ, что царь не тронулся ни письмами Никона, ни его крайнимъ униженіемъ. Отвѣтъ на его послѣднее письмо былъ одинъ— ѣхать немедленно въ Воскресенскій монастырь и дожидаться пріѣзда вселенскихъ патріарховъ, имѣющихъ судить его, Никона, а до тѣхъ поръ съ угрозою запрещено пріѣзжать въ Москву. При этомъ прибавлено было, что государю отъ него „терпѣніе многое“, и какъ приспѣетъ время собору, то онъ, государь, „обо всемъ говорить будетъ“.

Этотъ жесткій и суровый отвѣтъ уничтожалъ послѣднюю надежду покончить дѣло мирнымъ образомъ. Злоба враговъ торжествовала. Никонъ ничего не слыхалъ, кромѣ угрозъ, и его скорое паденіе было ясно для всѣхъ. Послѣ этого злоба враговъ обрушилась на доброжелателей Никона, замѣшанныхъ въ послѣднее дѣло. Зюзинъ былъ подвергнутъ допросу и пыткѣ. Онъ указывалъ на соумышленіе съ Нащокинымъ и Матвѣевымъ; но тѣ оба заперлись. Однако по всему видно, что Нащокинъ дѣйствительно своими разсказами о томъ, что царь не гнѣвается на патріарха, побудилъ Зюзина на смѣлое дѣло: Зюзинъ и подъ страшными пытками не отказался отъ своего показанія. Зюзина приговорили бояре къ смертной казни, но царь за-

мѣнилъ казнь ссылкою въ Казань. Подверглись пыткамъ и посланцы Зюзина къ Никону попъ Сисой и иподіаконъ Никита; послѣдній черезъ нѣсколько дней послѣ того умеръ подъ стражею отъ перенесенныхъ пытокъ и истязаній. Досталось немного и митрополиту Іонѣ. Царь поставилъ ему въ вину, что онъ бралъ благословеніе отъ Никона; впрочемъ, ему не сдѣлали большаго зла: его только отрѣшили отъ должности блюстителя патріаршаго престола.

Но и послѣ этого въ Москвѣ не успокоились. 13-го января 1665 года въ Воскресенскій монастырь пріѣхали чудовской архимандритъ Іоакимъ и думный дьякъ Башмаковъ и сказали отъ имени царя, царскаго синклита и всего освященнаго собора, что Никонъ хорошо сдѣлалъ, приславъ „смутное“ письмо Зюзина, по которому патріархъ такимъ страннымъ образомъ пріѣхалъ въ Москву. Но при этомъ посланцы царскіе съ явной угрозой предупреждали Никона, чтобы впредь онъ такимъ ссорщикамъ и составщикамъ не вѣрилъ,“ а если еще такіе смутьяны есть, то выдалъ-бы ихъ. На этотъ разъ униженный патріархъ со смиреніемъ отнесся къ своему положенію. Никонъ умолялъ царское величество простить всѣхъ, кто ради Никона, изъ любви къ нему, прогорчилъ его государя и страдаетъ въ дальнихъ ссылкахъ и

горныхъ работахъ. Какъ видно, враги патріарха не стѣснялись съ его доброжелателями и безпощадно мстили имъ! Затѣмъ Никонъ писалъ, что будетъ молить Господа, чтобы прахъ отрясенный имъ перемѣнилъ во свидѣтельство благословенія и мира царствующему граду Москвѣ; потомъ патріархъ прощалъ и разрѣшалъ всѣхъ, кого ранѣе проклиналъ, прощалъ архіереевъ, беззаконно, вопреки божественныхъ правилъ, его судившихъ, бояръ, злословившихъ на него и неправедно клеветавшихъ великому государю; наконецъ молилъ царя о мирѣ и любви, кромѣ которыхъ ему ничего не надо, повторялъ, что не будетъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла, благословляетъ новаго патріарха, а за нимъ лишь бы оставили патріаршій титулъ, его патріаршіе монастыри, да дали бы средства къ безбѣдному существованію до конца его дней [11]).

Но и этотъ смиренный отвѣтъ патріарха Никона остался безъ всякихъ послѣдствій, а можетъ быть, онъ врагами и переданъ былъ царю недобросовѣстно, въ искаженномъ видѣ. Грозное молчаніе было отвѣтомъ Никону, — и отвѣтъ этотъ былъ ясенъ. Никонъ убѣдился окончательно, что ни царь, ни его враги не пойдутъ ни на какія уступки и соглашенія съ нимъ, что не удаленія его ищутъ, а совершеннаго низверженія и посрамленія, что судъ вселенскихъ пат-

ріарховъ надъ нимъ непремѣнно состоится. Никонъ не боялся патріаршаго суда, но боялся клеветъ своихъ враговъ, противъ которыхъ онъ теперь беззащитенъ, и не хотѣлъ безвинно подпасть осужденію вселенскихъ патріарховъ. Поэтому онъ рѣшился на послѣднее средство, которое было его въ рукахъ: послать тайно посланіе къ патріархамъ съ изложеніемъ настоящаго положенія дѣлъ и съ опроверженіемъ клеветъ, на него взводимыхъ. Никонъ написалъ къ константинопольскому патріарху Діонисію длинное письмо, въ которомъ подробно изложилъ свое дѣло. Содержаніе этого письма было слѣдующее: сначала Никонъ подробно описываетъ, какъ онъ избранъ на патріаршество, какъ царь въ первое время уважалъ его и какъ потомъ послѣдовала перемѣна въ ихъ отношеніяхъ, какъ царь черезъ бояръ извѣстилъ его о своемъ гнѣвѣ, и какъ онъ рѣшился наконецъ оставить патріаршество; затѣмъ Никонъ перечисляетъ всѣ обиды, претерпѣнныя имъ отъ враговъ, жалуется на бояръ и государя, что предоставилъ себѣ и имъ большую власть въ церковныхъ дѣлахъ, особенно учрежденіемъ такъ называемаго монастырскаго приказа, изображаетъ интриги и наглыя издѣвательства бояръ; отъ бояръ переходитъ къ Паисію Лигариду, говоритъ о его неправославіи, о дурномъ вліяніи на царя, о не духовномъ поведеніи, о козняхъ его

т. д. Вообще въ этомъ письмѣ патріархъ Никонъ хотѣлъ показать константинопольскому патріарху истинный ходъ дѣла, и описалъ всѣ вытерпѣнныя отъ враговъ оскорбленія и несправедливости подробно и довольно вѣрно, насколько вѣрно можетъ писать человѣкъ раздраженный, оскорбленный, униженный. Письмо вообще было написано не въ спокойномъ духѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ церковныя дѣла, и гдѣ рѣчь шла о Паисіи, о которомъ Никонъ отзывался съ величайшимъ негодованіемъ, не стѣсняясь никакими выраженіями [45]). Письмо было готово, но переправить его въ Константинополь было мудрено. Вызвался отвезти его дальній родственникъ Никона, жившій у него въ числѣ боярскихъ дѣтей; при этомъ приняты были всѣ предосторожности, чтобы тайно выѣхать изъ Россіи. Тѣмъ не менѣе письмо не дошло къ Діонисію. За Никономъ и всѣми его поступками зорко слѣдили его противники. Посланный былъ схваченъ; письмо Никона доставлено къ царю и окончательно вооружило противъ него Алексѣя Михайловича: прежде, если Никонъ и не щадилъ относительно него жесткихъ выраженій, то это было дѣло свое, домашнее, а теперь выставлялось въ черномъ свѣтѣ поведеніе государя передъ вселен-

скими патріархами, мнѣніемъ которыхъ царь, по своей религіозности, особенно дорожилъ!

Все это ускоряло печальную развязку Никонова дѣла. Къ тому же въ это время чувствовалась и сознавалась настоятельная потребность скорѣйшаго прекращенія смутъ въ церкви. Удаленіе патріарха и долгое отсутствіе верховной власти развязали противниковъ церковныхъ преобразованій, начатыхъ патріархомъ Никономъ. Паденіе Никона въ глазахъ неразсудительныхъ и суевѣрныхъ служили очевиднымъ доказательствомъ мнимой правоты раскола и неправды Никона. Расколоучители подняли голову, торжествовали. Ненавистный для нихъ Никонъ, главный виновникъ ненавистнаго имъ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, падалъ, потерялъ все свое значеніе. Съ паденіемъ этого энергичнаго поборника православія, они, напротивъ, пріобрѣтали вліяніе, у нихъ явилось нѣчто общее съ сильными земли, съ самимъ царемъ—это вражда съ Никономъ. Въ это время многіе самые упрямые расколоучители были возвращены изъ ссылокъ (напр. Аввакумъ), пріобрѣли вліяніе даже при дворѣ, и съ жаромъ, съ фанатизмомъ начали свою проповѣдь. Расколъ быстро, успѣшно распространялся...

Противъ такого зла нужно было безъ всякаго замедленія принять рѣшительныя мѣры. Съ этою

цѣлію положили открыть соборъ, который и состоялся въ 1666 г. подъ предсѣдательствомъ новгородскаго митрополита Питирима; на этомъ соборѣ были подтверждены всѣ прежнія постановленія по поводу исправленія книгъ, а главные расколоучители были подвергнуты жестокимъ, безчеловѣчнымъ наказаніямъ и ссылкамъ. Но этотъ соборъ былъ какъ бы предуготовительнымъ. Его постановленія о расколѣ предполагалось предать суду вселенскихъ патріарховъ, которыхъ всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, надѣясь съ ихъ пріѣздомъ на окончаніе смуты. Особенно нетерпѣливо дожидались ихъ враги патріарха Никона во главѣ съ Паисіемъ, которымъ поскорѣе хотѣлось видѣть торжественное посрамленіе своего врага, позлорадствовать надъ нимъ, излить на него всю свою ядовитую злобу.

Изъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ только двое: антіохійскій Макарій и александрійскій Паисій отправились въ Москву; остальные два (константинопольскій и іерусалимскій) дали имъ свое полномочіе. Чрезъ Россію до Москвы патріархи ѣхали съ большою торжественностью: издержекъ для нихъ не жалѣли. По близости къ столицѣ, къ нимъ высылали нѣсколько почетныхъ встрѣчъ, одна за другою. Въ Москвѣ патріарховъ ждала великолѣпная встрѣча, богатые подарки, привѣтственныя рѣчи. Ихъ встрѣтили

у городскихъ воротъ съ крестнымъ ходомъ, при звонѣ колоколовъ, среди огромнаго стеченія народа. Это было 2 ноября 1666 года.

ГЛАВА XI.

Предварительныя совѣщанія патріарховъ.—Обвинительная записка Паисія Лигарида.—Собраніе 22 ноября въ отсутствіи Никона. — Посольство за Никономъ. — Засѣданіе 3 декабря.—Второе засѣданіе.— Третье засѣданіе. — Обрядъ низложенія Никона 12 декабря. — Удаленіе Никона въ Ферапонтовъ монастырь.—Нѣсколько словъ о томъ, насколько законенъ и правиленъ былъ судъ надъ Никономъ. - Судьба нѣкоторыхъ судей и обвинителей Никона.

Послѣ первыхъ церемоній и угощеній патріархи занялись изслѣдованіемъ дѣла, которое имъ предстояло рѣшить. Прежде всего, они обратили вниманіе не на расколъ, — дѣло не терпѣвшее ни малѣйшихъ отлагательствъ, а на никоновскую исторію. Такъ всѣмъ хотѣлось поскорѣе покончить съ несчастнымъ патріархомъ, что для этого забывали о дѣлахъ первостепенной важности, о томъ, что страшной грозой висѣло надъ всей русской церковью и государствомъ. Интересы церкви и государства были отодвинуты на второй планъ, личные счеты выступили впередъ.

Начались предварительныя совѣщанія и раз-

сужденія о никоновомъ дѣлѣ. Царь открылъ засѣданіе рѣчью, послѣ которой представлены были извѣстные намъ (см. гл. 9) отвѣты четырехъ вселенскихъ патріарховъ на вопросы о царской и патріаршей власти и прочтены изъ нихъ главныя статьи. Затѣмъ патріархи спросили русскихъ архіереевъ: дѣйствительно ли Никонъ виноватъ въ томъ, въ чемъ осуждаютъ его статьи? Они отвѣчали: да. Такъ просто и легко велось это дѣло! Потомъ вручены были патріархамъ разныя записки, заключавшія въ себѣ вкратцѣ главнѣйшіе проступки Никона. Для изслѣдованія дѣла, царь предложилъ патріархамъ въ помощники, въ качествѣ духовныхъ слѣдователей, двухъ архіереевъ: Павла крутицкаго и Иларіона рязанскаго, — злыхъ враговъ Никона. Для удобства занятій патріархи попросили еще отрядить къ нимъ Паисія, съ которымъ, какъ съ грекомъ, они могли удобнѣе объясняться. Царь охотно согласился. „Имѣйте его отнынѣ при себѣ, — сказалъ онъ. — Паисій знакомъ съ дѣломъ; отъ него все подробно узнаете“. Такимъ образомъ, Лигаридъ сталъ докладчикомъ по дѣлу Никона передъ вселенскими патріархами. Онъ составилъ обвинительную записку противъ московскаго патріарха, которая заранѣе настроила судей противъ обвиняемаго. Этотъ злѣйшій врагъ Никона, человѣкъ безъ

убѣжденій, готовый всегда, если то нужно, покривить совѣстью,—собралъ на голову Никона все, что можетъ измыслить слѣпая злоба и черная клевета. Можно представить себѣ, въ какомъ грязномъ, искаженномъ, ложномъ видѣ представлено было дѣло московскаго патріарха пріѣхавшимъ судить его восточнымъ патріархамъ! Въ какомъ духѣ была написана эта обвинительная записка, можно судить по началу: „Внемлите племена народовъ, главы церкви, равноангельные архіереи, небесные и земные чины и стихіи, которыхъ и Моисей призываетъ во свидѣтельство, внемлите! Я открою вамъ, праведнымъ судіямъ, козни бывшаго патріарха Никона, который, сверхъ всякаго чаянія, изъ сыновей бѣдныхъ родителей, будучи возведенъ на патріаршую каѳедру, какъ новый Люциферъ (падшій духъ), дерзнулъ поставить престолъ свой выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно эхидиѣ, родную мать свою, церковь“. Чтобы рѣшительнѣе убѣдить патріарховъ въ преступности Никона и вооружить ихъ противъ него, Паисій въ своей запискѣ доказывалъ, будто Никонъ посягалъ на право и власть вселенскихъ патріарховъ, доказывалъ это нелѣпое обвиненіе, разумѣется, съ разными натяжками, указывая, главнымъ образомъ, на то, что Никонъ изъ высокомѣрія

вымышлялъ себѣ разные титулы. Напр., по мнѣнію Паисія, Никонъ оскорбилъ іерусалимскаго патріарха, „назвавъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ невѣжественно и безстыдно назвалъ обитель свою Новымъ Іерусалимомъ“. За этимъ нелѣпымъ обвиненіемъ слѣдовали другія, въ которыхъ Паисій старался представить Никона „нововводителемъ, поколебавшимъ уставъ и древнее церковное преданіе“, ввелъ новые напѣвы, отмѣнилъ церковныя пѣсни, внутри алтаря, передъ зеркаломъ, расчесывалъ волосы и т. п. Словомъ все здѣсь было ложь и клевета: главная заслуга Никона русской церкви ставилась ему въ вину; а гдѣ не хватало серіозныхъ преступленій, тамъ Паисій не стѣснялся упирать на такія мелочи, какъ расчесываніе волосъ въ алтарѣ. Что касается прочихъ обвиненій противъ Никона, то въ нихъ повторяются извѣстные толки о его гордости и надменномъ обращеніи съ архіереями, о крайней жестокости къ подчиненнымъ, неправосудіи и ужасномъ любостяжаніи, такъ что, по словамъ Паисія, онъ только и дѣлалъ, что „вѣчно замкнутый, считалъ свои деньги и драгоцѣнные сибирскіе мѣха, предоставивъ судъ однимъ свѣтскимъ людямъ, обыкновенно продающимъ правосудіе“. [10]) Сдѣланное нами выше обозрѣніе жизни патріарха Никона ясно показываетъ, что все это была

злостная клевета. Мы видѣли, что святѣйшій патріархъ, хотя и жилъ пышно, но любостяжателенъ не былъ, напротивъ свою казну употреблялъ на дѣла благотворенія, на благоустройство монастырей и церквей, наконецъ на нужды государственныя. Мы видѣли, что этотъ энергичный труженикъ никогда не замыкался безъ дѣла, никогда не довѣрялъ ничего другимъ, особенно свѣтскимъ судьямъ, но самъ всегда во все вмѣшивался, не только въ церковные суды, но и въ свѣтскіе, почему и нажилъ себѣ столько враговъ. Но Паисію до всего этого не было дѣла: что за бѣда, что все это — сплошная ложь, — лишь бы погубить своего врага! Безсовѣстному человѣку довѣрили составить обвинительную записку, а онъ этимъ воспользовался, чтобы излить свою злобу на беззащитнаго патріарха и написать лживый доносъ!

22-го ноября произошло новое собраніе. Архіереи собрались теперь, чтобы рѣшить только вопросъ: произвести-ли надъ Никономъ судебный приговоръ, не приглашая его даже къ отвѣту, такъ какъ преступленія его, будто бы, доказаны вѣрными свидѣтелями, или вызвать его на соборъ для выслушанія вопросовъ и подачи отвѣтовъ? — Ясно, такимъ образомъ, что осужденіе и низложеніе Никона было тогда уже рѣшительно предрѣшено; это были не судьи, а

только обвинители, которые даже выслушать обвиняемаго не хотѣли. Впрочемъ, для того, чтобы дать осужденію Никона видъ правильнаго суда, рѣшено было большинствомъ голосовъ вызвать Никона для законнаго оправданія.

29-го ноября, отправлены были псковскій архіепископъ Арсеній, Ярославскій архимандритъ Сергій и суздальскій Павелъ звать Никона на соборъ.

Никонъ сказалъ имъ: „Откуда святѣйшіе патріархи и соборъ взяли такое безчиніе, что присылаютъ за мной архимандритовъ и игуменовъ, когда по правиламъ слѣдуетъ послать двухъ или трехъ архіереевъ?“

— Мы къ тебѣ не по правиламъ пришли, — грубо отвѣчалъ на это ярославскій архимандритъ,—а по государеву указу. Отвѣчай намъ: идешь, или не идешь?

— „Я съ вами, чернецами, говорить не хочу,— оборвалъ его Никонъ,—а буду говорить съ архіереями. Александрійскій и антіохійскій патріархи сами не имѣютъ древнихъ престоловъ и скитаются, я же поставленіе имѣю отъ константинопольскаго“. Затѣмъ, обратившись къ Арсенію, онъ продолжалъ: „если эти патріархи прибыли по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ, то я поѣду,—только немного поуправлюсь“.

На другой день, Никонъ отслужилъ утреню,

затѣмъ призвалъ духовника и исповѣдовался, потомъ соборовался и отслужилъ литургію во архіерейскомъ облаченіи; послѣ обѣдни поучалъ братію о терпѣніи. Такъ приготовилъ себя святѣйшій патріархъ, ясно предчувствуя, что ему придется выстрадать на судѣ. Къ вечеру онъ выѣхалъ въ саняхъ въ Москву.

Между тѣмъ, соборные посланцы вели себя все это время въ Воскресенскомъ монастырѣ довольно непристойно, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ. Архимандритъ Сергій до отъѣзда Никона то и дѣло грубо, дерзко приставалъ къ нему, спрашивая, поѣдетъ ли онъ, и при этомъ даже кричалъ. Въ церкви онъ завелъ шумный, нелѣпый споръ о новоисправленныхъ книгахъ, такъ что, во избѣжаніе соблазна, патріархъ приказалъ ему выйти изъ храма. Въ тоже время эти посланцы успѣли дать знать въ Москву, что Никонъ принялъ ихъ нечестно, въ Москву не ѣдетъ и не сказалъ, когда поѣдетъ.

Тогда въ столовой избѣ, въ присутствіи государя и боляръ, собравшіеся вселенскіе патріархи, которымъ отвѣтъ Никона показался досадительнымъ, и русскія духовныя лица послали другой вызовъ Никону съ упрекомъ за непослушаніе, съ приказаніемъ прибыть въ Москву 2 декабря, во второмъ или въ третьемъ часу ночи (днемъ боялись впустить его, опасаясь

народнаго волненія), не болѣе какъ съ десятью человѣками, и остановиться въ кремлѣ на Архангельскомъ подворьѣ. Никонъ былъ уже въ дорогѣ, когда его встрѣтило это второе посольство. Никонъ остановился въ селѣ Черневѣ, такъ какъ ему было велѣно ждать до ночи 2 декабря, а 1 декабря къ нему послали третье приглашеніе: оно было ненужно, такъ какъ Никонъ ѣхалъ туда, куда его звали. Дѣло въ томъ, что по древнимъ правиламъ, если призываемый на соборъ ослушивался, его приглашали три раза, а послѣ третьяго приглашенія обвиняли. Въ виду этого, враги патріарха Никона хотѣли усугубить его вину и дать дѣлу такой ходъ, какъ будто Никонъ не слушался соборнаго призыва.

„Некому на васъ жаловаться, — сказалъ Никонъ,—развѣ единому Богу! Какъ же я не ѣду? И для чего велите выѣзжать ночью съ немногими людьми? Хотите вѣрно удавить, какъ митрополита Филиппа удавили!“

Никонъ пріѣхалъ около полуночи и только что въѣхалъ въ никольскія ворота, какъ за нимъ заперли ворота. Клирикъ патріарха Шушера, ѣхавшій за Никономъ съ патріаршимъ крестомъ, спросилъ, для чего заперли ворота. „Великаго государя дѣло“, — произнесъ стрѣлецкій полковникъ. У Шушеры хотѣли отнять крестъ, но онъ передалъ его патріарху, послѣ чего Шушеру

повели къ царю, который его допрашивалъ о чемъ-то тайно, и приказалъ отдать подъ стражу.— Домъ, гдѣ помѣстили Никона, находился у самыхъ Никольскихъ воротъ, въ углу кремля. Его окружили стражею; самыя Никольскія ворота не отпирались, разобранъ даже мостъ у этихъ воротъ. Обращались съ Никономъ съ намѣреннымъ нерадѣніемъ; не догадались даже накормить его, а припасы, которые онъ захватилъ съ собою изъ Воскресенскаго монастыря не было позволено ввезти на дворъ, потому что строго было воспрещено впускать кого бы то ни было туда, гдѣ остановился Никонъ.

3 декабря, въ 9 часовъ утра весь соборъ собрался подъ предсѣдательствомъ государя въ столовой избѣ. Кромѣ двухъ патріарховъ, на этомъ соборѣ присутствовали митрополиты: Питиримъ новгородскій, Лаврентій казанскій, Іона ростовскій, Павелъ крутицкій, шесть греческихъ митрополитовъ, одинъ грузинскій и одинъ сербскій, архіепископъ синайскій, русскіе архіепископы и епископы: Симонъ вологодскій, Филаретъ Смоленскій, Стефанъ суздальскій, Иларіонъ рязанскій, Іосифъ тверской, Мисаилъ коломенскій, Арсеній псковскій, Александръ вятскій. Лазарь Барановичъ черниговскій и Меѳодій мстиславскій. Паисій Лигаридъ уклонился отъ присутствія на соборѣ, не потому, конечно, что

бы онъ раскаялся въ своихъ чувствахъ къ Никону, а потому что въ его прошломъ да и настоящемъ было много темныхъ сторонъ, которыя на соборѣ могли неожиданно выплыть наружу и погубить его, тѣмъ болѣе, что онъ былъ архіерей-бродяга и бѣглецъ, отрѣшенный іерусалимскимъ патріархомъ за сочувствіе къ папѣ. Притомъ Паисій теперь былъ совершенно спокоенъ относительно Никона. Онъ подготовилъ его паденіе, сдѣлалъ все, что могъ для его погибели,—и былъ совершенно увѣренъ, что теперь паденіе Никона состоится непремѣнно, безъ дальнѣйшаго его участія.—Кромѣ архіереевъ, на соборѣ находилось болѣе 50 архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ, не считая іереевъ и прочихъ духовныхъ лицъ. Тутъ присутствовалъ и весь царскій синклитъ. Вообще соборъ былъ обставленъ очень торжественно.

За Никономъ отправили мстиславскаго епископа, блюстителя кіевской митрополіи, Меѳодія, извѣстнаго своими кознями и пронырствомъ. Меѳодій объявилъ Никону, чтобы онъ шелъ смирно, безъ креста, который обыкновенно носили передъ патріархомъ. Но Никонъ уперся и ни за что не хотѣлъ итти безъ креста. Поднялась суматоха. Царскіе посланцы нѣсколько разъ скакали изъ дворца къ Никону съ царскимъ приказомъ и съ убѣжденіемъ итти безъ креста.

Ничто не помогало, и Никонъ настоялъ на своемъ.

Не смотря на раннюю пору, Кремль былъ наполненъ народомъ. Никонъ на пути раздавалъ благословеніе. Въ столовую избу онъ вошелъ торжественно, какъ патріархъ, съ обычными обрядами: говорилъ входъ и молитву за здоровье государя и всего царствующаго дома, патріарховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, послѣ молитвы поклонился государю до земли трижды, дважды патріархамъ и потомъ всѣмъ присутствующимъ.

Всѣ встали, и царь долженъ былъ встать, потому что передъ Никономъ несли крестъ. Затѣмъ Никону предложили сѣсть по правую сторону близъ государева мѣста. Никонъ оглянулся и увидѣлъ, что его приглашаютъ садиться на одной лавкѣ съ другими архіереями, что особаго мѣста, какъ другимъ патріархамъ, ему не приготовлено.

— Благочестивый царь, — сказалъ онъ, — я не принесъ съ собою мѣста; буду говорить, стоя!

Твердо стоялъ обвиняемый патріархъ, опершись на свой посохъ. Передъ нимъ держали крестъ. Его судьи и обвинители смущенно молчали и не знали, съ чего начать. Наконецъ Никонъ первый прервалъ молчаніе.

— Для чего вселенскіе патріархи призвали меня на это собраніе?—спросилъ онъ.

Тогда царь Алексѣй Михайловичъ, которому приходилось принять на себя роль обвинителя, самъ всталъ съ своего мѣста и началъ говорить передъ патріархами: „отъ начала московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ *бывшій* патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта церковь оставилъ, патріаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ, возстали раскольники и начали терзать ее. Допросите бывшаго патріарха Никона, для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь?“

Патріархи черезъ переводчика спросили Никона:

— Зачѣмъ ты оставилъ патріаршій престолъ?

— Я ушелъ отъ государева гнѣва,—сказалъ Никонъ,—и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали же, св. Аѳанасій Александрійскій, Григорій Богословъ.—Въ доказательство того, что царь дѣйствительно гнѣвался на него, Никонъ разсказалъ объ обидѣ, нанесенной окольничимъ Хитрово патріаршему боярину, о томъ,

что царь пересталъ являться при патріаршемъ служеніи, а князь Ромодановскій сказалъ ему прямо о гнѣвѣ царскомъ.

Дѣло, такимъ образомъ, касалось лично Алексѣя Михайловича. Онъ сказалъ въ отвѣтъ:

„У меня обѣдалъ тогда грузинскій царь; въ ту пору мнѣ некогда было разыскивать и давать оборону. А его человѣка Хитрово зашибъ за невѣжество, потому что пришелъ не во время и учинилъ смуту. Это Никона не касается".

Патріархи замѣтили Никону, что ему можно было-бы и потерпѣть: „Я царскій чинъ исполнялъ.—возвысилъ при этомъ голосъ и Хитрово,—а его человѣкъ пришелъ и учинилъ мятежъ. Я его зашибъ незнаючи. Я у Никона просилъ прощенія и онъ меня простилъ".

Это была ложь, притомъ все это были такіе мелочи и пустяки, въ подробное разслѣдованіе которыхъ на соборѣ не стоило вдаваться.

Царь прибавилъ еще, что въ праздники не дѣлалъ выходу за многими государственными дѣлами, а князя Ромодановскаго присылалъ къ Никону, чтобы онъ не писался великимъ государемъ, но того не приказывалъ, чтобы объявить о своемъ гнѣвѣ. Тутъ и Ромодановскій ляпнуло объявилъ, что о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ.

Никонъ молчалъ. Да и стоило-ли говорить

противъ всѣхъ этихъ мелкихъ злобныхъ нападокъ, когда его обвиненіе и осужденіе заранѣе было рѣшено, когда всѣ присутствовавшіе ополчились противъ него, и каждый старался вклеить свое слово, чтобы уязвить патріарха. Никонъ лишь коротко повторилъ, что съ патріаршества бѣжалъ отъ царскаго гнѣва.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія...

— Ты отрекся отъ патріаршества, — снова заговорили патріархи, — и говорилъ, что будешь анаѳема, если станешь снова патріархомъ.

— Я такъ никогда не говаривалъ, съ твердостію отвѣчалъ Никонъ, — а говорилъ лишь, что за недостоинство свое иду; а если-бы я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, то не взялъ-бы съ собой святительской одежды.

Тутъ патріархи, въ угоду царю, стали уже придираться къ Никону. „Когда ставятъ въ священный чинъ, замѣтили они, — то говорятъ: *достоинъ* (аксіосъ), а ты какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: *недостоинъ*.

— Онъ написалъ на меня многія безчестія и укоризны, заговорилъ Алексѣй Михайловичъ. Царь велѣлъ прочесть перехваченное письмо Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію. Оно послужило нитью для цѣлаго допроса и способствовало гибели Никона.

Когда въ письмѣ дочитались до словъ „посы-

ланъ я въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа, котораго царь Иванъ замучилъ неправедно за правду“,—царь прервалъ чтеніе и сказалъ: „для чего Никонъ такое безчестіе царю Ивану написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ безъ собора коломенскаго епископа Павла и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ тотъ безвѣстно пропалъ. Допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?“

На такія обвиненія отвѣчать было нечего. Мы ранѣе видѣли, что Павла коломенскаго патріархъ низложилъ, въ виду его нераскаянности, лишь по совѣту и благословенію константинопольскаго патріарха, и въ его смерти повиненъ не былъ. И такъ Никонъ о царѣ Иванѣ промолчалъ (такъ это не къ стати было сказано царемъ), а о Павлѣ коломенскомъ съ неохотою проговорилъ лишь: „не помню и не знаю, гдѣ онъ; о немъ есть дѣло на патріаршемъ дворѣ“.

Письмо къ патріарху Діонисію перебирали пунктъ за пунктомъ, слово за слово, спрашивали Никона о разныхъ мелочахъ и подробностяхъ. Никонъ понималъ, что все это говорится лишь для того, чтобы привязаться къ нему, чтобы подавить его если не силою и убѣдительностью обвиненій, то по крайней мѣрѣ массою ихъ. Поэтому онъ отвѣчалъ коротко, съ неохотою и большею частью отрицательно:

иногда же просто молчалъ съ достоинствомъ, считая излишними и унизительными всѣ эти мелочныя словопренія. Иногда обвинители путались и возвращались къ только что высказаннымъ обвиненіямъ. Такъ опять заговорили о Хитрово, о причинахъ удаленія Никона съ патріаршества, о жалобахъ его на царскій гнѣвъ и обиды, объ отреченіи его отъ патріаршества съ клятвою и т. д. Видно, что обвинители и судьи патріарха Никона не имѣли подъ собой твердой почвы, не имѣли вѣскихъ, основательныхъ обвиненій противъ патріарха, необходимыхъ для его осужденія и не знали, какъ вести дѣло.

Наконецъ, дочитали до самаго важнаго въ глазахъ обвинителей, за что имъ можно было-бы удобно ухватиться, на чемъ можно было-бы обосновать законное осужденіе Никона,—до тѣхъ рѣзкихъ обвиненій, которыя щедро расточалъ въ этомъ письмѣ Никонъ на Паисія Лигарида. Никонъ прямо обвинялъ Паисія въ латинствѣ передъ патріархомъ Діонисіемъ, находилъ незаконнымъ соборъ, на которомъ Паисій былъ предсѣдателемъ, и писалъ такъ: „съ этого беззаконнаго собора прекратилось на Руси соединеніе съ святыми восточными церквами, и отъ благословенія вашего мы отлучились, а начатокъ волями своими приняли отъ римскихъ костеловъ“.

Это выраженіе, дѣйствительно, было со стороны Никона чрезвычайно необдуманно: Никонъ здѣсь какъ будто-бы упрекалъ всю русскую церковь въ неправославіи, единственно потому, что на соборѣ въ Москвѣ предсѣдательствовалъ не строго-православный, сочувствующій католичеству, Паисій. Было слишкомъ ясно, что Никонъ жалуется лишь на Паисія и на то, что русскіе архіереи слушаются такъ неправославнаго митрополита, но во гнѣвѣ своемъ, по своему обычаю и горячности онъ зашелъ слишкомъ далеко и допустилъ весьма неумѣренное выраженіе, въ прямомъ смыслѣ котораго онъ не давалъ тогда отчета. Вѣроятно, это ясно было и для обвинителей великаго патріарха; но вѣдь они объ этомъ не заботились, они рады были, что нашли, наконецъ, мѣсто, за которое имъ можно твердо уцѣпиться въ своемъ обвиненіи, потому что оно подавало поводъ обвинить Никона въ самой тяжелой винѣ: въ хулѣ на православную русскую церковь.

Такое именно невыгодное толкованіе словамъ Никона далъ царь Алексѣй Михайловичъ. „Никонъ,—сказалъ онъ,—отчелъ насъ отъ благочестивой вѣры и благословенія св. патріарховъ, причелъ къ католической вѣрѣ и назвалъ всѣхъ насъ еретиками. Если-бы Никоново письмо дошло до вселенскихъ патріарховъ, то всѣмъ пра-

вославнымъ христіанамъ быть-бы подъ клятвою; за такое ложное и затѣйное письмо намъ нужно всѣмъ стать и умирать, а отъ этого очиститься".

Никонъ старался — было объяснить свою мысль, говорилъ, что у него рѣчь идетъ о Паисіи, о поставленныхъ по его благословенію архіереяхъ, а не о всей русской церкви. „Паисій,— сказалъ рѣзко Никонъ, — перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую, и на его мѣсто посадилъ иного митрополита; да и другихъ архіереевъ переводили съ мѣста на мѣсто. Ему того дѣлать не довелось, потому что онъ отъ Іерусалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ. Да если бы онъ и не былъ еретикъ, то все-таки ему не для чего долго быть на Москвѣ. Я его митрополитомъ не почитаю. У него нѣтъ ставленной грамоты. Этакъ всякій мужикъ надѣнетъ на себя мантію, такъ онъ и митрополитъ! — Я писалъ о немъ, а не о всѣхъ православныхъ христіанахъ!"

Но объясненіе Никона не было принято. И духовные и свѣтскіе всѣ закричали: „онъ еретиками назвалъ всѣхъ насъ, а не одного газскаго митрополита! надобно объ этомъ указъ учинить по правиламъ!" Особенно задорились и горячились Сарскій митрополитъ Павелъ, архіепископъ рязанскій Иларіонъ и Меѳодій Мстиславскій. Первые два всячески поносили

патріарха и стали съ ругательствами повторять уже высказанныя на соборѣ обвиненія въ оставленіи патріаршества съ клятвою и въ самовольномъ низверженіи Павла Коломенскаго, а Меѳодій осмѣлился было поднять руку на обвиняемаго патріарха. Говорятъ, что царь, при видѣ этого, прослезился изъ сожалѣнія къ такъ униженному патріарху, котораго онъ самъ недавно возвелъ на такую высоту власти.

Никонъ ничего не отвѣчалъ на эти оскорбленія и ругательства. Онъ только обратился къ царю и съ упрекомъ сказалъ ему:

— Если бы ты Бога боялся, то такъ не дѣлалъ бы надо мною.

Царь не отвѣчалъ ничего. Когда всѣ успокоились, стали опять читать письмо Никона къ константинопольскому патріарху, по прежнему останавливаясь на мелочахъ. Разбирали, напр., жалобы Никона на поставленіе духовныхъ по государеву указу, на тяжелые сборы съ церквей и монастырей, на Питирима, предвосхитившаго, по мнѣнію Никона, власть патріаршую совершеніемъ обряда шествія на осляти, на Стрѣшнева, назвавшаго свою собаку Никономъ и т. д. Всѣ жалобы эти подробно разсматривали и доказывали усердно ихъ несостоятельность,—какъ будто всѣ эти мелочи стоили такого внимательнаго обсужденія,—и при этомъ не

переставали язвить обвиняемаго и все ставить ему въ вину.

Никонъ не говорилъ ничего; но когда чтеніе письма окончилось, онъ сказалъ царю:

— Богъ тебя судитъ; я узналъ на своемъ избраніи, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ я буду возненавидимъ и мучимъ.

— Допросите его, сказалъ царь: — какъ онъ это узналъ?

Никонъ не отвѣчалъ.

Всѣ утомились отъ длиннаго засѣданія, которое, начавшись въ 3 часа пополудни, окончилось во второмъ часу ночи, особенно царь и патріархъ Никонъ, стоявшіе все время на ногахъ. Патріархи кончили засѣданіе и велѣли Никону итти на подворье.

На второмъ засѣданіи, какъ только Никонъ вошелъ, царь всталъ съ своего мѣста и повторилъ то обвиненіе, за которое на предъидущемъ засѣданіи съ такою радостью ухватились обвинители, но только теперь гораздо прямѣе и рѣшительнѣе. Онъ торжественно сказалъ, обращаясь къ патріархамъ:

— Поссорясь съ газскимъ митрополитомъ, Никонъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху писалъ, будто все православное христіанство отложилось отъ восточной церкви къ западному костелу, тогда какъ наша соборная

церковь имѣетъ спасительную ризу Господа нашего Бога и многихъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало. Мы все держимъ и вѣруемъ по преданію апостоловъ и св. отецъ истинно; бьемъ челомъ, чтобы патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили!

Съ этими словами царь поклонился патріархамъ до земли; тоже сдѣлали всѣ присутствующіе на соборѣ.

— Дѣло великое, — сказали патріархи, — за него надобно стоять крѣпко. Когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ назвалъ еретиками, то онъ назвалъ еретиками и насъ, будто мы пришли еретиковъ разсуждать, а мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ. Станемъ за это патріарха Никона судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ.

Послѣ этого, чтобы подорвать въ патріархахъ всякое довѣріе къ Никону и его словамъ, царь подалъ имъ три письма, въ которыхъ Никонъ называлъ себя *бывшимъ* патріархомъ, тогда какъ до сихъ поръ на словахъ онъ, напротивъ, утверждалъ, что онъ не отказывался отъ патріаршества. Эта была довольно пустая придирка, а не серіозное обвиненіе. Но патріархи показали видъ, что придаютъ этой уликѣ большое значе-

ніе, и, въ угоду царю, объявили: „въ законахъ написано: кто уличится во лжи трижды, тому впередъ вѣрить ни въ чемъ не должно; Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ; кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ; кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ— священникъ низверженія, а мірской человѣкъ проклятія.“

Такое рѣшеніе было очень удобно для судей и обвинителей патріарха Никона, хотя въ этомъ случаѣ выразилось въ высшей степени недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Теперь обвиняемому патріарху не зачѣмъ было защищаться, потому что, согласно съ велемудрымъ изреченіемъ патріарховъ, онъ — лжецъ, и ему рѣшительно ни въ чемъ довѣрять нельзя. Послѣ того, оскорбленія и обвиненія могли сыпаться градомъ на беззащитнаго патріарха. Такъ это и было.

Вспомнивши снова о Хитрово, прибившемъ Никонова боярина, патріархи произнесли такое сужденіе: „Никонъ послалъ своего человѣка, чтобы учинить смуту, а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти; и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ; такъ тому и подобало быть.“

Съ этими словами антіохійскій патріархъ, на зло Никону, благословилъ Хитрово.

Воротившись изъ засѣданія въ свое помѣщеніе, Никонъ находился въ затруднительномъ положеніи: всѣ его запасы отправлены были на Воскресенское подворье, его людей не пускали за ними. Царь послалъ ему запасовъ отъ своего стола; но Никонъ не принялъ ихъ. Тогда царь дозволилъ его людямъ взять патріаршіе запасы съ подворья, но былъ сильно огорченъ, что Никонъ отказался отъ его приношеній, и жаловался на Никона патріархамъ. Патріархи и тутъ съумѣли сказать въ тонъ государю угодное ему. „Никонъ все дѣлаетъ изступя ума своего,“—замѣтили они.

5-го декабря въ столовой царской палатѣ снова собрались патріархи, духовные власти, синклитъ, подъ предсѣдательствомъ царя Алексѣя Михайловича. Явился на соборъ и Никонъ. Онъ вошелъ съ тѣми же обрядами, какъ и въ первый разъ, и также въ преднесеніи креста. Но теперь такая торжественность признана была неприличною, и у Никонова крестоносца черезъ иподіакона крестъ отняли.

Начались опять допросы Никону и обвиненія противъ него. Порядка въ изслѣдованіяхъ на этомъ засѣданіи было еще меньше, чѣмъ прежде. Безпорядочность доходила иногда до нарушенія

благопристойности. То патріархи совершенно неожиданно зададутъ Никону какой-нибудь странный, къ дѣлу не относящійся вопросъ, въ родѣ слѣдующихъ: „а зачѣмъ ты носишь черный клобукъ съ херувимами“? или: „а зачѣмъ ты надѣлъ на себя два креста“? То встанетъ кто-нибудь изъ властей или бояръ, чтобы повторить, опять совершенно неожиданно, какую нибудь старую улику противъ Никона; то всѣ вмѣстѣ закричатъ на него: „какъ ты Бога не боишься! непристойныя ты рѣчи говоришь, безчестишь царя и святѣйшихъ патріарховъ!“ Неудивительно, что и самъ Никонъ не слишкомъ заботился при этомъ о соблюденіи приличій, не стѣснялся въ своихъ отвѣтахъ даже патріархамъ. „Широкъ ты здѣсь,—замѣтилъ онъ по одному случаю антіохійскому патріарху,—какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ“! За подобныя рѣчи и патріархи платили ему суровыми словами. Антіохійскій сказалъ одинъ разъ: „Самъ дьяволъ исповѣдуетъ иногда истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ“...

Таковъ былъ характеръ этого пресловутаго засѣданія, на которомъ было рѣшено осужденіе и низложеніе святѣйшаго патріарха Никона.

Въ началѣ этого засѣданія александрійскій патріархъ Паисій говорилъ государю и всему собору и всему царскому синклиту, что они,

патріархи, пришли въ царствующій градъ Москву не для какой-либо милостыни и не по нуждѣ, а по письму великаго государя, чтобы судить бывшаго патріарха Никона, оставившаго св. соборную церковь и свой патріаршескій престолъ съ клятвою. И затѣмъ, обратившись къ Никону, объявилъ ему первое и самое важное на него обвиненіе: „ты отрекся своего патріаршаго престола съ клятвою и отошелъ безъ законной причины“.

При этомъ поднялись съ своихъ мѣстъ новгородскій митрополитъ Питиримъ, тверской архіепископъ Іосифъ и бояринъ Родіонъ Стрѣшневъ и стали показывать на Никона, стараясь уличить его въ томъ, что онъ будто бы сказалъ: „будь я анаѳема, если захочу патріаршества“,

На эти несправедливыя обвиненія патріархъ Никонъ съ твердостью повторилъ свой прежній отвѣтъ: „Я не отрекался съ клятвою, я засвидѣтельствовался небомъ и землею, и отошелъ отъ государева гнѣва. А нынѣ да будетъ, что царское величество изволитъ, и я пойду, куда государь укажетъ; благое по нуждѣ не бываетъ“.

Патріархи не обратили вниманія на отвѣтъ Никона, замѣтили лишь, что многіе слышали его клятву, и затѣмъ стали задавать Никону другіе отрывочные вопросы.

„Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима“?—спросили они его.

На это мелочное, вовсе не идущее къ дѣлу, обвиненіе Никонъ лишь неохотно проговорилъ: „не писывалъ и не говаривалъ“.

„Нѣтъ, писался“,—замѣтилъ архіепископъ рязанскій Иларіонъ,—и показалъ письмо, писанное рукою Никона. Никонъ взглянулъ и молвилъ: „рука моя, развѣ описался“?..

Перешли къ другимъ обвиненіямъ и съ прежней мелочностью придирались къ каждому слову и поступку Никона. Никонъ отвѣчалъ кратко, неохотно, большею частью отрицательно. Наконецъ онъ сказалъ: „не буду съ патріархами говорить, пока не пріѣдутъ патріархи константинопольскій и іерусалимскій“.

Ему показали тогда подписи полномочія другихъ патріарховъ и стали читать правила, по которымъ епископъ, оставивши свою каѳедру, лишается ея.

Никонъ, вѣроятно, не сомнѣвался въ подлинности патріаршихъ подписей, но, раздосадованный всѣми предъидущими придирками и обвиненіями, презрительно сказалъ: „рукъ ихъ не знаю“. А относительно прочитанныхъ правилъ замѣтилъ: „Я этихъ правилъ не принимаю. Это правило не апостольское и не вселенскихъ и не помѣстныхъ соборовъ. Ихъ нѣтъ въ русской

кормчей, а греческія правила печатали еретики!“

Послѣ этого опять отклонились отъ сути дѣла,— начали спорить о разныхъ прежнихъ случаяхъ. Однако многіе были смущены и молчали. Видя это, царь понуждалъ бояръ говорить противъ Никона, но тѣ, будучи неискусны въ словѣ и боясь остраго языка опальнаго патріарха, говорили мало и плохо. Тогда Никонъ, обратившись къ царю, посмѣялся надъ его боярами: „Ты, царское величество, девять лѣтъ вразумлялъ и училъ предстоящихъ тебѣ въ семъ сонмищѣ, и они все-таки не умѣютъ ничего сказать. Вели имъ лучше бросить на меня камни; это они съумѣютъ; а учить ихъ будешь хоть еще десять лѣтъ,—ничего отъ нихъ не добьешься“.

Царь, по свидѣтельству жизнеописателя Никонова Шушеры,[47]) сильно гнѣвался, что бояре ничего дѣльнаго не могутъ сказать противъ Никона, и что большая часть членовъ собора молчала. Онъ, конечно, смутно чувствовалъ, что все дѣло ведется не такъ, какъ слѣдуетъ, что нѣтъ никакого порядка въ судѣ и въ обвиненіяхъ, что обращаютъ вниманіе больше на мелочи, и что этого недостаточно, чтобы произнести надъ Никономъ осужденіе. Алексѣй Михайловичъ обратился тогда, по свидѣтельству того же Шушеры, къ епископу черниговскому

Лазарю Барановичу, всѣми уважаемому за свое благочестіе и глубокую ученость.

— Что ты молчишь, Лазарь, — сказалъ ему царь,—и ничего не говоришь, зачѣмъ выдаешь меня въ этомъ дѣлѣ. А я-то на тебя особенно надѣялся.

Лазарь, какъ человѣкъ просвѣщенный, понималъ хорошо неправильное веденіе суда надъ Никономъ; будучи же честнымъ и благомыслящимъ, не сочувствовалъ всему этому дѣлу и, хотя, противъ воли, присутствовалъ на соборѣ, но не хотѣлъ принимать дѣятельнаго участія въ осужденіи несчастнаго патріарха. Выступить открыто за Никона онъ не могъ: этимъ бы онъ лишь повредилъ себѣ, но ничего не достигъ. Тѣмъ болѣе, Лазарь все же самый соборъ считалъ законнымъ и своимъ противленіемъ ему боялся подпасть осужденію вселенскихъ патріарховъ. Поэтому на царскія слова онъ отвѣчалъ уклончиво: „О, благочестивый царь! Какъ я могу итти противъ рожна, и какъ я могу говорить правду, или противиться“!

Наконецъ поднялся съ мѣста антіохійскій патріархъ и сказалъ: „ясно ли всякому изъ присутствующихъ, что александрійскій патріархъ есть судія вселенной?“

— Знаемъ и признаемъ, что онъ есть и име-

нуется судія вселенной,—отвѣчали присутствующіе.

— Тамъ себѣ и суди,—грубо сказалъ выведенный изъ себя Никонъ. — Въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ.

— А гдѣ они жили, когда благословили на патріаршество Іова? —возразили патріархи.

— Я въ то время невеликъ былъ, — упрямо отвѣтилъ Никонъ, и замолчалъ.

— И тогда,—замѣтили патріархи Никону, — жили патріархи—Мелетій александрійскій и Іоакимъ Антіохійскій въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ живемъ мы, и однакожъ почитались истинными патріархами. Если же насъ, ради одного переселенія, не считаете законными патріархами, то такъ же незаконны были и тѣ наши предшественники, а въ такомъ случаѣ нельзя считать законнымъ и патріаршества въ Россіи, которое они утвердили.

Послѣ этого, поднялся съ своего мѣста александрійскій патріархъ и сказалъ: — Хоть я и судія вселенной, но буду судить Никона по номоканону (сборникъ церковныхъ правилъ и законовъ). Подайте номоканонъ.

Прочитали 12-е правило антіохійскаго собора „кто потревожитъ царя и смутитъ его царствіе, тотъ не имѣетъ оправданія.“

— Греческія правила не прямыя, — сказалъ Никонъ: печатали ихъ еретики въ Венеціи (греки тогда, находясь подъ властью турокъ, не имѣли своихъ типографій, и принуждены были печатать свои книги въ Италіи,—странѣ католической).

Въ отвѣтъ на эту нѣсколько странную выходку раздосадованнаго Никона, патріархи вознесли похвалами греческій номоканонъ и поцѣловали книгу. Потомъ спросили греческихъ духовныхъ: — принимаемъ ли эту книгу яко праведную и нелестную?

Греки объяснили, что хотя ихъ церковныя книги, за неимѣніемъ типографіи, и печатаются въ Венеціи, но всѣ они принимаютъ ихъ.

Принесли русскій номоканонъ.

Никонъ сказалъ: „онъ неисправно изданъ при патріархѣ Іосифѣ.“

— Какъ это ты Бога не боишься,—закричали со всѣхъ сторонъ: — безчестишь государя, вселенскихъ патріарховъ, всю истину во лжу ставишь!

Дальнѣйшее чтеніе правилъ прервалось. Правда, его отчасти остановилъ самъ Никонъ своими странными и рѣзкими замѣчаніями о неисправной печати этихъ книгъ. Но эти замѣчанія не могли бы служить препятствіемъ къ ближайшему разсмотрѣнію правилъ, относящихся

къ дѣлу Никона, если бы сами члены собора имѣли желаніе войти въ такое разсмотрѣніе. Но они благоразумно воздержались отъ этого, вѣроятно потому, что едва ли можно было найти въ номоканонѣ прямыя правила, на основаніи которыхъ можно было бы низложить Никона. Лишь съ явными и незаконными натяжками они могли приложить къ Никону два или три правила соборныя по поводу его самовольнаго отреченія и противленія царской власти; но чувствуя себя здѣсь на скользкомъ и невѣрномъ пути, они бросили его и поспѣшили поскорѣе произнести обвинительный приговоръ Никону.

Патріархи обратились къ греческимъ архіереямъ съ вопросомъ: „какъ долженъ быть наказанъ Никонъ, нарушитель божественныхъ законовъ, презритель отеческихъ преданій, и проч., и проч.?“ Греки отвѣтили: „да будетъ отлученъ и лишенъ всякаго священнодѣйствія!“

— Хорошо вы сказали, — замѣтили на это патріархи, — пусть будутъ спрошены теперь и русскіе архіереи. Русскіе повторили отвѣтъ грековъ.

Тогда оба патріарха встали, и александрійскій, въ званіи судіи вселенной, произнесъ приговоръ, въ которомъ было сказано, что, по изволенію св. Духа и по власти, данной патріар-

хамъ, вязать и рѣшить, они, съ согласія другихъ патріарховъ, постановляютъ, что отселѣ Никонъ, за свои преступленія, болѣе не патріархъ, и не имѣетъ права священнодѣйствовать, но именуется простымъ инокомъ, старцемъ Никономъ.

При этомъ патріархи кратко перечислили Никону его главныя вины и велѣли итти на подворье. Никонъ возвращался съ засѣданія на Архангельское подворье, уже не смѣя благословлять народа.

Тогда, по разсказу Шушеры, найденъ былъ человѣкъ, переводившій на греческій языкъ грамоту Никона къ константинопольскому патріарху. Это былъ грекъ, по имени Димитрій, жившій у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ. Когда его повели къ царю, онъ до того впалъ въ отчаяніе, ожидая для себя ужасныхъ мукъ, что вонзилъ себѣ ножъ въ сердце.

Но не всѣ изъ членовъ собора одобряли случившееся, нѣкоторые прямо отказались отъ строгаго осужденія Никона, особенно черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, вологодскій архіепископъ Симонъ и коломенскій епископъ Мисаилъ [48]). Лазарь хотя впослѣдствіи и подписался подъ грамотою осужденія и писалъ одному своему единомышленнику, что Никона погубили его самоволіе, упрямство, недостатокъ

смиренія и порывы гнѣва, возставившіе противъ него всѣхъ, но въ тоже время съ глубокою скорбію сожалѣлъ о немъ, какъ о погасшемъ великомъ свѣтилѣ, а объ осужденіи его отзывался, какъ о зрѣлищѣ, изумительномъ для глазъ и ужасномъ для слуха. „Я страдалъ,—восклицаетъ Лазарь,—и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило“ [49]). Что касается Мисаила Коломенскаго, то онъ и самую грамоту осужденія Никона, съ опасностію для себя, не подписалъ: онъ соглашался, что Никона можно лишить патріаршества, но твердо заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя отнять у него архіерейства и священнодѣйствія. — Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, кажется, тронулся горестнымъ положеніемъ своего бывшаго друга и глубоко раскаялся и скорбѣлъ о совершившемся. По крайней мѣрѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторыя показанія, на послѣднемъ засѣданіи, незадолго до обвинительнаго приговора, онъ сошелъ съ своего мѣста и тихо бесѣдовалъ съ Никономъ, такъ что никто не могъ слышать ихъ; при этомъ, будто бы, взявъ патріарха за руку, онъ съ прежнею сердечностію говорилъ ему: „о святѣйшій, зачѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовясь къ собору, какъ бы на смерть? Или думаешь, что я могу

забыть всѣ твои неисчетныя заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанныя во время смертоносной язвы, и прежнюю нашу любовь?! Потомъ укорялъ его за тайную грамоту къ патріарху Діонисію, въ которой Никонъ жаловался ему на государя. Никонъ, будто бы, также тихо отвѣчалъ ему, излагая всѣ на него бывшія крамолы и козни враговъ, извинялся о тайной грамотѣ, и, несмотря на увѣренія царскія, чувствуя, что минувшее уже невозвратимо, предрекъ свое горькое осужденіе [50]).

Эта сердечная бесѣда была послѣдней бесѣдой царя Алексѣя Михайловича съ патріархомъ Никономъ, и засѣданіе то было послѣднимъ свиданіемъ ихъ въ этой жизни. 12 декабря снова собрались вселенскіе патріархи и всѣ духовные члены собора, для торжественнаго низложенія Никона, но уже не въ царскихъ палатахъ, а въ небольшой церкви Благовѣщенія, въ Чудовомъ монастырѣ. Самъ царь не имѣлъ силы противиться происшедшему, но въ тоже время не имѣлъ духа присутствовать при такомъ печальномъ дѣйствіи, какъ низложеніе его бывшаго друга, котораго онъ самъ торжественно возвелъ на патріаршій престолъ; вмѣсто себя онъ прислалъ лишь нѣкоторыхъ изъ бояръ. Не хотѣлъ быть на этомъ засѣданіи и Симонъ, архіепископъ вологодскій и потому притворился

больнымъ. Но его повелѣли привезти хотя-бы больнаго, что и было исполнено. Его привезли на саняхъ, внесли на коврѣ въ чудовскую церковь Благовѣщенія, гдѣ было засѣданіе, и положили тамъ въ углу.

Между тѣмъ всѣ собравшіеся архіереи, уже одѣтые въ мантіи, возложили на себя епитрахили, омофоры и митры, а архимандриты и игумены облачились въ свои священныя одежды. Послѣ того послали за Никономъ Меѳодія епископа мстиславскаго и нижегородскаго печерскаго монастыря архимандрита Іосифа.

Никонъ вошелъ, помолился иконамъ, поклонился патріархамъ дважды въ поясъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей. На немъ была мантія и черный клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ. Сначала приговоръ былъ прочитанъ по-гречески, а потомъ читанъ громогласно по-русски рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ. Въ приговорѣ обвиняли бывшаго московскаго патріарха за то, что онъ самовольно, изъ чувства мщенія, оставилъ свою каѳедру и тѣмъ заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, что удалившись на безмолвіе въ монастырь, онъ, вопреки соборныхъ правилъ, продолжалъ рукополагать и невозбранно совершать все архіерейское и въ тоже время коварно не допускалъ избранія новаго патріарха. Ему

поставили въ вину даже то, что онъ свой Воскресенскій монастырь назвалъ новымъ Іерусалимомъ и разныя мѣста въ немъ Голгоѳою, Виѳлеемомъ, Іорданомъ, „какъ бы глумясь надъ свящ. названіями, а себя хищнически величалъ патріархомъ новаго Іерусалима“. Обвиняли Никона еще въ томъ, что онъ въ недѣлю православія, безъ всякаго соборнаго разслѣдованія, проклиналъ нѣкоторыхъ бояръ и архіереевъ, что онъ самовольно, будто бы, низвергъ коломенскаго епископа Павла и жестоко обращался съ подчиненными, которыхъ онъ наказывалъ кнутомъ, палками, а иногда и пыталъ огнемъ. Главнымъ же образомъ ему поставили въ вину то, что 1) онъ произносилъ хулы: на государя въ письмѣ къ константинопольскому патріарху, называя его мучителемъ неправеднымъ; 2) на всю русскую церковь,—говоря, будто она впала въ латинскіе догматы; а въ особенности на газскаго митрополита Паисія; 3) что на соборъ явился онъ не смиреннымъ образомъ, осуждалъ самихъ патріарховъ, говоря, что они не имѣютъ древнихъ престоловъ и ихъ патріаршія разсужденія называлъ баснями и враками; 4) отвергалъ даже номоканонъ и правила соборовъ, называя ихъ еретическими, потому лишь, что они напечатаны въ западныхъ странахъ.[51])

Послѣ этого перечисленія преступленій Ни-

кона, вселенскіе патріархи встали и объявили Никону, что, вслѣдствіе всего этого, они, „на основаніи каноновъ св. апостоловъ и св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, совершенно низвергли его отъ архіерейскаго сана и лишили священства, да вмѣняется и именуется онъ отнынѣ простымъ монахомъ Никономъ, а не патріархомъ московскимъ, и опредѣлили назначить ему мѣстопребываніе, до конца его жизни, въ какой либо древней обители, чтобы онъ тамъ могъ въ совершенномъ безмолвіи оплакивать грѣхи свои".

— Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить,—воскликнулъ Никонъ. Затѣмъ онъ, по своему обычаю, очень рѣзко, но вмѣстѣ и вѣрно, указалъ внутреннія побужденія, которыми руководствовались патріархи въ судѣ надъ нимъ. „Вы султанскіе невольники, бродяги.—сказалъ Никонъ,—пришли изъ далекихъ странъ не для того, чтобы учинить миръ, или сдѣлать что-либо доброе, а чтобы получить нѣчто потребное себѣ и чѣмъ заплатить дань вашимъ обладателямъ! Откуда вы взяли эти законы, чтобы чинить судъ надо мною такъ дерзновенно? Если я и достоинъ осужденія,—то зачѣмъ вы, какъ воры, привели меня тайно въ эту церковку; зачѣмъ здѣсь нѣтъ его царскаго величества и всѣхъ его бояръ? Зачѣмъ нѣтъ всенароднаго

множества людей Россійской земли? Развѣ я въ этой церкви принялъ пастырскій жезлъ? Нѣтъ, я принялъ патріаршество въ соборной церкви передъ всенароднымъ множествомъ, не по моему желанію и старанію, но по прилежнымъ и слезнымъ моленіямъ царя, слыша страшныя его клятвы, видя слезы народа. Если теперь захотѣлось вамъ осудить меня, то пойдемъ въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня, чему хотите!“

— Тамъ ли, здѣсь ли, все равно,—отвѣчали ему.—Дѣло совершается совѣтомъ царя и всѣхъ благочестивыхъ архіереевъ. А что здѣсь нѣтъ его царскаго величества,—на то его воля.

Послѣ того, александрійскій патріархъ, какъ судія вселенскій, тихо подошелъ къ Никону, снялъ съ головы его патріаршій клобукъ и надѣлъ простой клобукъ, который снялъ съ находившагося вблизи греческаго монаха. Потомъ сняли патріархи съ Никона и сребронозлащенную панагію, украшенную жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями.

— Возьмите это себѣ,—съ горькою усмѣшкою замѣтилъ Никонъ, — раздѣлите жемчугъ между собою: достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы бродяги, турецкіе

невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтобы было чѣмъ дань заплатить султану!

— Возьмите,— продолжалъ Никонъ,— и мою мантію, если желаете!

— Слѣдовало-бы,—отвѣчали ему,—снять съ тебя теперь же и архіерейскую мантію; но, по сильному ходатайству великаго государя, дозволяемъ тебѣ носить ее, пока не прибудешь въ назначенную тебѣ для жительства обитель.

Такимъ образомъ мантіи и посоха не взяли у Никона, кажется болѣе „страха ради всенароднаго“, боясь, какъ бы это не произвело соблазна и возмущенія въ народѣ. Наконецъ, объявивъ ему, что онъ уже не патріархъ, а простой инокъ, и долженъ идти на мѣсто своего покаянія въ Ѳеранонтову обитель, въ бѣлозерскихъ предѣлахъ, отпустили его изъ церкви.

Когда Никона вывели, то, садясь въ сани, онъ громко произнесъ:

— Никонъ! Никонъ! все это тебѣ сталось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если-бы ты устраивалъ дорогія трапезы, да вечерялъ съ ними, то этого бы тебѣ не случилось!

Его повезли, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, на земскій дворъ. За санями шли приставленные къ нему архимандриты. Одинъ изъ нихъ, по имени Сергій, съ злорадствомъ тѣшился паденіемъ патріарха.

— Молчи, молчи, Никонъ! — кричалъ онъ ему.

Воскресенскій экономъ Ѳеодосій, по приказанію Никона, обратился къ нему съ такимъ словомъ: „патріархъ велѣлъ тебѣ сказать, что если тебѣ дана власть, то приди и зажми ему ротъ“.

— Какъ ты смѣешь называть патріархомъ простаго монаха! — закричалъ Сергій.

Въ отвѣтъ послышался голосъ изъ толпы: „что ты кричишь! имя патріаршее дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго!“

Стрѣльцы, по приказанію Сергія, тотчасъ схватили сказавшаго эти слова и отвели куда слѣдуетъ.

— Блажени изгнани правды ради! — сказалъ тогда Никонъ.

Когда его привезли на дворъ, Сергій нарочно сѣлъ, развалясь передъ нимъ, снялъ съ себя камилавку и началъ его въ насмѣшку утѣшать.

Никонъ ночевалъ на земскомъ дворѣ, и за эту тяжелую ночь много пришлось испытать ему ругательствъ, оскорбленій, униженія и притѣсненій отъ Сергія и его приспѣшниковъ.

На другой день царь прислалъ къ Никону Родіона Стрѣшнева съ запасомъ денегъ и разныхъ мѣховъ и одеждъ.

— Его царское величество прислалъ тебѣ все это, — сказалъ Стрѣшневъ, — потому что ты шествуешь въ дальній путь.

— Возврати все это пославшему тебя, и скажи, что Никонъ ничего не требуетъ!—сказалъ Никонъ.

Стрѣшневъ сказалъ, что царь проситъ прощенія и благословенія себѣ и всему своему семейству.

Никонъ благословенія не далъ. „Если бы благовѣрный царь желалъ отъ насъ благословенія,—сказалъ онъ,—онъ бы не явилъ намъ такой немилости. А теперь будемъ ждать суда Божія!“

Отъѣздъ Никона былъ назначенъ въ тотъ же день, 13-го декабря. Какъ тайкомъ отъ народа совершали надъ Никономъ обрядъ низложенія, такъ же тайкомъ рѣшились отправить въ заточеніе, боясь мятежа народнаго. Во избѣжаніе соблазна, народу сказали, что Никона повезутъ черезъ Спасскія ворота по Срѣтенкѣ, и народъ устремился въ Китай-городъ, а Никона повезли черезъ противоположныя ворота. Его провожало 200 стрѣльцовъ. На пути одна вдова поднесла Никону теплую одежду и двадцать рублей денегъ. Онъ принялъ это, какъ милостыню, ни за что не хотѣвши взять что либо отъ царя.

Такимъ образомъ судьба Никона была наконецъ рѣшена, и онъ изъ святѣйшаго патріарха сталъ простымъ чернецомъ. Заслуживалъ ли онъ дѣйствительно такого строгаго приговора

и наказанія? Мы, конечно, не возьмемъ на себя рѣшенія этого вопроса; но судъ надъ Никономъ не имѣлъ законной правильности. Оставивъ безъ вниманія главную сторону дѣла, соборъ остановился преимущественно на разныхъ частныхъ обвиненіяхъ противъ Никона, притомъ воспользовавшись случайнымъ обстоятельствомъ, перехваченнымъ письмомъ его къ патріархамъ, остановился на обвиненіяхъ въ такихъ проступкахъ, которые, положимъ, подвергали его справедливому осужденію, но на которые не обратили бы вниманія, если бы не случилось главнаго. что довело его до суда, но на что судъ не обратилъ надлежащаго вниманія, т. е. самовольнаго оставленія каѳедры на цѣлыхъ девять лѣтъ. И потомъ, какъ разсматривали на соборѣ самыя обвиненія, представленныя противъ Никона? Никонъ стоялъ не предъ судьями, а предъ одними обвинителями, которые собрались только затѣмъ, чтобы высказать ему его вины, дѣйствительность которыхъ они признавали уже не подлежащею сомнѣнію. Когда Никонъ пытался говорить и защищаться, его перебивали, когда онъ утверждалъ, что на него взводятъ ложныя обвиненія, надъ нимъ глумились; враги его перебивали его рѣчь крикомъ, наносили ему оскорбленія, а когда онъ раздосадованный дѣлалъ неприлич-

ныя выходки и въ пылу гнѣва позволялъ себѣ насмѣшки надъ соборомъ, надъ патріархами и т. д.,—этимъ пользовались, чтобы присчитать за нимъ новыя вины. Въ самомъ поведеніи восточныхъ патріарховъ относительно никонова дѣла замѣтно не столько желаніе вникнуть въ него со всею основательностью, сколько желаніе угодить царю и чрезъ то сохранить свои личные интересы, пріобрѣсти болѣе матеріальныхъ выгодъ, получить богатую милостыню изъ рукъ щедраго царя московскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе, если не болѣе, охотно они оправдали бы Никона, какъ теперь осудили его, если бы это согласно было съ желаніемъ Алексѣя Михайловича, и слѣдовательно съ ихъ выгодами: вѣдь не затруднились же впослѣдствіи четыре патріарха разрѣшить Никона, уже умершаго, отъ осужденія, произнесеннаго надъ нимъ ихъ „братіями,“ возвратить ему имя патріарха и прислать прощальныя грамоты, когда ихъ попросилъ объ этомъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Не лишены интереса показанія нѣкоторыхъ современниковъ описанныхъ событій, по которымъ страшная судьба постигла судей Никона. Антіохійскій и Александрійскій патріархи оба, по возвращеніи своемъ на паству, были повѣшены султаномъ за то, что безъ его позволе-

нія ѣздили въ Россію; Паисій Лигаридъ, обличенный во многихъ злоупотребленіяхъ, лишенъ былъ своей паствы и выгнанъ изъ Россіи; Іосифъ, архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, астраханскій, мучительски убитъ казаками; Иларіонъ рязанскій преданъ былъ суду за нѣкоторые предосудительные поступки и отставленъ отъ епархіи; Меѳодій, епископъ Мстиславскій, удаленъ отъ блюстительства кіевской митрополіи, и за измѣну и мятежничество потребованъ къ суду въ Москву и подъ стражею скончался въ Новоспасскомъ монастырѣ [52]).

ГЛАВА XII.

Путь въ Ѳерапонтовъ монастырь.—Тяжелая жизнь тамъ.—Послѣдующія засѣданія большаго московскаго собора.—Усиленія раскола по причинѣ низверженія Никона.—Обаятельная сила его личности, отношенія къ нему монаховъ и окрестныхъ жителей.—Сношенія съ нимъ царя.—Страданія Никона.—Письма его къ царю.—Облегченіе его участи. — Врачебная дѣятельность Никона. — Дружественныя отношенія къ нему царя и непріязненныя патріарха Іоакима. — Смерть Алексѣя Михайловича.—Доносы на Никона. — Переводъ его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; тяжелая жизнь тамъ.—Препятствія со стороны патріарха Іоакима переводу его въ Воскресенскій монастырь.—Прощальное письмо Никона къ воскресенскимъ инокамъ.—Разрѣшеніе переселиться къ нимъ.—Путешествіе Никона и его кончина.—Погребеніе. — Разрѣшительная грамота восточныхъ патріарховъ.—Благоговѣйное почитаніе памяти патріарха Никона.—Надгробныя о немъ стихи.

Народъ, по свидѣтельству очевидцевъ, глубоко скорбѣлъ, что лишился своего архипастыря, и волненіе въ Москвѣ было немалое. Впрочемъ, неосторожныхъ хватали, а нѣкоторые изъ прямыхъ доброжелателей Никона много пострадали, подверглись тѣлеснымъ истязаніямъ и пыткамъ, заточены въ темницы, сосланы въ ссылку.

Между тѣмъ Никона везли въ отдаленный Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь съ великою поспѣшностью. При этомъ его всегда тщательно окружали стрѣльцы, какъ бы преступ-

ника, чтобы ни на минуту не допускать къ нему его единомышленниковъ. Не мало терпѣлъ Никонъ по дорогѣ и утѣсненій всякаго рода и нужды отъ жестокой зимней стужи и недостатка пищи. Слѣдовавшіе за Никономъ его приверженцы и ученики также не имѣли теплой одежды. Тогда Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, провожавшій Никона до рѣки Клязьмы, изъ состраданія къ низложенному патріарху, отдалъ ему свою шубу, чтобы укрыть отъ стужи; прочіе же не только не имѣли къ нему сожалѣнія, но даже лишали его иногда насущнаго хлѣба и такимъ образомъ обращались съ нимъ до самого мѣста его заточенія. Остановки на пути были рѣдкія и короткія, притомъ въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ; людныхъ селъ и монастырей избѣгали. Поспѣшность же въ пути была такова, что однажды разбѣжавшіяся лошади ударили сани Никона о дерево, отчего онъ получилъ жестокіе ушибы; въ другой разъ, при переправѣ черезъ Шексну такъ гнали лошадей, что съ разбѣгу налетѣли на какую то острую корягу, которая проткнула сани и постланные въ нихъ войлоки, нанесла сильный ударъ Никону и потомъ сломилась.

Къ 21 декабря Никонъ съ своими спутниками, еще до разсвѣта, прибылъ въ Ѳерапонтовъ монастырь и встрѣченъ былъ лишь однимъ

игуменомъ, который и отвелъ ему для помѣщенія двѣ больничныя, закоптѣлыя и душныя келліи. Мало того: вскорѣ, по приказанію царскаго пристава Наумова, окна всѣ были наглухо заколочены желѣзными рѣшетками; при дверяхъ была поставлена стража, которая никого не пропускала къ келліи, даже не подпускала близко къ нимъ.

Съ наступленіемъ утра, къ Никону явились сопутствовавшіе ему архимандритъ Іосифъ и полковникъ Шепелевъ и объявили, что, по указу царскому и благословенію патріарховъ и собора, они должны взять отъ него, Никона, архіерейскую мантію и посохъ. Никонъ отдалъ безъ всякаго возраженія; мантія и посохъ отправлены были въ Москву съ однимъ ѳерапонтовскимъ іеромонахомъ, а сами архимандритъ Іосифъ и полковникъ Шепелевъ съ стрѣльцами остались жить при Никонѣ, для охраны его, впредь до государева указа.

Между тѣмъ въ Москвѣ, съ наступленіемъ 1667 года стали продолжаться засѣданія большаго московскаго собора. Здѣсь избрали, прежде всего, новаго патріарха Іоасафа, повторили осужденіе Никона, нѣкоторыхъ его распоряженій и дѣйствій. Но великое дѣло, представлявшее вѣнецъ всей дѣятельности Никона,—исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ

было соборомъ вполнѣ одобрено и утверждено, а упорные раскольники подверглись ссылкамъ и жестокимъ наказаніямъ. Но расколъ не уничтожался, а распространялся, наказанія не исправляли, а озлобляли раскольниковъ, вездѣ поднимались бунты и страшные мятежи противъ церкви и правительства. Вообще судъ надъ Никономъ и низложеніе его много повредили русской церкви и способствовали лишь усиленію раскола. Расколоначальники торжествовали: судъ надъ Никономъ, осужденіе и паденіе его въ глазахъ людей неразсудительныхъ и суевѣрныхъ служили очевиднымъ доказательствомъ мнимой правоты раскола и неправды Никона. Къ тому же правительство стало прибѣгать по отношенію къ расколоучителямъ къ страшнымъ пыткамъ, истязаніямъ и казнямъ, чего не было при Никонѣ, напр. сожигали ихъ, — и это еще болѣе озлобляло фанатиковъ. Между тѣмъ, другихъ, болѣе разумныхъ, мѣръ не предпринимали, ума и энергіи Никона ни у кого не было. Вообще можно съ большою увѣренностью сказать, что осужденіемъ и низложеніемъ Никона отцы собора 1666 г. не мало вреда причинили русской церкви и способствовали утвержденію въ ней раскола.

Возвратимся къ Никону. —Въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ онъ содержался первое время весьма

строго: къ нему никого не пускали, ему запрещено было писать и получать письма. Столъ ему велѣно было готовить особый, изъ государевыхъ припасовъ, но онъ долгое время питался лишь общею братскою трапезою и не хотѣлъ изъ государевыхъ припасовъ принимать ничего.

Обаяніе низложеннаго патріарха и въ его униженіи все еще было такъ велико, что многіе продолжали почитать его, какъ патріарха. Однажды къ приставу Наумову обратился одинъ монахъ отъ имени Никона, чтобы Наумовъ послалъ за запасами въ воскресенскій монастырь,— потому-де государевыхъ запасовъ принимать патріарху не гоже. „Какъ ты смѣешь называть Никона патріархомъ“!—воскликнулъ Наумовъ.— „Тебя я не слушаю,—отвѣчалъ монахъ,—а Никона и впередъ буду называть патріархомъ, и подъ благословеніе ходить; слышали мы и то, что теперь поставленъ новый патріархъ Іоасафъ, и то не прямой патріархъ, и вселенскіе патріархи непрямые, отставные и нанятые“... Впослѣдствіи самъ Наумовъ началъ величать Никона патріархомъ. Также ѳерапонтовскій игуменъ и архимандритъ, приставленные къ Никону, называли его патріархомъ, подходили къ нему подъ благословеніе, поминали на ектеніяхъ по прежнему.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ сталъ пользоваться и большею свободою. Изъ сосѣднихъ селъ, городовъ и монастырей къ нему стали съѣзжаться монахи, черницы и всякихъ чиновъ люди: всѣ эти гости подходили къ Никону подъ благословеніе, цѣловали его руку, величали патріархомъ, сидѣли у него въ келліи съ утра до вечера, испрашивая его совѣта и архипастырскаго благословенія.

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ измѣнился въ своихъ чувствахъ къ Никону. На соборѣ онъ сильно былъ раздраженъ на него, горько жаловался на него восточнымъ патріархамъ. Но когда дѣло кончилось, приговоръ былъ произнесенъ—и вмѣсто святѣйшаго патріарха, великаго государя Никона, въ воображеніи царя явился бѣдный монахъ Никонъ, ссыльный въ холодной пустыни Бѣлозерской, — гнѣвъ прошелъ, прежнее начало пробуждаться, Алексѣю Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... Въ религіозной душѣ царя поднимался вопросъ: похристіански ли поступилъ онъ? не долженъ ли онъ искать примиренія съ Никономъ, хотя и не былъ въ правѣ измѣнять приговора соборнаго? И вотъ царь снова черезъ пристава заговорилъ съ прежнимъ своимъ другомъ о примиреніи. Но Никонъ все еще не успокоившійся, не смирившійся, все еще гнѣвный и къ тому

же стѣсненный суровою жизнью, отвѣчалъ отказомъ. „Ты боишься грѣха, — писалъ онъ царю,—просишь у меня благословенія, примиренія, но я тебя прощу только тогда, когда возвратишь меня изъ заточенія". [33]) Въ сентябрѣ 1667 года царь повторилъ свою просьбу, и Никонъ отвѣчалъ, что благословляетъ царя и все его семейство, но когда царь возвратитъ его изъ заточенія, то онъ тогда проститъ и разрѣшитъ его окончательно.

Но царь не возвращалъ Никона. Приставленный къ Никону архимандритъ Іосифъ въ 1668 году сдѣлалъ доносъ, что къ нему приходили воровскіе донскіе казаки и намѣревались освободить его изъ заточенія. Къ этому, враги Никона не устыдились оклеветать его въ сношеніяхъ съ Стенькой Разинымъ, атаманомъ казацкимъ, поднявшимъ тогда страшный мятежъ. Никонъ защищался передъ царемъ, и царь ему повѣрилъ; тѣмъ не менѣе Никона стали содержать строже: передъ его кельей стояло всегда двадцать стрѣльцовъ съ дубинами; много несчастныхъ, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ опальнымъ патріархомъ, было схвачено и подвергнуто пыткамъ.

Кончина царицы Маріи Ильиничны опять напомнила царю о его прежнемъ „собинномъ" другѣ. Онъ отправилъ въ Ѳерапонтовъ мона-

стырь близкаго человѣка, Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, съ деньгами Никону на поминъ души царицыной. Неуступчивый Никонъ денегъ не взялъ.

Но долгія страданія стали надламывать волю Никона. Среди бѣдствій стала смиряться и непреклонная душа патріарха. Въ тоже время онъ и самъ работалъ надъ собою, стараясь смирить себя молитвами и тѣлесными суровыми подвигами. Онъ вмѣстѣ съ иноками расчищалъ лѣса, устроивалъ огороды въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, копалъ пруды, участвовалъ въ различныхъ постройкамъ. На тѣлѣ онъ носилъ желѣзныя вериги и маленькій серебряный ковчегъ со св. дарами, нынѣ хранящійся въ ризницѣ Воскресенскаго монастыря.

Гнѣвъ отошелъ, взволнованныя страсти успокоились, а страданія слишкомъ тяжело отзывались на ослабѣвшемъ уже организмѣ Никона, силы его замѣтно таяли, — и вотъ въ концѣ 1671 года онъ написалъ царю примирительное письмо и просилъ прощенія за все, въ чемъ былъ виноватъ передъ царемъ. „Я боленъ, нагъ и босъ,—писалъ Никонъ,—сижу въ кельѣ затворенъ четвертый годъ. Отъ нужды цынга напала, руки больны, ноги пухнутъ, изъ зубовъ кровь идетъ, глаза болятъ отъ чада и дыму. Приставы не даютъ ничего ни продать, ни ку-

пить. Никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни не у кого просить... Прошу тебя: ослаби ты мало да почію, преже даже не отъиду“...[54])

Алексѣй Михайловичъ тотчасъ отозвался на это письмо. Въ январѣ 1672 года, поскакалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь Ларіонъ Лопухинъ. Отъ имени царя, называя Никона „святымъ и великимъ отцомъ“, онъ объявилъ ему, что „теперь государь всякія враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ“,[55]) и спрашивалъ, чего собственно онъ, Никонъ, хочетъ. Никонъ просилъ перевести его въ Воскресенскій или Иверскій монастырь.

Царь не перевелъ Никона, по его желанію, ни въ Воскресенскій, ни въ Иверскій монастырь; но приказалъ содержать его въ Ѳерапонтовомъ безъ всякаго стѣсненія. Положеніе несчастнаго патріарха измѣнилось къ лучшему, и онъ отчасти примирился съ своей судьбой. Государь возобновилъ съ нимъ сношенія, писалъ ему дружественныя письма, посылалъ богатые подарки. Такъ по случаю втораго своего брака съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, Алексѣй Михайловичъ прислалъ Никону денегъ 700 рублей, много дорогихъ мѣховъ и тонкаго полотна.

Никонъ принималъ отъ царя содержаніе и

подарки, завелъ собственное хозяйство, читалъ книги и съ особенною любовью занимался леченіемъ больныхъ. Въ келлію къ Никону стекались больные; онъ говорилъ надъ ними молитвы, давалъ лекарства; находившійся при немъ монахъ Мардарій ѣздилъ въ Москву покупать эти лекарства: масло деревянное, ладанъ росный, скипидаръ, траву чечуй, целибоху, звѣробойную, шапатырь, квасцы, купоросъ, камфору, камень безуй.—Замѣчательно, что и теперь враги не оставили Никона въ покоѣ, клеветали на него царю, подучивали клеветать ѳерапонтовскихъ старцевъ, причемъ клеветы были иногда самыя грязныя и невозможныя. Но царь не вѣрилъ клеветамъ. Враги Никона старались даже опозорить врачебную его дѣятельность. Но это было хорошее и святое дѣло на пользу страждущаго человѣчества, и Никонъ многихъ больныхъ съ успѣхомъ вылечивалъ.

Однако долгія страданія, вѣчныя клеветы и непріятности, которыми былъ окруженъ Никонъ, къ концу жизни замѣтно отразились на его характерѣ. Отъ старости и болѣзни онъ ослабѣлъ тѣломъ, въ то же время и свѣтлый умъ его, не имѣя себѣ пищи, сталъ нѣсколько унадать и расходоваться на пустяки. Его стали занимать мелкія дрязги, онъ сталъ брюзгливъ, ссорился съ монахами, которые дѣйствительно

иногда выводили его изъ терпѣнія, всѣмъ былъ недоволенъ, осаждалъ царя постоянными жалобами, а иногда странными доносами. Хотя содержаніе Никона теперь стало обильнымъ, если не роскошнымъ, онъ постоянно жаловался на недостатокъ того или другого, просилъ у царя то присылки новыхъ шубъ, то гостинцевъ, то жаловался, что рыбы свѣжей мало ему идетъ и т. д. Во всемъ этомъ сказывались уже старческая немощь и испытанныя страданія, а не дѣйствительный характеръ Никона, который по природѣ своей былъ чуждъ этихъ мелочей.

Царь терпѣливо принималъ всѣ эти жалобы и объясненія, посылалъ разыскивать, въ чемъ дѣло, успокоивать Никона, устроивать его хозяйство, помѣщеніе, посылалъ подарки, деньги, лакомства.

Между тѣмъ, преемникъ Никона, патріархъ Іоасафъ, скончался въ 1672 году. Послѣ него сталъ патріархомъ Питиримъ, заклятый врагъ Никона; но власть его была безсильна надъ ѳерапонтовскимъ изгнанникомъ, находившеися подъ защитою царя. Впрочемъ, вскорѣ Питиримъ скончался.

Въ патріархи былъ избранъ Іоакимъ. Онъ также былъ заклятымъ врагомъ Никона, хотя и былъ выведенъ послѣднимъ въ люди. Еще въ то время, когда Никонъ самовольно оставилъ

патріаршую каѳедру, Іоакимъ присталъ къ его врагамъ и, въ званіи чудовскаго архимандрита, открыто осуждалъ поведеніе Никона и былъ виновникомъ немалыхъ непріятностей для опальнаго патріарха. Естественно, этотъ новый патріархъ сильно не желалъ возвращенія Никона изъ далекаго изгнанія хотя бы въ Воскресенскій монастырь, и удерживалъ царя, который не прочь былъ теперь приблизить къ себѣ своего бывшаго друга, съ которымъ онъ окончательно примирился, и къ которому сталъ въ послѣднее время жизни весьма милостивымъ. Царь глубоко сожалѣлъ о случившемся, и паденіе Никона считалъ собственнымъ несчастіемъ; потому что послѣ него сряду три патріарха смѣнились передъ его глазами, какъ бы въ тайный упрекъ ему. Тѣмъ не менѣе подъ вліяніемъ патріарха Іоакима и другихъ враговъ изгнаннаго патріарха, владѣвшихъ его волею, государь не могъ рѣшиться возвратить Никона.

Въ 1676 году царь Алексѣй Михайловичъ неожиданно скончался, не достигши старости. На смертномъ одрѣ, онъ вспомнилъ о Никонѣ, жалѣлъ о немъ, тревожился духомъ, что лишенъ его благословенія, раскаявался въ низверженіи его, посылалъ къ нему просить отпустительной себѣ грамоты, а въ своемъ завѣщаніи испрашивалъ у него себѣ прощенія, называя его

своимъ отцомъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ. [56]) Немедленно же новый царь, Ѳедоръ Алексѣевичъ, послалъ къ Никону Лопухина, съ извѣстіемъ о кончинѣ своего отца и съ просьбою разрѣшенія покойному царю на бумагѣ.—Никонъ выслушалъ неожиданное извѣстіе въ сильномъ волненіи, слезы выступили у него на глазахъ... Онъ отвѣчалъ Лопухину: „подражая Учителю своему Христу, повелѣвшему оставлять грѣхи ближнимъ, я говорю: Богъ да проститъ покойнаго“!.. Однако письменнаго разрѣшенія онъ не далъ: въ воспоминаніяхъ Никона всплыли старыя обиды, и доброе чувство было ими заглушено.

Но это послужило лишь во вредъ Никону. Отказъ его дать письменное разрѣшеніе покойному царю огорчилъ молодого царя и подалъ врагамъ Никона орудіе, чтобы сдѣлать худшимъ положеніе изгнанника. На Никона посыпались доносы. Находившійся при немъ писарь Шайсуповъ и старецъ Іона, бывшій прежде келейникомъ у Никона, писали, что „онъ называетъ себя попрежнему патріархомъ, занимается стрѣльбою, застрѣлилъ птицу баклана за то, что птица поѣла у него рыбу; даетъ монахамъ цѣловать руку, называетъ вселенскихъ патріарховъ ворами, лечитъ людей, которые отъ его лекарства умираютъ; напивается пьянъ, разсердившись, дерется

самъ и другимъ приказываетъ бить монаховъ и т. д.“ [57]). Все это было самая грязная ложь и клевета; но доносы эти, безъ сомнѣнія, были написаны въ увѣренности, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, ихъ примутъ на вѣру. Дѣйствительно, никакого разслѣдованія не послѣдовало: патріархъ Іоакимъ, только на основаніи этихъ грязныхъ доносовъ сомнительныхъ личностей, съумѣлъ убѣдить молодого государя, что Никона для исправленія слѣдуетъ перевести въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь подъ строгій надзоръ двухъ старцевъ, которые должны были постоянно жить съ нимъ въ кельи и никого къ нему не пускать. Правда, были отправлены въ Ѳерапонтовъ монастырь особые слѣдователи и дьяки, которые должны были допросить Никона по 300 различнымъ пунктамъ,—но это было сдѣлано лишь для вида. Никонъ отвѣчалъ смѣло и твердо и совершенно опровергъ всѣ взведенныя на него обвиненія. Но все же его перевели въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ окруженъ былъ слишкомъ строгимъ надзоромъ. Притомъ положеніе Никона еще значительно ухудшилось тѣмъ, что помѣщеніе, отведенное для него въ монастырѣ было очень тѣснымъ, неудобнымъ и угарнымъ. Положеніе Никона въ Кирилловомъ монастырѣ было невыносимымъ.

Такъ протомился здѣсь несчастный Никонъ

въ душныхъ кельяхъ около трехъ лѣтъ, всѣми забытый, утѣсняемый и больной. По счастію около юнаго царя нашлось лицо, справедливо и благопріятно относившееся къ Никону: то была царевна Татьяна Михайловна, родная тетка царя Ѳеодора. Она ближе ознакомила своего племянника—царя съ исторіею паденія Никона, напомнила его заслуги всему ихъ семейству во время мороваго повѣтрія и внушила ему благую мысль—отнестись къ знаменитому старцу съ уваженіемъ, котораго онъ заслуживалъ. Съ своей стороны, учитель Ѳеодора, ученый монахъ Симеонъ Полоцкій, также хлопоталъ за сверженнаго патріарха. Царь опять облегчилъ положеніе Никона, не велѣлъ его стѣснять ни въ чемъ. Въ концѣ 1680 года Ѳеодоръ Алексѣевичъ посѣтилъ недостроенный Воскресенскій монастырь, любимую обитель Никона, восхищался постройками, которыя тамъ были воздвигнуты Никономъ, и изъявилъ желаніе, чтобы эти постройки были Никономъ же и довершены при жизни его. Выразивъ это желаніе, юный царь какъ-бы угадалъ задушевную мысль самого Никона, которому хотѣлось окончить жизнь въ Воскресенскомъ монастырѣ и тамъ же быть погребеннымъ. Съ своей стороны, иноки Воскресенскаго монастыря подали царю челобитную и умоляли возвратить имъ Никона, „какъ пастыря къ стаду, какъ

кормчаго къ кораблю, какъ главу къ тѣлу". Царь предложилъ Никону переселиться въ Воскресенскій монастырь, на что тотъ съ радостію согласился. Но давній и неумолимый врагъ Никона, патріархъ Іоакимъ, рѣшительно воспротивился этому. Мелкій и мстительный, къ тому же весьма ревнивый къ своей власти, онъ боялся, чтобы такъ близко отъ царя находился этотъ великій человѣкъ, бывшій патріархомъ, и еще теперь, не смотря на свое униженіе, не потерявшій обаянія въ глазахъ многихъ. „Дѣло учинилось не нами,—говорилъ Іоакимъ царю,—а великимъ соборомъ и волею святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ: не спесясь съ ними, мы не можемъ этого сдѣлать". Царь, нѣсколько разъ повторивши такую просьбу, созвалъ соборъ; но и соборъ, руководимый патріархомъ Іоакимомъ, не исполнилъ желанія царя. Царь только написалъ къ Никону утѣшительное письмо.

Между тѣмъ Никонъ сталъ изнемогать. Кирилловскій архимандритъ извѣстилъ патріарха, что заточникъ при смерти, принялъ схиму, причастился и соборовался; архимандритъ испрашивалъ особыхъ распоряженій на счетъ похоронъ, гдѣ положить, какъ поминать. Іоакимъ велѣлъ похоронить Никона, какъ простаго монаха.

Тѣмъ временемъ самъ умирающій патріархъ послалъ письмо къ братіи Воскресенскаго мона-

стыря, въ которомъ увѣдомлялъ о своей тяжкой болѣзни, „а милость великаго государя была,— писалъ онъ,—что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять, по вашему челобитью, и писалъ—жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилося, а его милостиваго указу нѣтъ, умерть мнѣ будетъ внезапу. Пожалуйте, чада моя, не помните моей грубости: побейте челомъ еще о мнѣ великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погибнуть, моего житья конецъ приходитъ".

Воскресенскіе монахи подали это письмо государю; онъ показалъ его патріарху, другимъ архіереямъ, умоляя ихъ сжалиться надъ умирающимъ страдальцемъ—заточникомъ и исполнить его предсмертное, послѣднее желаніе. На этотъ разъ патріархъ и освященный соборъ благословили царя возвратить Никона изъ заточенія.

Немедленно царь послалъ дьяка Чепелева перевести Никона „живаго или мертваго" въ Воскресенскій монастырь. Это было въ 1681 году. Съ радостью принялъ Никонъ царскую милость и немедленно изготовился къ пути, не смотря на тяжкую болѣзнь, которая мало оставляла надежды на его выздоровленіе. До рѣки Шексны Никона съ большимъ трудомъ провезли на саняхъ (это было въ августѣ), а по Шекснѣ—

на стругѣ (рѣчномъ суднѣ), на которомъ устроено было для больнаго старца переносное дорожное ложе. Изъ Шексны, по желанію Никона, поплыли не вверхъ по Волгѣ, а внизъ — до Ярославля. Его сопровождали въ этомъ плаваніи дьякъ Чепелевъ, Кирилловскій архимандритъ Никита и нѣсколько иноковъ. Вездѣ по берегу стекался народъ, просилъ благословенія и приносилъ все потребное Никону.

16-го августа утромъ достигли они Толгскаго монастыря, близъ Ярославля. Здѣсь Никонъ почувствовалъ себя такъ дурно, что пріобщился Св. Таинъ и приготовился къ смерти. Однакоже онъ готовился продолжать путь и переплыть на другую сторону Волги къ Ярославлю. Здѣсь явился къ нему архимандритъ Сергій, тотъ самый, который издѣвался надъ нимъ во время его низложенія. Сергій кланялся ему въ ноги, просилъ прощенія за прежнее и говорилъ, что оскорблялъ его по неволѣ, творя угодное собору. Никонъ простилъ его.

На другой день, 17-го августа, Никона повезли на другой берегъ рѣки. Сергій сопровождалъ его въ стругѣ. У берега рѣки Которосли, противъ Спасскаго монастыря, стругъ остановился. Толпы народа сбѣжались на берегъ— на встрѣчу Никону. Всѣ спѣшили, наперерывъ, изъявить ему свою радость и благоговѣніе, цѣ-

луя со слезами его руки и ноги. Граждане вступили въ воду и съ большимъ трудомъ потащили стругъ на себѣ къ Спасскому монастырю по мелководной Которосли. Изъ Спасскаго монастыря, на встрѣчу Никону, вышли настоятель съ братіею и воевода Ярославскій. Усердіе гражданъ и знаки глубокаго уваженія, оказываемые ему всѣми гражданами, только истощали послѣднія силы умирающаго. Никонъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи и ничего уже не могъ говорить. Тогда царскій дьякъ и Кирилловскій архимандритъ рѣшили отодвинуть стругъ къ противоположному берегу. День склонялся къ вечеру. Вдругъ Никонъ встрепенулся, немного ободрился, оглянулся вокругъ себя и началъ оправлять себѣ волосы, бороду, одежду, какъ-будто готовясь въ путь. Архимандритъ Никита понялъ, что настаетъ послѣдній часъ его, и началъ читать отходную. Никонъ протянулся на постели, сложилъ крестообразно руки на груди, вздохнулъ и тихо скончался. Это совершилось 17-го августа 1681 года, въ 4 часа пополудни. Патріарху Никону исполнилось тогда 76 лѣтъ отъ рожденія.

Дьякъ поспѣшилъ въ Москву извѣстить о смерти бывшаго патріарха. Ему встрѣтилась царская карета, посланная за Никономъ.

Царь приказалъ привезти тѣло Никона въ

Воскресенскій монастырь и отправилъ къ патріарху Іоакиму приглашеніе ѣхать на погребеніе со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

— Воля государева,—сказалъ Іоакимъ,—я на погребеніе поѣду, а именовать Никона патріархомъ не буду и назову его просто монахомъ. Такъ соборъ повелѣлъ. Если царь захочетъ, чтобы я его именовалъ патріархомъ, я не поѣду.

— Я, — сказалъ царь, — все беру на себя и самъ буду просить вселенскихъ патріарховъ, чтобы дали разрѣшеніе и прощеніе покойному патріарху.

Патріархъ Іоакимъ былъ неумолимъ, но отпустилъ новгородскаго митрополита Корнилія, позволивъ ему поминать Никона такъ, какъ царь ему прикажетъ.

Погребеніе было совершено въ Воскресенскомъ монастырѣ новгородскимъ митрополитомъ Корніліемъ съ нѣсколькими архимандритами; другихъ архіереевъ не было. Стеченіе народа было громадное, поразительное. При всѣхъ молитвословіяхъ усопшій, по повелѣнію государя, поминаемъ былъ патріархомъ. Литургія и погребеніе продолжались девять часовъ съ половиной. При отпѣваніи государь самъ читалъ каѳизмы и апостолъ, а при послѣднемъ цѣлованіи Никона, со слезами, по древнему обычаю, облобызалъ его руку, чему послѣдовали весь

дворъ, духовенство и народъ, вздохи котораго превратились наконецъ въ рыданія. Когда послѣ того гробъ былъ закрытъ крышею, на нее были положены загашенныя свѣчи, какъ бы въ знакъ того, что всякая вражда погашается [58]). Потомъ на рукахъ іереевъ тѣло святѣйшаго Никона было вынесено въ церковь св. Іоанна Предтечи подъ Голгоѳою, гдѣ самъ Никонъ ископалъ себѣ ранѣе могилу, когда, удалившись съ патріаршей каѳедры, жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. — Склепъ этотъ не болѣе трехъ аршинъ; надъ нимъ сдѣлана тумба, украшенная мѣдными веригами, вѣсомъ въ 15 фунтовъ, которыя Никонъ всю жизнь носилъ на себѣ; на тумбу въ томъ же году положенъ былъ бархатный покровъ, пожалованный великою княжною Татьяною Михайловною; на немъ вышиты крестъ и разные святые, изображенные лежащими на гробницахъ. Впослѣдствіи, въ 1757 году, такой же покровъ на гробъ Никона изъ богатой парчи, украшенной золотымъ газомъ, съ вышитымъ на немъ крестомъ съ брилліантами и алмазами, присланъ былъ отъ императрицы Елисаветы Петровны, благоговѣвшей къ памяти великаго патріарха московскаго.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по возвращеніи въ Москву съ похоронъ Никона, собственноручно написалъ четыремъ восточнымъ патріар-

хамъ грамату, въ которой просилъ ихъ о разрѣшеніи Никона и причисленіи его снова къ русскимъ патріархамъ. Восточные патріархи, въ виду великихъ качествъ, добродѣтелей и подвиговъ Никона на паствѣ, страданій и высокаго смиренія въ заточеніи, прислали за своими подписями и печатями разрѣшительныя граматы отъ всего, въ чемъ онъ былъ связанъ ихъ предшественниками и пріобщили его къ лику патріарховъ всероссійскихъ. Тогда и московскій патріархъ Іоакимъ по неволѣ принужденъ былъ именовать Никона патріархомъ, и съ тѣхъ поръ церковь русская единогласно всегда поминала и поминаетъ великаго страдальца святѣйшимъ патріархомъ всероссійскимъ.

Такимъ образомъ Никону возвращены по смерти тѣ почести и титулы, которые были отняты у него при жизни. Кончина его положила предѣлъ гоненіямъ, какія воздвигла на него пылкость его характера. Паденіе Никона было не менѣе славно, чѣмъ и возвышеніе его. Опала, столь страшная и убійственная для другихъ, подавляющая малодушныхъ, для него послужила горниломъ очищенія, въ которомъ самородное золото дѣлается еще чище и драгоцѣннѣе.

Память святѣйшаго патріарха Никона и донынѣ для всѣхъ такъ драгоцѣнна, что богомольцы, пріѣзжающіе въ Воскресенскій монастырь,

основанный патріархомъ, въ засвидѣтельствованіе благоговѣйныхъ къ нему чувствъ, приносятъ молитвы Богу о упокоеніи его души. Даже монархи русскіе предъ его гробомъ преклоняютъ свои вѣнценосныя главы. Въ 1797 году императоръ Павелъ I посѣтилъ Воскресенскую обитель, разсматривалъ въ ней съ великимъ любопытствомъ и вниманіемъ все находящееся, возлегъ на каменный одръ, на которомъ уединявшійся Никонъ нерѣдко покоился, и, поцѣловавъ каменное возглавіе, сказалъ: „такъ то великій Никонъ смирялъ себя! Труды его достойны нашего уваженія“!

Въ заключеніе приводимъ не лишенные интереса надгробные стихи, составленные, при отпѣваніи патріарха Никона, бывшимъ въ то время архимандритомъ Воскресенскаго монастыря Германомъ. Стихи эти тогда же были вырѣзаны на камнѣ у подножія Никонова гроба.

Аще кто любитъ милость Бога къ земнымъ знати,
Кій даръ благимъ даетъ, сей изволь читати:
Здѣ пришедъ, о лежащемъ во гробѣ семъ внимай,
Суща въ мірѣ вся, како той остави, познай!
Горнихъ ища, родитель весьма отречеся,
Братства Анзеръ при морѣ монахомъ причтеся.
Единъ въ Кожѣ—езерствѣй не мало въ пустыни,
Отъ печали удаленъ, живяше въ святыни:
Рвы врага и вся сѣти удобь прохождаше,
Хранити братство ради тѣхъ принужденъ бяше.

Маніемъ дивнымъ даде ему стражу стада.
Постави Богъ пастыря всего и ограда,
Архіерея Руссіи всей преименита,
И Отца Святѣйша всемъ концемъ знаменита,
Никона патріарха невѣрнымъ всѣмъ страшна,
Слоговъ правыхъ, вѣры дѣлъ снискателя ясна,
Вся добрѣ шесть лѣтъ съ Царемъ въ совѣтѣ
исправльши,
Узрѣ врагъ того, многихъ отъ бѣдъ люта вставльши,
Подвиже въ начальныхъ и меньшихъ зависть дерску,
Рать ту зря, онъ въ обитель сходитъ Воскресенску.
Абіе зиждетъ въ образъ Іерусалимскій,
Воскресшаго великій храмъ, яко Палестинскій.
Мѣсто всѣхъ страстей Спаса и гроба Святаго
У тѣхъ же найденіе и креста честнаго,
Яко да видя тоя, присно поминаемъ
Сыновство, имъ-же пріяхомъ; да не забываемъ.
Тоя зря діаволъ, отъ злобъ не престаетъ,
Огнь себѣ подгнѣщая, того изгоняетъ
Отъ мѣста его, въ немъ же поживе девять годовъ;
Любезно совершая подвигъ многихъ трудовъ,
Тщательнѣ во изгнаніи животъ си проводи.
Въ лѣто пятонадесять того Богъ возврати
Царя егда воздвиже къ тому благосерда,
Феодора и ко всей церкви милосерда,
Алексѣевича, Царю въ похвалу и славу,
Чадо благо, отцу честь сотворша въ семъ праву,
Самодержца Великихъ Царствъ тако преславна,
Всеа Руссіи Владыку ясна презрядна,
Его-жъ въ милости отъ узъ скорбн бысть свободенъ,
По воли Бога преставися лѣты доволенъ;
Положися во гробъ Царскими рукама,

Спричтенъ Архіереомъ паки того-жъ устнама.
И елико въ памяти творися всѣмъ явно,
Семь тысячъ сто осьдесять девятаго славно
Стократно воздающа Царь Бога подражая,
Девять десять девять агнь оставша являя,
Августа въ двадесять шестомъ за симъ пріиде
Родственнѣ положися яко той отыде
Христу въ надеждѣ оставль земна, къ нему
же мы,
Моляся, зовемъ: покой духъ его съ Святыми!

Примѣчанія.

[1]) См. у Шушерина, изд. 1871 г. стр. 4. Ср. Костомарова въ статьѣ „Патріархъ Никонъ“, 2 т. Р. Ист. въ жизнеописаніяхъ. — XVII ст., стр. 158.

[2]) Арх. Аполлоса „начертаніе житія и дѣяній Никона“, стр. 8.

[3]) Шушеринъ, стр. 6.

[4]) См. преосв. м. Григорія Ист. древ. церк. ч. II, стр. 304.

[5]) Будучи патріархомъ, Никонъ одарялъ его и братію деньгами и жизненными припасами, какъ это видно изъ его грамотъ, напечат. въ Опис. Солов. мон. архим. Досиѳея, ч. I, стр. 354—355.

[6]) Шушеринъ, стр. 11.

[7]) См. письма ц. Ал. Мих., напеч. въ приложеніи къ „Начертанію житія Никона“ архим. Аполлоса. Также у Костомарова, 2 т. стр. 161.

[8]) Собр. гос. грам. и догов. III, № 147.

[9]) См. „Начертаніе житія Никона“ Аполлоса, въ прилож. № 3. Ср. Соловьева Ист. Россіи, т. 10 стр. 183.

[10]) Аполлоса „Начертаніе“, прил. № 1. Соловьева, т. 10, стр. 183—184.

[11]) Аполлоса „начерт.“, прил. № 2.

[12]) Тамъ же, № 1.

[13]) См. соч. Плечко „Москва“, стр. 267.

[14]) См. письмо Никона къ царю, напеч. въ прил. къ начертанію его жизни Арх. Аполлоса, № 8.; Шушеринъ, стр. 23.

[15]) См. статью „Діаконъ Ѳеодоръ“ въ правосл. собесѣдн. 1859 г.

[16]) Костомарова Р. ист. въ жизнеоп., т. 2, стр. 173—174.

[17]) См. статью „опроверженіе раск. клеветъ на патр. Никона“ въ приб. къ Тв. С. О. 1860 г. стр. 327, 328, 333.

[18]) Тамъ же.

[19]) Объ этомъ передаетъ откровенно даже самый ярый расколоучитель протопопъ Аввакумъ. См. его жизнеопис. Ср. Пр. къ тв. С. О. 1860 г. стр. 332.

[20]) Тамъ же, стр. 338—339.

[21]) См. возраж. на 23 вопр. Стрѣшнева, рукопись м. Д. А. л. 153.

[22]) Ист. Р. цер. Филарета. ч. 4. прим. 402.

[23]) См. Посланіе это въ прил. къ начерт. ж. Ник. архим. Аполлоса, № 6.

[24]) Акты арх. эксп. IV, № 71.

[25]) Ист. Соловьева, т. XI, стр. 256.

[26]) См. письмо Ник. въ изложк. Костомарова, Р Ист. т. 2, стр. 187.

[27]) См. приб. къ Тв. Св. От. 1860 г. стр. 358. прим.

[28]) Письмо Никона отъ 1659 г. См. Костомарова, стр. 187.

[29]) Письмо Ник. къ царю отъ 1661 г., см. въ изложеніи Соловьева т. XI, стр. 272.

[30]) Ист. Соловьева, XI, 260.

[31]) Приб. къ Тв. Св. От. 1860 г. стр. 357, примѣч.

[32]) Ист. Соловьева, XI, 261 стр.

[33]) Приб. къ Тв. Св. От. 60 г. стр. 355, прим.

[34]) Какъ это видно изъ письма и показанья Зюзина, излож. въ Ист. Соловьева, XI т. стр. 303—305. Что Зюзину въ настоящемъ случаѣ можно вѣрить, — объ этомъ см. въ приб. къ Тв. Св. От. 60 г. стр. 356, прим.

[35]) Помѣщено у Соловьева, XI т. 262—263. Костомаровъ, стр. 186—188.

[36]) Костомаровъ, стр. 188.

[37]) Тамъ-же, стр. 186. прим.

[38]) Исторія Соловьева XI т. стр. 270—71.

[39]) Тамъ же.

[40]) Костомаровъ, 190—191 стр. Соловьевъ, 272—275 стр

[41]) „Молитва его да будетъ грѣхомъ, да будутъ дни его кратки, достоинство его да получитъ другой; дѣти его да будутъ сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавецъ захватитъ все, что у него есть и чужіе люди разграбятъ труды его; пусть дѣти его скитаются и ищутъ хлѣба внѣ своихъ опустошенныхъ жилищъ“ и пр.

[42]) Собр. гос. грам. и дог. ч. IV, стр. 135—137 Ист. Соловьева XI т., стр. 292—293.

[43]) См. въ изл. Костомарова, стр. 196—197.

[44]) Аполлоса „нач. жит. Ник.“ прил. № 21.

[45]) Подробное изложеніе этого письма см. у Соловьева т. XI, стр. 307—310.

[46]) Изложеніе обвин. записки Лигарида см. въ статьѣ Субботина „дѣло патр. Никона“.

[47]) Шуш. стр. 65.

[48]) Аполлоса начерт. жит. Ник., стр. 76.

[49]) Ист. Р. ц. Макарія, т. XII, стр. 745.

[50]) Шуш. стр. 66—68. Аполлоса, стр. 78.

[51]) Подлинный приговоръ надъ Никономъ напеч. въ

собр. госуд. грам. IV, № 53 и въ Д. Р. Вивліов. III, 401—407.

[52]) Такъ свидѣтельствуетъ Спир. Потемкинъ, современникъ этого событія, см. его рукоп. сочиненіе. Ср. Аполлоса, стр. 80.

[53]) Костомаровъ, стр. 213. Соловьевъ, XI т., стр. 128.

[54]) Костомаровъ, стр. 213. Соловьевъ стр. 336—338.

[55]) Тамъ же, стр. 339.

[56]) Ист. церк. Иннокентія, стр. 576 и Хр. ц. Ист. м. Платона т. 2, стр. 242, гдѣ между прочимъ изъ духовнаго завѣщанія царя Алексѣя Михайловича напечатаны слѣдующія слова: „ Отъ отца моего духовнаго, великаго Господина, святѣйшаго Іерарха и блаженнаго Пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ, Богу такъ изволившу, прощенья прошу и разрѣшенія“.

[57]) Солов. XIII, 235—236. Костомаровъ, 218 стр.

[58]) См. Арцыбашева. Повѣствованіе о Россіи, I, стр. 61, пр. 454.

[59]) См. Аполлоса начерт. ж. Ник. стр. 93—95.

ОПИСАНІЕ

ВОСКРЕСЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ИМЕНУЕМАГО

„НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ,“

ЕГО СВЯТЫНЬ и ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ.

КРАТКІЙ

историческій очеркъ Воскресенскаго монастыря послѣ патріарха Никона до нашихъ дней.

Воскресенскій монастырь, именуемый Новый Іерусалимъ, относится къ числу первоклассныхъ мужскихъ ставропигіальныхъ монастырей. Онъ находится въ звенигородскомъ уѣздѣ московской губерніи, приблизительно верстахъ въ 45 отъ Москвы и отъ Звенигорода верстахъ въ 20-ти. Изъ Москвы къ нему ведутъ два пути: одинъ по Большой Волоколамской дорогѣ, по которой теперь устроено шоссе, другой—черезъ крюковскую станцію Николаевской желѣзной дороги; отъ этой станціи Воскресенскъ отстоитъ верстъ на 20.

Какъ было уже сказано выше, основателемъ Воскресенскаго монастыря былъ святѣйшій патріархъ всероссійскій Никонъ, который и началъ построеніе его въ 1656 г. въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича. Когда впослѣдствіи

Никонъ подпалъ царскому гнѣву и былъ заточенъ сначала въ Ѳерапонтовъ монастырь, а потомъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій, еще только начатая строеніемъ обитель эта, какъ созданіе Никона, была предана полному забвенію, и строеніе ея прекратилось. Это продолжалось 14 лѣтъ, и уже по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, благодаря усиленному ходатайству царевны и великой княжны Татьяны Михайловны, духовной дочери патріарха Никона, державный племянникъ ея царь Ѳедоръ Алексѣевичъ обратилъ вниманіе на эту забытую обитель. 5 сентября 1679 года, онъ посѣтилъ впервые Воскресенскій монастырь, поразился красотою мѣстоположенія и величественностью только на половину возведеннаго соборнаго Воскресенскаго храма, и повелѣлъ продолжать построеніе его на государственный счетъ. Ревность царя къ этому дѣлу получила новое побужденіе послѣ погребенія здѣсь въ 1681 году святѣйшаго патріарха Никона, скончавшагося на пути сюда изъ заточенія и на смертномъ одрѣ поручившаго царю исполненіе своей завѣтной мысли. Ближайшими надзирателямя и распорядителями работъ по постройкѣ Воскресенскаго храма были поставлены царскій родственникъ Лихачевъ и старецъ Сергѣй Турчаниновъ, избранный для этого дѣла еще патріархомъ Никономъ при са-

момъ началѣ построенія храма. Работа пошла быстро и успѣшно. При жизни царя Ѳеодора Алексѣевича храмъ былъ доведенъ строеніемъ только до сводовъ. Кончина государя не остановила работы, благодаря вліянію благочестивой царевны Татьяны Михайловны на царя Іоанна Алексѣевича и правительницу царевну Софію. Такимъ образомъ въ дни царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ 1684 году, соборная церковь Воскресенія Христова была совсѣмъ окончена. Въ слѣдующемъ 1685 году 18-го января она была освящена патріархомъ Іоакимомъ съ преосвященнымъ Варсонофіемъ митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, Гавріиломъ архіепископомъ Вологодскимъ, Аѳанасіемъ архіепископомъ Холмогорскимъ, съ архимандритами и игумнами, въ присутствіи царя Іоанна Алексѣевича, государынь царицъ и царевенъ Татьяны Михайловны и Софіи Алексѣевны, при громадномъ стеченіи народа. Въ то же время въ монастырѣ были сооружены и многія другія постройки. Тогда же, по повелѣнію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, была начата постройка церкви во имя Рождества Христова; но окончена она была много позднѣе.

Вскорѣ Воскресенскій монастырь, не смотря на усердіе и богатые вклады монарховъ русскихъ и другихъ благотворителей, по разнымъ

несчастнымъ случаямъ сталъ приходить въ упадокъ. Особенно пострадалъ онъ въ 1726 году 17 сентября, когда отъ сильнаго пожара онъ почти весь выгорѣлъ, и ранѣе, послѣ разрушенія, въ 1723 году 23 мая, надъ гробомъ Господнимъ шатра. Послѣ этого знаменитая обитель патріарха Никона снова была предана забвенію, до счастливыхъ для русской церкви дней царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Эта благочестивая государыня отличалась набожностью и религіозностью и съ любовію заботилась о благолѣпіи храмовъ Божіихъ. Она любила ѣздить въ различныя обители на богомолья; побывавши въ Воскресенскомъ монастырѣ, она поразилась при видѣ величественнѣйшаго, единственнаго въ своемъ родѣ по грандіозности и красотѣ архитектуры, храма Воскресенскаго, въ то время полуразрушеннаго; въ то же время она плѣнилась красотою мѣстоположенія монастыря и его окрестностей, и не могла видѣть такого упадка этой славной обители, созданія святѣйшаго патріарха Никона, память котораго она съ дѣтскихъ лѣтъ такъ благоговѣйно почитала. Императрица рѣшилась воздвигнуть Воскресенскій монастырь изъ развалинъ, что и исполнила въ самое непродолжительное время. Она сама въ это время живала иногда по недѣлѣ въ монастырѣ и принимала дѣятель-

ное участіе въ его возобновленіи, сама наблюдала за постройками, разбирала съ приближенными различные планы и проэкты, снабдила монастырь необходимыми на возобновленіе монастыря деньгами, своимъ примѣромъ привлекая къ этому дѣлу и другихъ богатыхъ и знатныхъ благотворителей. Строителемъ, избраннымъ ею для этого дѣла, былъ префектъ александроневскаго духовнаго училища Амвросій Зертисъ-Каменскій (впослѣдствій архіепископъ Московскій), котораго она въ 1748 году именнымъ указомъ повелѣла произвести въ архимандриты Воскресенскаго монастыря, сдѣлавъ его при этомъ членомъ Святѣйшаго Синода, и поручила ему возобновленіе обители. Одушевленный монаршимъ благоволеніемъ, Амвросій, при руководствѣ знаменитѣйшаго въ то время архитектора графа де-Растрелли, охотно принялъ возложенное на него дѣло и выполнилъ его съ успѣхомъ. Очистивъ развалины разрушившагося въ 1723 году надъ гробомъ Господнимъ шатра, онъ приступилъ къ украшенію соборной церкви и обновилъ ее какъ внутри, такъ и снаружи. Онъ украсилъ гробъ Господень, устроилъ надъ нимъ великолѣпнѣйшій шатеръ, отдѣлалъ въ соборномъ храмѣ всѣ придѣлы. Словомъ, какъ весь соборный ново-іерусалимскій Воскресенскій храмъ, такъ и другія зданія монасты-

ря онъ довелъ до возможнаго совершенства, такъ что онъ, по справедливости можетъ считаться вторымъ строителемъ его по святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ. Съ тѣхъ поръ Новый Іерусалимъ пришелъ въ цвѣтущее состояніе, въ какомъ находится и доселѣ, и которымъ онъ обязанъ вѣчною благодарностью приснопамятной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ послѣдующія царствованія Воскресенскій монастырь еще болѣе благоукрасился и всегда былъ предметомъ благоговѣйнаго усердія со стороны высочайшихъ особъ царскаго дома, и другихъ богомольцевъ и благотворителей. Императрица Екатерина II неоднократно жаловала по 30—40 тысячъ на исправленіе монастырское и поновленіе ветхостей. Ея щедротами была поновлена, внутри и снаружи, соборная церковь Воскресенія Христова, съ прибавкою многихъ, относящихся къ ея украшенію, пристроекъ. Ея же щедротами были вновь сооружены новые иконостасы въ нѣкоторыхъ церквахъ, снабжены ризницы. Тогда же, на средства другихъ знатныхъ особъ, было отдѣлано и освящено нѣсколько придѣльныхъ церквей. Въ 1792 году въ монастырѣ былъ пожаръ, послѣ котораго, именнымъ указомъ Екатерины II, высочайше повелѣно отпустить въ распоряженіе архитектора Казакова 120,000

рублей, въ теченіи трехъ лѣтъ, на исправленіе поврежденныхъ пожаромъ зданій. Въ 1794-99 годахъ были исправлены: весь западный фасъ, братская трапеза, всѣ кельи монастырскія, рвы вокругъ подземныхъ церквей и т. д.

Также благоукрашался и поновлялся Воскресенскій монастырь при императорѣ Павлѣ I, который благоговѣйно чтилъ память святѣйшаго патріарха Никона, любилъ посѣщать его обитель и жертвовалъ большія суммы на устройство новыхъ придѣловъ и зданій, и на реставрацію старыхъ. Такъ однажды имъ было единовременно пожертвовано, на исправленіе собора и другихъ монастырскихъ зданій, до 150,000 рублей. Въ тоже время, усердіемъ державныхъ покровителей монастыря и, массою другихъ благочестивыхъ благотворителей, обогащалась и умножалась различными цѣнными предметами и безъ того богатая, замѣчательная ризница монастыря. Императрица Марія Ѳеодоровна, супруга Павла I, явилась въ этомъ случаѣ, одною изъ первыхъ благотворительницъ Воскресенской обители.

При императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, Воскресенскій монастырь также продолжалъ благоукрашаться на средства благоговѣйныхъ благотворителей. Императоромъ Николаемъ I былъ устроенъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, прекрасный, изъ каррарскаго

мрамора, придѣлъ, въ память рожденія великаго князя Александра Николаевича (впослѣдствіи государя императора). По этому поводу, послѣдовало тогда отъ Державнаго благотворителя, письмо къ преосвященному архіепископу Московскому Августину, слѣдующаго содержанія: „Преосвященнѣйшій Владыко! Со страхомъ свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и, ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца; Онъ сохранилъ и мать и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души, но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Св. Александра Невскаго, воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима. Это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо, участь жены и сына. Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть, мнѣ помощникомъ и руководителемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благо-

дарностію отца, приносятся молитвы и о матери и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь, для собственнаго ихъ счастія, на службу государю, на честь и пользу отечества!“

Подобнымъ же образомъ, покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II, былъ, въ 1846 г., устроенъ придѣлъ, въ память рожденія покойнаго наслѣдника Николая Александровича. И въ это царствованіе, какъ и въ предъидущія, обитель украшалась новыми зданіями, и обновлялись ея храмы, а ризница обогащалась драгоцѣнными вкладами.

Особенно замѣчательно было за это время, капитальное обновленіе соборнаго храма Воскресенія Христова, бывшее въ 1873—1874 годахъ. Въ 1872 году, извѣстный всей православной Россіи любитель церковнаго благолѣпія, П. Г. Цуриковъ, издавна благотворя Воскресенскому монастырю, по чувству благоговѣнія къ особѣ святѣйшаго патріарха Никона, задумалъ приступить къ обновленію соборнаго Воскресенскаго храма, который въ то время все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ, такъ какъ, со времени реставраціи временъ Елисаветы Петровны, онъ, по недостаточности средствъ, капитально не обновлялся. Такимъ образомъ, заслуга почтеннаго благотворителя пріобрѣла тѣмъ большую цѣну, что была вполнѣ благовремен-

на и крайне необходима для приходившаго въ упадокъ собора. Въ 1873 году П. Г. Цуриковъ устроилъ иконостасъ теплаго, имъ же обновленнаго, Христорождественскаго собора, мѣстныхъ иконъ, по золотому цированному полю, цѣною на 1,500 рублей. Въ томъ-же году, его усердіемъ, вызолочены на нѣкоторыхъ церквахъ главы.

Съ зимы 1874 года начались приготовительныя работы, по обновленію Воскресенскаго храма, по плану, задуманному самимъ обновителемъ и одобренному монастырскимъ начальствомъ. Началось, напр., заготовленіе мѣдныхъ листовъ подъ позолоту, для покрытія ими большого купола, что надъ соборомъ, золоченіе колоннъ и всѣхъ отъемныхъ частей главнаго иконостаса, а также реставрація его иконъ. Работы по обновленію храма продолжались въ теченіе всего 1874 года и были окончены къ 15 сентября того же года, когда и было совершено торжество освященія возобновленнаго величественнаго Воскресенскаго собора. Реставрація собора была самая тщательная, и щедрый благотворитель не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ, чтобы возобновить знаменитый храмъ въ самомъ художественномъ и великолѣпномъ видѣ. Реставрированіе иконъ, во всѣхъ 12 ярусахъ большаго иконостаса, работы послѣдней чет-

верти XVII вѣка, царскихъ иконописцевъ, вышедшихъ изъ школы извѣстнаго иконописца Симона Ушакова, было поручено лучшему московскому реставратору и иконописцу того времени, А. С. Рогожкину. Иконы искусно очищены отъ копоти и всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній, реставраціи прошлаго и текущаго столѣтій, и явились во всей художественной красѣ своего первоначальнаго замышленія.

Такъ же внимательно и искусно производилась реставрація всего Воскресенскаго храма. Все обновленіе его стоило щедрому благотворителю около 100,000 рублей. Кромѣ г. Цурикова, при обновленіи Воскресенскаго храма много потрудился еще настоятель монастыря архимандритъ Леонидъ (впослѣдствіи намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры), подъ непосредственнымъ опытнымъ наблюденіемъ котораго происходила вся перестройка.

15-го сентября 1874 года состоялось освященіе обновленнаго Воскресенскаго собора. Еще съ вечера 13-го числа многочисленныя волны народа наполняли его во время всенощнаго бдѣнія. На Воздвиженіе Креста Господня сюда всегда собирается обыкновенно много народа— не только изъ окрестныхъ селеній, но и изъ дальнихъ мѣстъ Россіи, потому что въ этотъ праздникъ, со временъ патріарха Никона, со-

блюдается обычай раздавать всѣмъ присутствующимъ крестики, освященные на Голгоѳѣ, а наканунѣ, во время всенощной, каждый богомолецъ получаетъ цвѣтокъ отъ подножія Голгоѳскаго Распятія. На этотъ разъ народу собралось особенно много. Крестиковъ было прислано отъ благотворителя П. Г. Цурикова 4,000 и всѣ они были розданы. Въ пятомъ часу пополудни въ самый праздникъ прибылъ въ монастырь высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, митрополитъ Московскій, и былъ встрѣченъ всею братіею у воротъ обители, откуда и прошелъ въ соборъ, а потомъ въ царскій дворецъ, гдѣ для него приготовленъ былъ ночлегъ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Воскресенскій монастырь преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій, викарій московскій. Въ половинѣ седьмаго часа вечера ударили ко всенощной; тысячи народа наполнили величественный храмъ, который представлялъ въ это время необыкновенное зрѣлище: всѣ хоры были унизаны народомъ, иллюминованы разноцвѣтными лампадами, которыя мерцали точно звѣздочки подъ самымъ куполомъ и подъ шатромъ Гроба Господня по периламъ тройнаго ряда хоръ. Всѣ паникадила были зажжены, и 12-ти ярусный иконостасъ блисталъ золотомъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ синодальный хоръ пѣвчихъ, а на лѣвомъ монастырскій.

Богослуженіе, которое совершалъ преосвященный Леонидъ въ сослуженіи двухъ архимандритовъ и іеромонаховъ, окончилось въ 10 ч. вечера. Несмотря на дурную погоду, число народа на другой день возросло еще болѣе. Въ городѣ нельзя было найти свободной комнаты для ночлега, и многіе ночевали въ повозкахъ, подъ открытымъ небомъ. Судя по вмѣстимости соборнаго храма, число молящихся простиралось до 10,000 человѣкъ. Богослуженіе 15 сентября началось малымъ освященіемъ иконостаса и всего храма. Его совершали оба преосвященные, въ сослуженіи архимандритовъ, протоіереевъ и іеромонаховъ. Послѣ умилительной колѣнопреклоненной молитвы освященія, митрополитъ кадилъ, а преосвященный Леонидъ кропилъ св. водою, настоятель обители съ іеромонахомъ тоже дѣлали на хорахъ. Затѣмъ было произнесено многолѣтіе царствующему дому, св. Суноду и благотворителю П. Г. Цурикову, которому чрезъ митрополита поднесена отъ монастыря икона Сошествія Спасителя во адъ, копія съ мѣстной древней иконы въ иконостасѣ. Въ обычное время произнесено прекрасное, прочувственное слово настоятелемъ обители архимандритомъ Леонидомъ, на текстъ: „освяти, Господи, любящія благолѣпіе дому Твоего.“ Въ этомъ словѣ исторически раскрыта мысль о

томъ, что попеченіе о благолѣпіи церковномъ есть исконная добродѣтель русскаго народа, церковію освящаемая и похваляемая, вопреки мудрованію современныхъ печальниковъ и радѣтелей гуманности, порицающихъ попеченіе о благолѣпіи церковномъ, какъ дѣло, по ихъ мнѣнію, излишнее и несовременное.

Такъ совершилось торжество освященія Воскресенскаго храма, и съ тѣхъ поръ 15 сентября 1874 г. останется навсегда памятнымъ для обители Новаго Іерусалима. Съ тѣхъ поръ капитальныхъ реставрацій и болѣе или менѣе значительныхъ передѣлокъ въ монастырѣ не было.

Будучи священнымъ памятникомъ усердія особъ царственнаго дома, Воскресенскій монастырь въ тоже время представлялъ и представляетъ любимое мѣсто для ихъ богомолій. Воскресенскій монастырь особенно любили посѣщать: царь Алексѣй Михайловичъ, сестра его, благотворительница обители, великая княжна Татіана Михайловна, цари Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, императрицы Елисавета Петровна и Екатерина II Алексѣевна, императоръ Павелъ съ супругою своею Маріею Ѳеодоровною, императоры Александръ I и Николай I, императоръ Александръ Николаевичъ съ супругою своею Маріею Александровною, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ

Александръ Александровичъ, въ бытность свою Великимъ княземъ, и Великій князь Сергій Александровичъ. Масса богомольцевъ, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, ежегодно стремятся на поклоненіе въ „Новый Іерусалимъ“. Среди нихъ бываетъ много и иностранцевъ, которые поражаются красотою и величественностью монастыря и благоговѣйно чтутъ память нашего великаго патріарха. Изъ такихъ посѣщеній особенно замѣчательно посѣщеніе Воскресенской обители, въ 1780 году, австрійскимъ императоромъ Іосифомъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна.

ОПИСАНІЕ

Воскресенскаго Новоіерусалимскаго собора и прочихъ церквей и зданій Воскресенскаго монастыря.

Главнѣйшую святыню и драгоцѣннѣйшее украшеніе Воскресенскаго монастыря представляетъ собою соборный Воскресенскій храмъ, построенный по образцу іерусалимскаго храма Воскресенія Христова. Соборъ поражаетъ своею величественностью, художественностью и оригинальностью архитектуры и своими громадными размѣрами; онъ виденъ издали, верстъ за 15 до монастыря.

Воскресенскій соборъ сооруженъ на подобіе креста, средину котораго осѣняетъ куполъ. Красота подобнаго рода устройства церкви особенно замѣтна, если смотрѣть на нее съ наружной стороны. Внутренняя длина храма отъ стѣны до стѣны 30 саженъ, ширина 19 саженъ, вышина отъ помосту до купольнаго свода 22 сажени, а наружная — съ куполомъ по конецъ

креста 30 саженъ съ аршиномъ. Окружность всей соборной церкви вмѣстѣ съ подземною церковію простирается до 173 саженъ.

Внутри соборъ устроенъ въ высшей степени изящно, съ соблюденіемъ повсюду самой строгой симметріи. Алтарь очень помѣстителенъ и занимаетъ большое пространство. Горнее мѣсто въ немъ возвышено на десять ступеней и отдѣляется отъ прочаго церковнаго зданія особою низкою каменною стѣною, на которой поставлены въ шести мѣстахъ столпы, по четыре въ рядъ; чрезъ промежутки между этими столбами поражаетъ взоръ все заалтарное зданіе съ его придѣлами, во всей его красотѣ.

Внутри великаго храма Воскресенія Христова находится 29 придѣльныхъ церквей, а именно:

А) устроенныхъ по Іерусалимскому образцу 14.

1) Главная церковь во имя Воскресенія Христова.

2) Голгоѳская церковь: мѣсто водруженія честнаго креста и придѣлъ во имя „Страстей Христовыхъ“.

3) Предтеченская церковь подъ Голгоѳою, гдѣ погребенъ святѣйшій патріархъ Никонъ.

4) Придѣлъ Михаила Архангела и прочихъ Безплотныхъ Силъ.

5) Придѣлъ преп. Маріи Египетской.

6, 7 и 8) Заалтарные придѣлы: Поруганья

или терноваго вѣнца, Раздѣленія ризъ и Логгина сотника.

9 и 10) Подземная церковь свв. Константина и Елены съ придѣломъ Божіей Матери „Утоли моя печали“, переименованнымъ изъ придѣла „благоразумнаго разбойника“, и мѣсто, соотвѣтствующее іерусалимскому мѣсту обрѣтенія честнаго и животворящаго Креста Господня.

11) Церковь Успенія Пресвятой Богородицы.

12) Придѣлъ во имя св. Маріи Магдалины.

13 и 14) Церкви подъ колокольней: во имя Всѣхъ святыхъ и Николая Чудотворца, соотвѣтствующія по своему мѣсту іерусалимскимъ церквамъ: женъ мироносицъ и 40 мучениковъ.

Б) Сверхъ Іерусалимскаго образца 15.

а) Внизу:

1) Придѣлъ 12 и 70 апостоловъ.

2) Придѣлъ зачатія св. Анны.

3) Придѣлъ Сошествія св. Духа.

4) Придѣлъ Рождества Пресвятой Богородицы.

5) Преп. Іулія и св. великомученицы Екатерины.

б) Вверху на хорахъ:

1) Свв. Захаріи и Елисаветы.

2) Св. Іоанна Златоустаго.

3) Вознесенія Господня.

4) Иконы Божіей Матери Тихвинской.

5) Преображенія Господня.

6) Св. Благовѣрной княгини Ольги.

7) Св. Павла Исповѣдника.

8 и 9) Два придѣла во имя св. благовѣрнаго вел. князя Александра Невскаго.

10) Св. Іакова брата Господня.

Переходимъ къ болѣе подробному описанію Воскресенскаго Новоіерусалимскаго собора и его святынь и достопримѣчательностей.

Послѣ главнаго алтаря, отдѣленнаго отъ прочаго церковнаго зданія прекраснымъ художественнымъ 12-ти ярусным иконостасомъ, особенно замѣчательна палатка, именуемая часовней гроба Господня, построенная на подобіе іерусалимской кувукліи, заключающей въ себѣ драгоцѣннѣйшее сокровище христіанъ—Гробъ Господень. Надъ этою часовнею, находящеюся посреди собора, возвышается великолѣпный куполъ, поддерживаемый коллоннами и арками, съ тремя рядами оконъ по 20 въ каждомъ. Поперечникъ купола 11 саженей, окружность 34 сажени, а высота по конецъ креста 33 сажени. Кромѣ упомянутыхъ рядовъ оконъ, соборъ имѣетъ еще 15 большихъ боковыхъ оконъ. Такимъ образомъ, внутренность собора, будучи освѣщаема 75 окнами, великолѣпно отдѣланная, украшенная тройнымъ вѣнцомъ рѣзныхъ вызолоченыхъ хоръ и 60 живописными картинами, изображающими пророчества о Христѣ и его

страданія, поражаетъ взоръ каждаго пришельца. По огромности и величію размѣровъ, Воскресенскій соборъ представляетъ зрителямъ рѣдкое зданіе, соединяющее въ высокой степени искусство и вкусъ, и немного зданій не только въ Россіи, но даже въ Европѣ, которыя могли-бы сравняться съ нимъ.

Подъ этимъ великолѣпнымъ шатромъ—куполомъ находится такъ называемая часовня Гроба Господня. Она украшена, въ соотвѣтствіе съ великолѣпіемъ шатра, рѣзьбою, позолотою и живописью высокой работы; снаружи она обставлена столбами и увѣнчана краснымъ куполомъ на деревянныхъ вызолоченыхъ колоннахъ, соразмѣрно іерусалимскимъ. Внутри палатки какъ-бы въ скалѣ каменной изсѣченъ гробъ, длиною 2 аршина 9 вершковъ, шириною 1 аршинъ 5 вершковъ. Мѣра этого каменнаго гроба точно такая же, какъ и истиннаго живоноснаго Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Стѣны часовни и самый гробъ покрыты мраморомъ, какъ и въ Іерусалимѣ. Это было сдѣлано по желанію государя императора Александра Николаевича, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ цесаревичемъ, и тогда же обновленная часовня въ 1839 г. была освящена приснопамятнымъ святителемъ московскимъ Филаретомъ. Надъ гробомъ—образъ Воскресенія Христова, а у головы и ногъ изобра-

женія двухъ ангеловъ, сѣдящихъ въ бѣлыхъ ризахъ.

Предъ гробовой пещерой пристроена каменная палатка, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Іерусалимѣ стояла стража Пилата. Палатка эта, — въ соотвѣтствіе съ подобной же Іерусалимской и въ воспоминаніе Ангела, увидѣннаго женами Мироносицами, сидѣвшаго на камнѣ, отваленномъ отъ входа во гробъ Христовъ, — наименована придѣломъ Ангела. Въ память евангельскаго событія, здѣсь положенъ, на правой сторонѣ при входѣ въ гробъ Господень, бѣлый камень, на подобіе камня, отваленнаго отъ гроба Господня.

При выходѣ изъ гроба Господня, по обѣимъ сторонамъ большой арки, при входѣ въ соборную церковь, стоятъ два изображенія, во весь ростъ, сотниковъ, Логгина и Корнилія, съ бывшими при нихъ воинами. Тутъ же подъ царскою аркою, находятся двѣ большія картины, представляющія совѣтъ Іудейскій о подкупѣ воиновъ, бывшихъ на стражѣ, чтобы они сказали, что тѣло Спасителя украдено учениками Его.

Посреди главной церкви, нѣсколько ниже амвона, въ помостѣ лежитъ чугунная плита, по подобію Іерусалимской, которая означаетъ средину храма и всей вселенной (на основаніи словъ псалма 73, ст. 12 *спасеніе содѣлалъ еси посреди*

земли). Съ правой стороны иконостаса почиваютъ мощи св. мученицы Татіаны, кисть правой руки съ четырьмя перстами безъ указательнаго—драгоцѣннѣйшая святыня Воскресенскаго монастыря. Онѣ были принесены въ даръ монастырю благовѣрной царевной Татьяной Михайловной въ 1691 году, и хранятся въ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ, украшенномъ въ 1794 г. императрицею Екатериною II. Съ лѣвой стороны иконостаса хранятся 60 частицъ мощей разныхъ святыхъ, вставленныхъ въ серебряную доску.

Далѣе, влѣво отъ чугунной плиты находится мѣсто темницы Христовой, въ соотвѣтствіе Іерусалимскому храму. Здѣсь представленъ въ полный ростъ Христосъ Спаситель сидящимъ на камнѣ, подъ хламидою, въ терновомъ вѣнцѣ. По стѣнамъ изображены два стоящихъ вооруженныхъ воина.

За темницею расположена церковь во имя Успенія Божіей Матери, въ память Геѳсиманской пещерной. Она довольно просторна и свѣтла. Весьма замѣчателенъ въ ней иконостасъ, весь изразчатый. Церковь эта временъ Никона; впослѣдствіи она была возобновлена въ 1761 году. При церкви палатка въ память того мѣста, гдѣ Божія Матерь оплакивала узы Спасителя передъ Его распятіемъ. Тамъ же по правую сторону

иконостаса находится изображеніе Животворящаго Креста, писанное на холстѣ и присланное сюда съ острова Кія, что на Бѣломъ морѣ, гдѣ патріархъ Никонъ построилъ монастырь, называемый Крестнымъ. Недалеко отъ этого изображенія—картина, на которой изображенъ связанный Божественный Страдалецъ на судѣ у первосвященника Каіафы, а кругомъ Іудеи, выписывающіе изъ законовъ свидѣтельства для преданія Христа на смерть.

Далѣе, въ галлереѣ, рядомъ съ большимъ алтаремъ, находится придѣлъ во имя Рождества Богородицы. Онъ устроенъ въ 1846 году по повелѣнію императора Александра Николаевича въ память рожденія въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича Николая Александровича.

Въ той же галлереѣ за главнымъ алтаремъ находится придѣлъ въ честь св. мученика Логгина сотника. Иконостасъ въ немъ изразчатый, временъ патріарха Никона. Окончательно придѣлъ былъ отдѣланъ иждивеніемъ сенатора О. В. Наумова и освященъ въ 1756 году.

Здѣсь же въ углубленіи прежде была устроенная въ 1749 г. иждивеніемъ графа А. П. Литты, церковь въ честь св. Андрея Критскаго. Теперь она обновлена и переименована во имя преп. Іулія и св. великомученицы Екатерины.

За этою церковію слѣдуетъ придѣлъ во имя

Раздѣленія ризъ, напоминающій во Іерусалимѣ то мѣсто, гдѣ воины сняли со Спасителя хитонъ и метали о немъ жребій. Придѣлъ освященъ первоначально около 1704 года, возобновленъ и освященъ вторично въ 1780 году; иконостасъ въ немъ временъ патріарха Никона.

За придѣломъ Раздѣленія ризъ начинается спускъ въ подземную церковь свв. равноапостольныхъ царей Константина и Елены. Глубина этой церкви простирается на столько ступеней, на сколько зарытъ былъ Крестъ Господень, т. е. состоитъ изъ 33 ступеней, въ воспоминаніе лѣтъ земной жизни Спасителя. Длина церкви внутри 14 саженъ, высота $7^1/_2$ аршинъ. Церковь освящена въ 1690 г., а въ 1751 году была обновлена усердіемъ графа К. Г. Разумовскаго. При ней придѣлъ во имя Божіей Матери, нарицаемой „Утоли моя печали“, соотвѣтствующій Іерусалимскому придѣлу „благоразумнаго разбойника“; устроенъ въ 1806 году, по случаю погребенія здѣсь супруги знаменитаго полководца графа А. В. Суворова.

Подлѣ съ правой стороны, подъ небольшою башнею, ископанъ кладезь, имѣющій всегда чистую и вкусную воду, украшенный теперь желтымъ мраморомъ. Въ Іерусалимѣ на этомъ мѣстѣ—придѣлъ Честнаго Креста Господня. И здѣсь патріархъ Никонъ предполагалъ устроить

придѣлъ Обрѣтенія Креста Господня, но такъ какъ оказалась вода, то и устроенъ былъ кладезь.

Противъ лѣстницы, спускающейся сюда, есть мѣсто для придѣла, но по сырости онъ и до сего времени не устроенъ. — Наверху противъ этого мѣста, въ алтарѣ главнаго придѣла съ правой стороны, пробито окно, и въ его углубленіи высѣчено сѣдалище, потому что въ Іерусалимѣ тутъ сидѣла, во время отысканія креста Господня, царица Елена.

Взошедши изъ подземной церкви опять въ главный храмъ, богомольцы встрѣчаютъ противъ главнаго алтаря еще придѣлъ поруганія или терноваго вѣнца, въ соотвѣтствіе съ Іерусалимскимъ, устроеннымъ на мѣстѣ, гдѣ воины вѣнчали терніемъ Спасителя; здѣсь лежитъ гладкій мраморный камень, подобный тому, на которомъ въ Іерусалимѣ былъ посаженъ Спаситель, когда налагали на него терновый вѣнецъ и облачали въ одежду поруганія. Изразчатый иконостасъ этого придѣла устроенъ еще при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ. Придѣлъ освященъ первоначально въ 1704 г., возобновленъ и освященъ вторично въ 1780 году.

Далѣе—входъ въ такъ называемую Авраамову палатку; по преданію Іерусалимскому, на этомъ мѣстѣ происходило прообразованіе жертвы Гол-

гоѳской, когда Праотецъ Авраамъ по гласу Божію хотѣлъ сына своего Исаака принести Ему въ жертву. Въ Воскресенскомъ монастырѣ эта палатка служитъ кладовою для казнохранилища монастырскаго.

Около этой палатки находится лѣстница, изображающая собою скорбный путь на Голгоѳу, по которому Спаситель благоволилъ нести на себѣ крестъ всего міра. Подъ этимъ путемъ устроена въ память усѣкновенія главы Іоанна Предтечи темница съ желѣзными рѣшетчатыми дверями.

Подъ Голгоѳою устроена церковь въ честь Усѣкновенія честныя главы святаго Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Въ Іерусалимѣ на соотвѣтственномъ мѣстѣ предполагаютъ гробъ царя и первосвященника салимскаго Мельхиседека, а здѣсь на томъ же мѣстѣ почиваетъ Святѣйшій патріархъ Никонъ. Надъ гробомъ его стоитъ образъ Божіей Матери, изъ благовонной мастики греческой работы, который былъ келейнымъ образомъ патріарха и всегда находился при немъ. Тутъ же висятъ вериги святѣйшаго патріарха Никона (вѣсомъ 14 фунтовъ), которыхъ онъ не снималъ въ теченіе девяти лѣтъ, проведенныхъ въ Новомъ Іерусалимѣ въ самовольномъ изгнаніи, ни во время пятнадцати-лѣтняго заточенія на Бѣломъ озерѣ. Въ алтарѣ

этой церкви за престоломъ подъ самою Голгоѳою устроено изображеніе главы Адамовой, которая, по преданію Іерусалимскому, была окроплена тамъ, чрезъ скважину Голгоѳы, кровію распятаго Христа. Церковь эта, какъ было уже сказано выше, устроена и освящена патріархомъ Никономъ, который въ ней приготовилъ себѣ при жизни гробъ. Послѣ погребенія Никона, церковь была обновлена усердіемъ царевны Татьяны Михайловны и вторично освящена въ 1690 году; въ третій разъ обновлена она въ 1749—1750 годахъ иждивеніемъ духовника императрицы Елисаветы Петровны протоіерея Ѳ. Я. Дубянскаго.

Рядомъ съ предтеченскою церковью находится придѣлъ въ честь Св. Архистратига Михаила и прочихъ Безплотныхъ Силъ. Иконостасъ его временъ патріарха Никона; придѣлъ оконченъ строеніемъ, благодаря усердію крестоваго дьяка, ученика и жизнеописателя святѣйшаго патріарха, Ивана Шушерина, который и погребенъ здѣсь съ сыномъ своимъ.

Возлѣ Архангельской церкви устроенъ придѣлъ Преподобной Маріи Египетской, ходившей въ Іерусалимъ для поклоненія Кресту Господню, и жившей послѣ въ пустынѣ 47 лѣтъ. Вновь отдѣланъ этотъ придѣлъ вмѣстѣ съ иконостасомъ и богатою утварью повелѣніемъ и щед-

ротами императрицы Елисаветы Петровны и освященъ въ 1749 году.

Изъ этого придѣла начинается подъемъ на такъ называемое крыльцо царицы Елены, и съ него на гору Голгоѳу. Здѣсь водруженъ кипарисный крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа и съ предстоящими по сторонамъ Его Божіею Матеріею и апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Длина креста около 5 арш., изображніе распятаго Христа сдѣлано въ естественный ростъ человѣка. Подъ крестомъ и около него помостъ нѣсколько возвышенъ, и въ немъ изсѣчена разсѣлина на подобіе той, которая видна на истинной Голгоѳѣ, послѣ того какъ камни разсѣлись при распятіи Христовомъ. Здѣсь же три впадины знаменуютъ мѣста, гдѣ были водружены Крестъ Спасителя и двухъ разбойниковъ. Съ правой стороны находится Голгоѳская церковь Страстей Господнихъ, а на мѣстѣ водруженія Креста Господня есть еще придѣлъ, но безпрестольный.

Голгоѳская церковь и Животворящій Крестъ Господень на мѣстѣ распятія устроены самимъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и освящена имъ въ 1662 году. Впослѣдствіи она была обновлена иждивеніемъ императрицы Екатерины II и освящена вторично въ 1775 году. Наконецъ, въ 1867 году она снова была возобновле-

на усердіемъ почетнаго гражданина П. Д. Чикина. Иконостасъ Голгоѳской церкви богато украшенъ, церковь снабжена богатою утварью. Въ алтарѣ устроена небольшая ризница, а направо сосудохранительница церковная. Обращаютъ на себя здѣсь вниманіе еще двѣ картины, расположенныя на двухъ столпахъ противъ Животворящаго Креста Господня. На одной изображены: св. равноапостольный царь Константинъ, царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ; на другой - св. царица Елена, царица Марья Ильинична, супруга царя Алексѣя Михайловича, и сынъ ихъ царевичъ Алексѣй. Фигуры изображены колѣнопреклоненными, противъ Креста Господня, -и, кажется, что эти созидатели древняго и новаго Іерусалимскаго храма, преклонивъ колѣна предъ распятымъ Христомъ, молятъ Его о ниспосланіи Св. Духа на новое селеніе славы Его.

Лѣстница, ведущая съ Голгоѳы и именуемая крестнымъ путемъ, приводитъ къ такъ называемому камню новитія и муропомазанія. Этотъ камень положенъ здѣсь по подобію Іерусалимскаго камня, на которомъ Іосифъ и Никодимъ по снятіи съ креста обнаженнаго тѣла Господня, обвили Его плащаницею и помазали благовоннымъ мурромъ, передъ перенесеніемъ святѣйшаго тѣла въ пещеру гроба. Въ Новомъ Іеру-

салимѣ совершается при этомъ камнѣ умилительное дѣйствіе церковное въ Великую пятницу, о чемъ будетъ сказано ниже.

Недалеко отъ камня муропомазанія устроенъ придѣлъ Св. Николая Чудотворца, близъ колокольни. Сооруженъ онъ усердіемъ супруги царя Іоанна Алексѣевича Параскевы Ѳеодоровны и освященъ въ 1690 г., впослѣдствіи, въ 1749 г. обновленъ на средства графини М. Е. Шуваловой.

Рядомъ съ придѣломъ Святителя Николая устроена церковь Всѣхъ Святыхъ, что подъ самою колокольнею. Придѣлъ этотъ освященъ первоначально въ 1690 г., впослѣдствіи возобновленъ иждивеніемъ князя В. М. Долгорукова-Крымскаго въ 1781 году.

Взошедши на хоры, встрѣчаемъ придѣлъ въ честь св. Іакова, брата Господня. Иконостасъ въ немъ наилучшей итальянской работы Оргуліо. Устроеніе его относится къ 1749 году.

Далѣе на хорахъ къ востоку придѣлъ въ честь явленія Божіей Матери Тихвинскія. Придѣлъ устроенъ иждивеніемъ коломенскаго ассесора А. З. Воронецъ и освященъ въ 1792 году.

По лѣвую сторону этого придѣла находится придѣлъ Вознесенія Господня; устроенъ иждивеніемъ полковника А. В. Сухово-Кобылина и освященъ въ 1792 году.

За этими придѣлами имѣется ризница, гдѣ

хранятся драгоцѣнности церковныя, Евангелія съ окладами, сосуды, кресты, подсвѣчники, ризы и прочая утварь. Здѣсь также можно видѣть клобукъ патріарха Никона, его посохъ, шляпу, власяницу и обувь, въ которой онъ обыкновенно ходилъ на монастырское строеніе.

На возвратномъ отсюда пути, за придѣломъ Вознесенія, представляется придѣлъ въ честь Св. Павла Исповѣдника, архіепископа Константинопольскаго. Придѣлъ этотъ устроенъ по повелѣнію императора Павла I, въ память дня восшествія Его на всероссійскій престолъ, и освященъ въ 1807 году. Живопись этого придѣла превосходная, во вкусѣ итальянскомъ.

Противъ этого придѣла съ лѣвой стороны стоитъ большой портретъ святѣйшаго патріарха Никона, основателя обители, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи. Святитель изображенъ во весь ростъ на амвонѣ, около него стоятъ ученики его, братія новой обители: архимандритъ Герасимъ, іеромонахи Леонидъ и Савва и архидіаконъ Евѳимій, иподіаконы Іосифъ и Германъ и монахи Ніодоръ и Серафимъ, съ надписью имени его надъ главою каждаго; лица ихъ начали уже тускнѣть и стираться отъ времени и сырости; но еще рѣзко выдѣляется на картинѣ величественная фигура Никона, возвы-

шающаяся надъ главами его окружающихъ необыкновеннымъ ростомъ и важною осанкою.

На сѣверъ отъ этого мѣста устроенъ придѣлъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, изъ каррарскаго мрамора, по волѣ императора Николая I, въ память рожденія сына и наслѣдника его Александра Николаевича. Придѣлъ освященъ въ 1820 г. преосвященнымъ митрополитомъ Серафимомъ и снабженъ державнымъ жертвователемъ богатою ризницею и утварью. Замѣчательна живопись въ этомъ придѣлѣ.

Здѣсь же, подлѣ, придѣлъ св. благовѣрной княгини Ольги. Устроенъ онъ по волѣ государя императора Павла I въ память великой княжны Ольги Павловны и освященъ въ 1807 году.

Влѣво, соотвѣтственно придѣлу св. княгини Ольги, устроенъ другой придѣлъ во имя святаго Александра Невскаго, воздвигнутый по повелѣнію императора Павла I и освященъ въ 1807 году.

Далѣе къ востоку находятся два придѣла: одинъ въ имя св. Іоанна Златоустаго, другой — свв. Захаріи и Елисаветы. Оба придѣла устроены иждивеніемъ императрицы Елисаветы Петровны — первый въ память ея восшествія на престолъ, второй — тезоименитства.

За этимъ придѣломъ находится палата, гдѣ

хранится монастырская библіотека, имѣющая большое количество книгъ на разныхъ языкахъ, какъ печатныхъ, такъ и письменныхъ хара тейныхъ.

Тутъ же придѣлъ во имя Преображенія Господня, по самой серединѣ хоръ, противъ гроба Господня. Престолъ этотъ устроенъ въ 1808 году статсъ дамой Е. Р. Дашковой и снабженъ ею богатою ризницею.

При сходѣ тою же лѣстницею, внизу — придѣлъ 12 и 70 апостоловъ. Придѣлъ устроенъ первоначально строителемъ обители старцемъ Сергіемъ на его собственныя келейныя деньги въ 1704 г.; въ 1783 году обновленъ генераломъ А. Б. Загряжскимъ.

Далѣе—къ западу придѣлъ зачатія св. Анны, устроенный иждивеніемъ дѣвицы А. П. Сухотиной и освященный въ 1809 году.

Въ соотвѣтствіе придѣлу 70 апостоловъ, устроенъ придѣлъ св. Маріи Магдалины. Устройство его отличается прекраснымъ вкусомъ и богатствомъ. Алтарь—изъ чистаго бѣлаго мрамора, колонны мраморныя же, капители бронзовыя позолоченыя; образа писаны на мѣди, лампады, подсвѣчникъ, паникадило серебряныя; вся церковная утварь и ризница богатыя; образъ св. Маріи Магдалины украшенъ драгоцѣнными

камнями. Все это сдѣлано на средства императрицы Маріи Ѳеодоровны въ 1801 году.

За этимъ придѣломъ, близъ большихъ сѣверныхъ дверей, находится придѣлъ въ честь Сошествія Св. Духа, устроенный иждивеніемъ гг. Карповыхъ и освященный въ 1821 г. Какъ въ этомъ послѣднемъ придѣлѣ, такъ и въ другихъ, находящихся на хорахъ, живопись, по мнѣнію знатоковъ, даже иностранныхъ, считается превосходною и въ высшей степени художественною.

Такимъ образомъ, вся знаменитая великая церковь Воскресенія Христова въ Воскресенскомъ монастырѣ представляетъ изъ себя священный памятникъ благочестія многихъ русскихъ государей и знаменитыхъ вельможъ. О великолѣпіи, богатствѣ и красотѣ ея нельзя дать точнаго понятія тому, кто не видалъ ее самъ. О пространствѣ же ея и обширности можно судить потому, что при отправленіи въ одно время четырехъ божественныхъ литургій въ разныхъ придѣлахъ—не бываетъ никакого препятствія отъ совокупности пѣнія.

Второй соборный храмъ Воскресенскаго монастыря построенъ во имя Рождества Христова. Онъ—о трехъ ярусахъ, теплый, и находится близъ западныхъ монастырскихъ воротъ, съ двумя пространными при ней палатами,—кото-

рыя были прежде трапезами для братіи. Построеніе этого храма было задумано святѣйшимъ патріархомъ Никономъ, который желалъ устроить его по точному плану и модели Палестинской Виѳліемской церкви; но обстоятельства помѣшали ему осуществить это желаніе. Храмъ былъ начатъ строеніемъ въ 1686 году; въ 1692 г. онъ былъ оконченъ и освященъ въ присутствіи самой строительницы, благовѣрной царевны и великой княжны Татіаны Михайловны. Подъ этою церковію тогда же было опредѣлено, по плану Виѳліемской церкви, устроить еще придѣльныя церкви, съ изображеніемъ въ нихъ знаменательныхъ событій, бывшихъ при Рождествѣ Христовомъ. Но эти придѣлы оставались неотдѣланными до самаго конца прошлаго столѣтія, когда по повелѣнію императрицы Екатерины II и ея иждивеніемъ они наконецъ были устроены.

Въ настоящее время въ Рождественскомъ соборѣ, кромѣ главнаго престола во имя Рождества Христова, находятся четыре придѣла: 1) Обрѣзанія Господня, 2) Поклоненіе волхвовъ, 3) Бѣгство Дѣвы Маріи и Іосифа съ Богомладенцемъ въ Египетъ, 4) Избіеніе виѳліемскихъ младенцевъ.

Кромѣ этихъ придѣловъ тутъ же есть подобіе св. вертепа и яслей, гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Въ трапезѣ этого храма въ недавнее время, а именно въ 1869 году усердіемъ г-жи Татищевой устроенъ на правой сторонѣ придѣлъ во имя пр. Сергія Радонежскаго для служенія ранней литургіи, а въ 1871 году, въ соотвѣтствіе ему, устроенъ настоятелемъ обители архимандритомъ Леонидомъ другой придѣлъ во имя св. мученицы Татіаны.

Надъ св. вратами обители находится каменная церковь во имя Входа Господа въ Іерусалимъ. Она начата строеніемъ въ 1694 году, а окончена и освящена въ 1697 году.

Кромѣ того, въ Воскресенскомъ монастырѣ еще двѣ церкви: одна въ честь трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; другая—во имя св. равноапостольной царицы Елены и преп. Іоанна Рыльскаго. Первая—первоначально была устроена при келліяхъ патріарха Никона, бывшихъ въ южной сторонѣ монастыря, но потомъ была присоединена къ дворцовому зданію, назначенному для царскихъ пріѣздовъ, обновлена и освящена въ 1776 году. Вторая—находится при настоятельскихъ келліяхъ въ томъ же зданіи.

Въ дворцовыхъ покояхъ есть картинная галлерея, устроенная въ двухъ большихъ комнатахъ и состоящая изъ картинъ священнаго содержанія, оставшихся въ монастырѣ отъ быв-

шей въ немъ въ половинѣ прошлаго столѣтія живописной школы, и портретовъ настоятелей этой обители. Здѣсь же, между трапезой соборной Рождественской церкви, примыкающей къ дворцу и церковью Трехъ Святителей находится такъ называемая „Елизаветинская зала“, которая украшена портретами патріарховъ московскихъ и нѣсколькихъ митрополитовъ. Здѣсь же поставленъ старый шестигранный фонарь, даръ царевны Татіаны Михайловны, обращающій вниманіе посѣтителей своимъ размѣромъ и замысловатымъ устройствомъ. Наконецъ въ такъ называемыхъ дворцовыхъ покояхъ заслуживаютъ вниманія: большая картина, изображающая перенесеніе тѣла святѣйшаго патріарха Никона отъ Елеонской часовни въ монастырь въ предшествіи духовенства, царя и синклита; портреты патріарха Никона, какъ основателя монастыря, и московскаго архіепископа Амвросія, какъ ея обновителя, современные портреты царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича и наконецъ портреты императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II.

Колокольня Воскресенскаго монастыря, пятиярусная и устроена по образцу іерусалимской. Самый большой колоколъ въ 515 пудовъ; онъ перелитъ изъ другаго разбитаго, на которомъ были вылиты святцы всего года и изображенія

патріарха Никона, царя Алексѣя Михайловича, царицы и царевича. Въ четвертомъ ярусѣ устроены боевые часы.

Ограда кругомъ монастыря каменная, устроенная вмѣсто прежней деревянной въ 1694 году. Видъ ея представляетъ неправильный шестиугольникъ, наружная вышина 4 сажени 7 вершковъ, окружность 432 сажени съ небольшимъ; на ней по угламъ и въ срединѣ 8 башенъ, которымъ приданы имена вратъ Іерусалимской городской стѣны, а именно: 1) угловая Юговосточная называется *Гевсиманскою*; 2) средняя въ южной стѣнѣ *Сіонская*; 3) угловая югозападная—*Давидова*, противъ которой за рѣкою Кедрою, не подалеку отъ берега, находится небольшая березовая рощица, называемая *Урінъ садъ*; 4) средняя на Западной сторонѣ надъ вратами носитъ названіе *Елисаветинской* въ честь императрицы Елисаветы Петровны (въ Іерусалимѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ ей вратъ); 5) угловая сѣверозападная называется *иноплеменничьею*; 6) средняя въ сѣверной стѣнѣ *Варуховой*; 7) въ той же стѣнѣ круглая башня—*Ефремовою*, и 8) угловая сѣверовосточная—*Дамасскою*.

Всѣ эти башни коническія, трехъ-этажныя, съ удобными помѣщеніями въ двухъ верхнихъ этажахъ, а особенно въ нижнихъ для кладовыхъ. По оградѣ вокругъ всего монастыря ши-

рокая галлерея для крестныхъ ходовъ, съ каменными балясами на монастырь и глухою стѣнкою съ амбразурами за монастырь.

Къ Воскресенскому же монастырю относится находящійся внѣ монастыря скитъ или пустыня святѣйшаго патріарха Никона, внизу на сѣверо-западъ отъ обители и въ 150 саж. отъ нея на берегу рѣки Истры. Сюда нѣкогда любилъ уединяться съ немногими избранными учениками патріархъ Никонъ для молитвенныхъ, аскетическихъ подвиговъ. Скитъ Никона представляетъ собою каменное четырехъ-ярусное зданіе, въ которомъ находится двѣ церкви и нѣсколько комнатъ, въ томъ числѣ хлѣбная, просфорная и собственная келлія патріарха, гдѣ доселѣ сохраняется его круглый липовый столъ. Подъ портретомъ патріарха на стѣнѣ и теперь видна собственноручная подпись государя императора Александра II: „Александръ, 30-го іюля 1837 года.“ Другая келлія патріарха находится въ этомъ же зданіи выше, въ 4 ярусѣ на верхней, по восточному, почти плоской крышѣ, обведенной вокругъ перилами, съ весьма короткимъ, неудобнымъ каменнымъ ложемъ съ тростниковою настилкою, на которомъ святѣйшій патріархъ забывался недолгимъ сномъ послѣ своихъ молитвенныхъ подвиговъ. Одна изъ церквей въ скиту Никона построена во имя Богоявленія Гос-

подня, другая — свв. апостоловъ Петра и Павла.

Къ Воскресенскому же монастырю относятся двѣ часовни: одна деревянная надъ кладеземъ, что подъ горою, противъ сѣверо-западной башни, называемомъ *Силоамскою купелью;* другая — каменная на такъ называемой горѣ Елеонской, возобновленная въ 1847 году.

Близъ самаго монастыря по лѣвую сторону св. вратъ находится странно-пріимный домъ, содержимый усердіемъ одного изъ благотворителей обители, гдѣ странники и богомольцы обоихъ половъ получаютъ даровой пріютъ и пищу въ теченіе трехъ дней. Для пріема пріѣзжающихъ на посѣщеніе св. обители имѣется рядомъ съ странноприимнымъ домомъ монастырская гостинница, гдѣ пріѣзжіе получаютъ приличное помѣщеніе и пищу отъ монастыря, за умѣренную плату, въ пользу св. обители.

Окрестности Воскресенскаго монастыря со временъ патріарха Никона и до настоящаго времени носятъ палестинскія наименованія. Село Черневo, бывшее патріаршее, названо Никономъ *Назаретомъ*, село *Микулино—селомъ Скудельничимъ;* горы на сѣверозападъ отъ монастыря—*Ѳаворомъ* и *Ермономъ;* веселая березовая рощица на югъ отъ монастыря противъ сіонской башни называется *Уріинымъ садомъ*; ручей, обтекающій съ трехъ сторонъ монастырь—*пото-*

холмъ Кедрскимъ; заключающаяся въ его предѣлахъ роща—*Сидомъ Геосиманскимъ;* одиноко стоящій на берегу потока старый развѣсистый дубъ—*дубомъ Мамврійскимъ;* колодецъ на сѣверномъ скатѣ *кладеземъ Самаряныни;* роща въ двухъ верстахъ отъ монастыря на востокъ — *Рамскою рощею;* оврагъ одинъ съ сѣверо-западной стороны—*Іосафатовою долиною*, другой съ восточной—*юдолію плачевною*. А рѣка Истра, обтекающая полуостровъ, на которомъ стоитъ монастырь, называется, какъ выше было сказано, *Іорданомъ*. И дѣйствительно, люди видавшіе Іорданъ палестинскій, могутъ засвидѣтельствовать поразительное сходство быстрой, свѣтловодной, излучистой Истры съ Іорданомъ.

СВЯТЫНИ

И

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ВКЛАДЫ,

НАХОДЯЩІЕСЯ ВЪ

НОВОМЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

СВЯТЫНИ

и

достопримѣчательные вклады, находящіеся въ Новомъ Іерусалимѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ мощей Св. мученицы Татіаны, принесенныхъ въ даръ монастырю Благовѣрною Царевною Татіаною, и 60-ти частицъ разныхъ святыхъ, помѣщенныхъ въ серебряной дскѣ, находятся еще слѣдующіе достопримѣчательности:

а) въ ризницѣ находится золотой крестъ, даръ Царя Ѳеодора Алексѣевича, украшенный крупными алмазами и яхонтами, въ которомъ находятся 5 частицъ мощей, вѣсомъ въ 4 ф. 56 зол.

б) даръ Царевны Татіаны, Михайловны, два креста—хрустальный и сандальный, отдѣланные серебромъ.

в) Палестинское муро и персть свв. мучениковъ, хранящіеся въ оловянномъ сосудѣ.

г) Кипарисный крестъ, обложенный серебромъ, и камнями, въ который вставлены кресты съ изображеніемъ Господскихъ праздниковъ, даръ патріарха Никона.

д) Даръ Константинопольскаго Патріарха Макарія—чудотворная Икона Божіей Матери Троеручицы на кипарисной дскѣ въ серебряно-вызолоченой съ камнями ризѣ.

е) Греческаго письма образъ Христа Спасителя, въ золотомъ вѣнцѣ съ дорогими камнями и жемчугомъ и серебряно-вызолоченными украшеніями. Образъ сей находится на правомъ клиросѣ соборнаго алтаря.

ж) Икона, присланная Патріарху Никону съ Аѳонской горы—Иверскія Божіей Матери, богато украшенная камнями и жемчугами, въ серебряно-вызолоченой ризѣ, которая находится на лѣвомъ клиросѣ того же алтаря.

з) Даръ царевны Татіаны—Икона Божіей Матери Владимірскія, шитая шелками, по каймѣ которой вышитъ серебромъ тропарь.

и) Даръ тойже Царевны, 1683 г. Сентября 21, иконъ Спасителя, Богоматери и Никиты Столпника.

і) Серебряно-вызолоченые сосуды, даръ Царя Алексія Михайловича.

к) Даръ Царя Алексія Михайловича 1683 г. —большое серебряное блюдо вѣсомъ 8 ф.51 зол.

л) Даръ Царя Ѳеодора Алексѣевича, серебряно-вызолоченые сосуды съ чернью, вѣсомъ 5 ф. 35 зол.

м) Даръ Царевны Татіаны Михайловны—сосуды золотые, вѣсомъ въ 7 ф. 45 зол., украшенные дорогими изумрудами и яхонтами.

н) Даръ тойже Царевны, вѣсомъ въ 10 ф. 38 зол., серебряно-вызолоченая Дарохранительница.

о) Даръ той же Царевны, дорогое Евангеліе, по коймамъ листовъ собственноручно ею расписанное и раскрашенное, отпечатанное на Александрійской бумагѣ и украшенное серебромъ, частію золотомъ и осыпанное алмазами, изумрудами и яхонтами.

п) Даръ Патріарха Никона, харатейное Евангеліе, писанное въ 1468 г. золотою прописью на пергаментѣ, оправленое въ серебро и осыпанное алмазами, изумрудами и яхонтами.

р) Двѣ митры Патріарха Никона, изъ которыхъ одна оцѣнена въ 27,000 р., а другая въ 8,000 р.

с) Даръ неизвѣстныхъ жертвователей—вышитые жемчугомъ, золотомъ, разными шелками, украшенные драгоцѣнными камнями четыре воздуха и два покрова, древней Греческой работы.

т) Венци, принадлежавшіе Патріарху Никону,

а именно: клобукъ съ вышитымъ жемчугомъ херувимомъ,—бархатный саккосъ, бѣлый омофоръ, деревянный посохъ, шитая золотомъ и шелками епитрахиль, шелковый полосатый подризникъ, четки, одни чернаго янтаря, а другія изъ бѣлыхъ корольковъ, часть схимы, поручи, расшитыя золотомъ и шелкомъ, туфли и сапоги, подкованные желѣзомъ, и двѣ печати, одна стальная, а другая деревянная.

у) Снимокъ съ тридцати сребренниковъ, состоящій изъ оловянныхъ монетъ, помѣщенныхъ въ книгѣ изъ кипарисныхъ досокъ, обитыхъ бархатомъ.

СВѢДѢНІЯ О КРЕСТНЫХЪ ХОДАХЪ

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ

И ОБЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ ЕГО БОГОСЛУЖЕНІИ.

СВѢДѢНІЯ

о крестныхъ ходахъ въ Воскресенскомъ монастырѣ и объ особенностяхъ въ его богослуженіяхъ.

Считаемъ не лишнимъ присоединить здѣсь замѣчанія о нѣкоторыхъ особенностяхъ при совершеніи богослуженій въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Прежде всего, достойно замѣчанія то, что служба въ Воскресенскомъ монастырѣ отправляется по чину Іерусалимской церкви и имѣетъ нѣкоторое отличіе отъ обыкновеннаго служенія: 1) Діаконъ во всякое время богослуженія и даже въ продолженіе обѣдни, по „Отче нашъ“ носитъ орарь особеннымъ образомъ, положивъ его на лѣвое плечо, потомъ чрезъ перси пропустивъ подъ правое плечо, затѣмъ чрезъ спину, и снова на лѣвое плечо, и такимъ образомъ дѣйствуетъ концемъ ораря. 2) Діаконъ совершаетъ всѣ службы въ камилавкѣ, а на обѣднѣ только до малаго выхода. 3) Священникъ, когда служитъ

безъ діакона, читаетъ эктенію въ камилавкѣ, за исключеніемъ литургіи. 4) Во время малаго входа на божественной литургіи и на вечернѣ царскія двери не отворяются до тѣхъ поръ, пока священникъ и діаконъ станутъ уже предъ амвономъ и тогда свѣщепосецъ, несущій свѣчу предъ Евангеліемъ, приступивъ къ царскимъ дверямъ, отворяетъ ихъ для входа. 5) Когда при окончаніи обѣдни священникъ читаетъ послѣдній отпускъ, то царскія двери за нимъ затворяются, и онъ стоитъ уже внѣ ихъ предъ амвономъ, а потомъ входитъ въ алтарь сѣверными дверями. 6) Въ будень вмѣсто тризвона звонятъ только въ одинъ поліелейный колоколъ.

Кромѣ того, въ Воскресенскомъ монастырѣ въ разныя времена введены и по преданію до настоящаго времени соблюдаются нѣкоторыя особыя благочестивыя церковныя установленія:

1) Въ каждый воскресный, за исключеніемъ четыредесятницы, день послѣ литургіи, въ часовнѣ Гроба Господня отправляется торжественно пасхальный канонъ; по 6-й пѣсни чтется воскресное Евангеліе, а по отпустѣ предстоящіе цѣлуютъ св. крестъ и окропляются св. водой. По заказу и желанію богомольцевъ, этотъ обрядъ совершается и въ другіе дни недѣли.

2) Сентября 14-го, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, послѣ

литургіи раздаются настоятелемъ народу заранѣе приготовленные металлическіе или кипарисные крестики, освященные на Голгоѳѣ. Обычай этотъ свято сохраняется со временъ патріарха Никона. А наканунѣ Воздвиженія, во время всенощной, каждый богомолецъ получаетъ цвѣтокъ отъ подножія Голгоѳскаго распятія.

3) Въ сырную недѣлю (прощальное Воскресенье) послѣ вечерни поется, по древнему обычаю, пасхальный канонъ.

4) Въ недѣлю Ваій (Вербное Воскресенье) послѣ литургіи совершается крестный ходъ изъ теплой Рождественской церкви въ соборъ съ ваіями, и въ соборѣ обходятъ вокругъ главнаго алтаря и троекратно вокругъ часовни Гроба Господня при пѣніи тропаря: „Общее Воскресеніе“.

5) Въ великій пятокъ совершается умилительный обрядъ спуска плащаницы съ Голгоѳы внизъ къ „камню помазанія“, на которомъ умащаютъ ее ароматами, послѣ чего кладутъ на приготовленный одръ, обносятъ вокругъ главнаго алтаря и ставятъ на срединѣ храма, гдѣ она и остается до утрени субботы. На утрени, въ великую субботу, плащаницу снова поднимаютъ вмѣстѣ съ одромъ, и совершается хожденіе внутри храма около „камня помазанія“, гдѣ читается Евангеліе, затѣмъ вокругъ вели-

каго алтаря и по галлереѣ храма, и, наконецъ, трижды вокругъ самой часовни Гроба Господня. Послѣ этого плащаницу вносятъ внутрь пещеры и полагаютъ на св. Гробѣ. По выходѣ изъ нея читается Евангеліе отъ Матѳея, зачало 114, при конечномъ стихѣ котораго: „утвердиша гробъ, знаменавше камень съ кустодіею“, церковнослужители затворяютъ двери часовни св. Гроба и запечатываютъ ихъ. На литургіи же во время малаго входа, когда служащіе, обойдя вокругъ часовни, равняются съ дверями Гроба, св. плащаница выносится нарочито для этого назначенными священнослужителями въ облаченіи, изъ часовни, и впереди хода вносится въ алтарь, гдѣ и полагается на престолъ.

6) Въ понедѣльникъ и среду свѣтлой седмицы совершаются крестные ходы внутри соборнаго храма по чину Іерусалимскому, т. е. вокругъ главнаго алтаря и потомъ трижды вокругъ часовни св. Гроба, послѣ чего чрезъ царскую арку возвращаются въ церковь Воскресенія Христова.

7) Въ среду отданія Пасхи, по окончаніи литургіи, настоятель съ братіею принимаютъ съ престола, находящуюся здѣсь до сего дня, плащаницу; обнесши ее около престола, полагаютъ на приготовленный одръ и затѣмъ обносятъ сперва вокругъ „камня помазанія“, потомъ около

главнаго алтаря, далѣе галлереею, и наконецъ грижды вокругъ часовни Гроба Господня.

8) Въ теченіе цѣлаго года (кромѣ первой недѣли великаго поста, страстной и свѣтлой седмицъ, двунадесятыхъ праздниковъ и ихъ отданія) отправляются соборне: по вторникамъ (предъ позднею литургіею) на гробѣ святѣйшаго патріарха Никона панихида; по пятницамъ на Голгоѳѣ у креста, (по литургіи) акаѳистъ Страстямъ Христовымъ; а по субботамъ предъ чудотворною иконою Божіей Матери Троеручицы (по литургіи) акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ.

Въ Богоявленіе Господне въ Воскресенскомъ монастырѣ крестный ходъ совершается къ скиту патріарха Никона, что на берегу Истры, гдѣ бываетъ великое освященіе воды. Крестный ходъ въ Преполовеніе бываетъ —къ Силоамской купели. Кромѣ того, крестные ходы совершаются въ обители: въ Срѣтеніе Господне — вокругъ монастыря по оградѣ: въ Благовѣщеніе— тамъ же: 4 апрѣля, въ день преп. Іосифа —къ Елеонской горѣ; въ пятницу свѣтлой седмицы, въ праздникъ Живоноснаго Источника, — въ подземную церковь св. Константина и Елены, гдѣ находится кладязь, именуемый „Живоноснымъ Источникомъ“; въ Вознесеніе Господне —въ часовню, что на Елеонской горѣ; въ недѣлю всѣхъ святыхъ—къ Елеонской горѣ; іюня 29-го, въ

день св. апостоловъ Петра и Павла, изъ соборнаго храма Воскресенія Христова въ скитъ патріарха Никона; 1-го августа—на рѣку Истру и въ день Рождества Христова изъ Рождественскаго собора въ нижній ярусъ храма, гдѣ находится подобіе виѳлеемскаго вертепа и яслей.

Торжественныя паннихиды по святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ при его гробѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ вторниковъ, совершаются: 23-го марта въ день преп. муч. Никона (день тезоименитства патріарха), — 24 го мая, въ день преп. Никиты Столпника (мірское имя патріарха Никона и день его рожденія); 17-го августа—день кончины патріарха Никона, въ октябрѣ, въ Дмитріевскую субботу и въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли.

НАДПИСЬ,

высѣченная на камняхъ, находящаяся на правой сторонѣ паперти въ стѣнѣ Соборной церкви въ

Воскресенскомъ монастырѣ.

НАДПИСЬ,

высѣченная на камняхъ, находящаяся на правой сторонѣ паперти въ стѣнѣ Соборной церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Таблица сія сложная явѣ положися,
Въ ней же суть о обители сей описася,
Како, когда и кимъ строити начата бысть,
И о церкви сей величѣ описано есть.
Читателю честный, вонми о семъ внятно.
О семъ бо здѣ истинно описано явно:
Въ царство державы Благочестивѣйшаго
Великаго Государя Царя тишайшаго,
О Христѣ Бозѣ вѣрна и благочестива,
Страшна врагомъ противнымъ, христолюбива,
Самодержца Алексія Михайловича,
Еже отъ прадѣдъ своихъ и Царство Наслѣдника,
Княжествъ, Царствъ и многихъ земель Обладателя,
Московскаго Великаго Князя, Правителя
Россіи всей Великія, Малыя и Бѣлыя,
Право храня всѣ люди благочестивыя,
Егда правящу исконно и церкви святыя.
Россійскаго Государства люди честныя,

Святыя православныя нашея вѣры,
Оборонителю на противныя нашея вѣры.
Еже во псалтырехъ высочайшему,
Честнѣйшему Архіерею и Святѣйшему
Никону Архіепископу Москвы града
И всея Россіи Патріарху сіи стада.
Сей во благочестіи церковномъ правленіи,
Твердо подвизася во всякомъ храненіи,
Ко благочестивой вѣрѣ всѣхъ наставляя,
Аки отецъ слово истины справляя,
Апостольскимъ преданіемъ и Святыхъ отецъ,
Юныя и старыя уча аки отецъ,
Горняго ища, долняя вся презирая,
Щитъ вѣры имѣ, кій на бѣсовъ простирая,
О благочестіи святыни бысть ревнитель
И Вѣры Христіанскія Присный хранитель;
Совѣтомъ Царя благочестива и Собора
Монастыри три построи,—монаховъ сбора;
Есть яже и доднесь яко свѣтила сіяютъ,
Дивная бо въ нихъ чудеса присно бываютъ;
Господу Богу тако изволившу быти,
Любезнѣ щедроты своя на всѣхъ излити,
Въ лѣто отъ Адама 7161-е.
Отъ Рождества Христова 1652-е
Обитель первая Пверская прекрасна,
Яже имать сокровища въ себѣ преславна:
Матере Божія образъ святъ чудотворный,
Весь украшенъ златомъ, перломъ яко цвѣтомъ зорный,
Общежительство въ сихъ обителехъ имуще,
Еже есть ко спасенію путемъ текуще;
На морѣ окіанѣ вторая обитель,

Дивный бо тамъ крестъ устроенъ Чудотворитель,
А иже въ немъ положено и святыхъ мощей,
Есть бо не мнѣе двою сотъ дражайшихъ вещей:
Святаго Животворящаго древа часть,
Но и ризы Спасителя нашего Христа часть,
Той же монастырь нарече Ставросъ, по Грецку,
Иже бо именуется Крестъ по Словенску,
Ибо видимъ есть всѣмъ плавающимъ на моря,
Яко пресвѣтло луна стоитъ на островѣ,
Радостно приходящи той крестъ цѣлуютъ,
Кресту твоему поклоняемся владыко глаголютъ.
Ясно бо о обители сей описую,
О великѣй же церкви здѣ ознаменую,
Господа Іисуса Христа Воскресенія,
Глаголю же о начатіи и о свершеніи:
165 году, Святѣйшій Патріархъ Никонъ здати нача,
Древлянную первѣе церковь ту и скончя,
Еще правившу Ему престолъ Патріаршій,
Апостольскія Святыя Церкви бѣ старшій,
Шествіе творя въ сей монастырь Воскресенскій.
Бѣ бо съ нимъ и соборъ Священный Архіерейскій,
На освященіе храма древняго,
Еже есть Воскресенія сп тридневнаго,
Освященію бывшу мѣсяца Іюня,
Онаго же седмонадесятаго сп дня,
И бѣ ту Царь Благовѣрный на освященіи,
Боляра и весь Сигклитъ Царскій въ пріобщеніи;
Абіе, по освященіи храма того,
Иде Царь къ Святѣйшимъ кругъ монастыря сего,
Радуяся, славя Христа Бога о семъ,
Таково дѣло наченшемъ здати въ мѣстѣ семъ.
Христа Бога въ помощь Святѣйшій призывая,

Еже вящше зданіе начати желая,
И дошедшима има горы Елеона,
Лавры сея къ Востоку бо прямо Сіона,
Мѣста сего на широту пространства зряше
Сюду и сюду, и возлюби тое вящше,
Абіе Царь благочестивый сице рече,
Имя монастырю сему тако нарече:
Новый Іерусалимъ Воскресенскій,
Яко-же и древній Іерусалимъ Палестинскій,
Да будетъ званіе сей обители вѣчно,
Имя бо сіе святого града бѣ честно,
Руки своя писаніемъ изобрази,
Царь Благочестивый мнѣніе всѣмъ яви,
Иже глаголютъ яко Никонъ самъ пророче;
Еже новый Іерусалимъ тако-бо Царь нарече;
То писаніе Патріархъ въ ковчежецъ вложи,
Ради вѣчнаго благословенія положи.
Нынѣшняго настоящаго лѣта, отъ Міра зданія
7165-го.
Отъ Христова Воплощенія 1650 года седьмаго
Мѣсяца Октоврія числа на десять осьмаго.
Крестъ идѣже престолу быть водрузи,
И яко на камени основанія положи,
И свидѣтельствуетъ о семъ той водруженный
Оный крестъ на горѣ Елеонѣ каменный.
Крестъ той письменный подписанъ въ показаніе,
Во знаменіе всѣмъ чтущимъ въ познаніе;
Аще кто хощетъ истинно о семъ увѣдать
Самъ да идетъ на Елеонъ гору Святу да видитъ.
Начата же бысть сія церковь велика монастирская,
Такова яко же бѣ и Палестинская,
Онаго лѣта еще бывшу Патріархомъ на престолѣ,

Російска царствa на Архіерейскомъ столѣ,
Року того м—ца Іюля въ 10 день отъиде,
Отъ царствующаго града сѣмо пріиде;
Ибо зданію сему тщательно прилѣжа
И живъ здѣ, отъ осмь лѣт., мѣс. 3, Богови служа
Симъ бо лѣтомъ пришедшимъ отсюду преселенъ,
Тако изволившу Богу далече свезенъ,
И въ Бѣлоезеровъ монастырь Феропонтовъ.
На вящій бо трудъ и терпѣніе въ Кирилонъ,
Абіе пять лѣтъ тамо пребывавшу,
А зданію во обители сей преставшу,
При Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ
Сдѣлано Великія церкви въ высоту 15 саженъ.
Паки въ лѣто бысть 187 е — (1679)
Человѣколюбецъ Богъ призрѣ на свитое:
Ибо во царство бѣ Царя си благосерда
Еже и ко обители сей милосердца,
Самодержца Ѳеодора Благочестива,
Тишайшаго Государя Христолюбива,
Абіе церковь сію подвизати нача,
И въ царствіе свое тоя не доконча.
Любовію сердца о святѣйшемъ возжалѣ,
Изъ Кирилова бо взяти повелѣ,
Смерть бо того въ Ярославлѣ скончa на пути,
Къ Богу отъиде обители не допусти;
Ибо о семъ Царь благочестивый возжалѣ,
Того въ Лавру Воскресенску вести повелѣ,
Юже самъ Никонъ Патріархъ сію заложи,
Оного бо тѣло Царь ту во гробъ положи
Въ церкви Святаго Предтечи Іоанна
Подъ Голгофою что съ камене сдоблена,

Идѣже разсѣдеся въ страстъ ту гора Креста Святаго Христова
Скважнею тою кровь Христова течетъ на главу Адамову;
Тамъ гробъ Мелхиседека Архіерея Іерусалимскаго,
Здѣ-же гробъ Никона Патріарха Московскаго,
О семъ бо заповѣда намъ самъ, егда живъ-бѣ,
По умертвіи, тѣло свое положити здѣ,
Есть же и писаніе руки его о семъ
Во обители сей доднесь видимо всѣмъ.
Се бо вскорѣ и Царь Ѳеодоръ къ Богу отыде,
Самодержавнѣйшій сего свѣта сниде.
Лавры же сея не остави Богъ въ презрѣніи,
Еже мнози мнѣша быти въ совершеніи,
О еже вѣрою своею къ Господу Богу,
Милость же творя ко обители сей премногу
Благородная Государыня Цесаревна
Татіана Михайловна Великая Княжна
Ревнуя по Господѣ Бозѣ всеусердно,
Тщательно желая створити благосердно,
Недокончаемое дѣло навершити,
Сію великую Церковь совершити,
Обитель сію въ толикую славу облече,
Бодрымъ бо своимъ тщаніемъ къ любви притече
Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей
Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича
Великія и Малыя и Бѣлыя
Россіи Самодержцевъ всея;
Они же яко истинные послушатели,
Великіе бо Монарси и Правители
Милостивымъ призрѣніемъ своимъ призрѣша,
Церковь бо сію свершити благовелиша;

Но въ Царство Ихъ Великихъ Государей свершися
Сія великая церковь и украсися
Казною ихъ Великихъ Государей здаша,
Пребогатымъ бо даяніемъ во вся быша,
Ко освященію Церкви сея сподобляя,
Вся же потребныя вещи устрояя.
Государыня благородная Царевна
И Великая Княжна Татіана Михайловна
Изъ своихъ сокровищъ лучшая своя ту вда,
Церкви бо и алтареви вся Богу преда
Жизни бо вѣчныя на небеси желая,
Устрои домъ Божій надежду полагая,
На небесная бо и вѣчная вся взирая,
Славу міра и земная вся презирая,
Уготова къ освященію прекрасну,
Тщательнѣ устроиша въ Россіи преславно,
Юже Всесвятѣйшій Іоакимъ Патріархъ
Россійскій освяти ю яко Іерархъ;
Ту бѣ на освященіи Царское Величество,
Освященный Соборъ, Сегклитъ и народъ множество,
Архіереи: Варсонофій Митрополитъ Сарскій и Подонскій,
И Гавріилъ Архіепископъ Нежегородскій,
Аѳанасій Архіепископъ Колмогорскій,
И Архимандритъ Никофоръ Воскресенскій.
Богу изволившу совершитися сему,
Такову зданію мнози дивятся всему;
Людіе вѣрніи приходяще отвсюду,
Еже бо слава изыде о семъ повсюду:
Иностраннін издалече шествіе творятъ,
Любезнѣ со удивленіемъ зданія зрятъ.
Церковь же сія освятися въ пролѣтіе.

Бѣ тогда 7193-тіе м-ца Генуарія осмонадесятое,
Убо симъ настоящимъ лѣтомъ совершена
Вже сложенную сію таблицу скончена.

Въ концѣ въ одну строку есть особая приписка; но нельзя разобрать потому, что камни обломаны по краямъ. Вся надпись высѣчена вглубь на бѣлыхъ изжелтакаменныхъ плитахъ; она шириною 9½, вышиною 20 четвертей.

Надпись эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней заключается цѣлая исторія Воскресенскаго монастыря, до разрушенія Соборнаго шатра и до возобновленія его по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны. Она сочинена Архимандритомъ Никаноромъ, бывшимъ Настоятелемъ отъ 1686 до 1698 года.

Конецъ.

Цѣна **2** руб. сбр.

Продается у издателя на Никольской ул., д. графа Орлова-Давыдова, въ книжной торговлѣ **А. Д. Сазонова,** въ Москвѣ.

2007059409